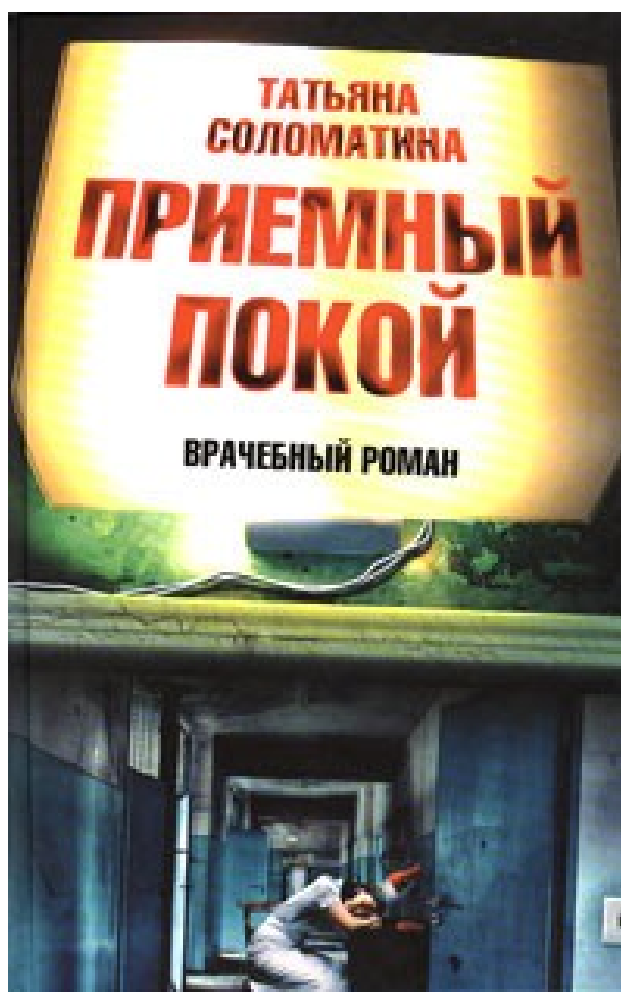


Приемный покой



Татьяна Соломатина

Эта книга о врачах и пациентах. О рождении и смерти. Об учителях и учениках. О семейных тайнах. О внутренней "кухне" родовспомогательного учреждения. О поколении, повзрослевшем на развалинах империи. Об отрицании Бога и принятии его заповедей. О том, что нет никакой мистики, и она же пронизывает все в этом мире. О бескрылых ангелах и самых обычных демонах. О смысле, который от нас сокрыт. И о принятии покоя, который нам только снится до поры до времени. И конечно же о любви...

Соавтору моей жизни – Илье Соломатину
Пролог Предвестники
Чем умирят
суету голов,
отчаянных порывов жизни,
снов,
не временем ли?
Нет.
Не мыслью?..
От суеты до вечности
исход
один —
к познанию обреченный принцип —
не эталонный замыслов черёд,
но раритет свободы чистой,
неизмеримый, как полёт
над пунктом при-бытия.
И всё же близкий
в движении
скольжению сфер
и дерзкий,
как низведённый Люцифер,
и тут же разумением детским
покладист, чист и смел
в свободе от-бытия?. [1]

«Ежедневное практическое применение жизни, не как состояния, но как подсознательного стремления, рано или поздно приводит к моменту, когда состояние, как таковое, оказывается, очевидно, лишним. Зато стремление очищается, кристаллизуется и заполняет собой всё то, что раньше представлялось всем и много более того». [2]

Она опустила в кресло.

Как же меня зовут? С тех пор как родился внук, я стала равнодушна к своему имени. Вот если бы внучка – было бы приятно, если её назвали в мою честь. Хотя какая же это глупость – «называть в честь». Что я знаю о чести? Честь – честность – чувствовать – честолюбие... Словесная чесотка.

С книгами легче, чем с живыми людьми. Они никогда не перебивают. И говорят то, что говорят, и не более. Они смиренны, как должно, и честолюбивы – насколько позволительно. Они – паруса. А живые люди – якоря. А если и паруса – что большая редкость, – так что толку – у них свои направления. А то и система координат. И как понять, призван тот лишь служить вселенскому

принципу многообразия и неповторимости и Бог присматривает за ним, как и за всеми, или сам он присматривает за Богом, творя Славу Мира?..

Я же верю в Бога? Не помню. Не знаю. Кто она, эта вера? Женское имя.

Как же всё-таки меня зовут? Очень простое имя. Очень короткое слово...

Но сегодня так много слов приходило. И значения их полнее, яснее. Но не звучанием, не значимостью. Нет. На самом деле их вообще нет.

За словами я чувствую толчки. И пульсирующие каналы. А тем – другим – нравятся тоннели. А что тоннель – дырка, колодец? Чушь! В тоннелях не может быть толчков – только скрежет. Ничто не может быть несвободным, неоткрытым. А толчки – они мягкие, нежные. Как объятия. Но откуда я это знаю? Предощущение? Мы лишены любого знания, пока живы, и лишь умирая... Да нет... Неужели это так?.. Господи, как же люди глупы! Ведь всё наоборот! Я знаю! Знаю! Никто не говорит об этом не потому, что не может, – «уже не может», как они любят акцентировать, – а потому, что НИ К ЧЕМУ! Да и НЕТ СПОСОБА ГОВОРИТЬ ОБ ЭТОМ!

Почему большинство кричит, когда рождается? Ах, да, – первый вдох. Суть – крик, расправить лёгкие. Так говорят. Но иные – молчат. Их считают слабыми. Или больными. Мой внук не сразу закричал. Да и не закричал, а грустно заплакал. Более сильного человека я не знаю. И он – мое продолжение.

Смерть тише рождения. Может, поэтому нам кажется, что она и сильнее рождения? Многие ли кричат, умирая? Иногда думается, что жизнь – это этап. Причём в буквальном смысле – для кого всего лишь Москва – Наро-Фоминск, а для кого и в кандалах пешим ходом до бескрайних просторов Сибири. Мы не помним своего рождения. Мы не будем помнить своей смерти. Лишь толчки и каналы. Бесконечное путешествие по бесконечным каналам. Толчки и каналы. Уходы и приходы. Прощания и встречи...

Одно их роднит – и рождающиеся, и умирающие воспринимают мир прямо.

Надо ли всё объяснять? Слова – для грешников. Для мытарей. Для писателей. Вот пусть и пишут. А я почитаю. В путешествие всегда лучше отправляться налегке – с книгой. Среди множества слов всегда найдётся парочка действительно важных и хотя бы одно главное. «Слова, слова... Я был богат словами. Слова ушли, их заменило знание простых вещей в природе человека...» [3]

И я их уже почти не чувствую... Не ощущаю? Не помню?..

А зачем помнить то, что ОДНО?! Глупая человеческая привязанность – пытаться запомнить многообразие единого!

Мне больше не надо ничего помнить. Тяжеловесность уходит. Стихают звуки, угасает зрение... Дисбаланс тела больше не отвлекает меня. Меня нет и я – всё... Я – Слово.

Прощания и встречи... Прощая, навстречу – как это прекрасно!

Прикрытые, ставшие ненужными глаза, книга на коленях, и кресло,

вздыхнувшее о чём-то своём через поры обшивки.

Жаль, что нам не удаётся припомнить момент истинного рождения.

Но это пока, пока...

Часть первая Раскрытие

Клянусь считать научившего меня этому искусству равным моим родителям, делиться с ним средствами и при необходимости помогать ему в нуждах.

Гиппократ. «Закон»

– Щипцы? – скорее уточнила, чем спросила акушерка шёпотом.

– Рыба! Не свисти под руку!

– Не родит она сама, Виталий Анатольевич. Не родит, поверьте моему опыту. – Светлана Ивановна отвлеклась от докторского уха. – Начинается! Лена, давай! Тужься! Тужься! Да не в щёки и не в глаза, а в попу тужься, в низ! Лена, не теряй потугу! Ну кто так тужится, Лена?! Так глаза лопнут, если сначала щёки не треснут! Да что ж такое! Почему ты не хочешь ему помочь?!

– Я... хА-чу! Я не... мо-ГУ! Сил... не-е-е-ет! – зверино простонала молоденькая роженица.

– Со мной пререкаться у тебя силы есть! Всё, кончилось. Отдыхай. Послушайте сердцебиение, быстро!

Испуганный интерн схватил стетоскоп и стал шарить им в районе пупка.

– Дай сюда! – Виталий Анатольевич резко вырвал деревянную трубку из неумелых рук, отточенным движением приложил чуть выше лобка роженицы и на пару мгновений прислушался к бешеному стуку жизни, не желающей покидать вечный покой ради сомнительного света.

– Страдает. Восстанавливается с трудом, и уже под сто восемьдесят [4] будет. Не ритмичное... Лена! Надо постараться! Твой ребёнок мучается. Слышишь меня?! Никто, кроме тебя, этого сделать не сможет, Леночка. Вон, смотри на нашего доктора... – Виталик кивнул на интерна. – Он так дуется, что сейчас укакается!

Взмокшая, измученная стонущая женщина нервно хихикнула.

– Вот и ты так тужься.

И без того переливающийся всеми цветами радуги интерн стал багровым. Это было его первое дежурство в родзале. Пару раз он уже был близок к обмороку, и лишь то, что он – мужчина, мало того – врач хирургической специальности, удерживало от погружения в блаженное, хоть и недолгое, небытие. Ладно бы только само действие. Но это безумное смешение запахов – специфический дух «родильной» крови, едко пахнущие секреты женского организма, помноженные на запахи кишечных газов, многократно усиленные закисью азота, создавали безумную атмосферную симфонию, перед которой меркла любая психоделическая импровизация. Хлоргексидин, йодонат. Пот, мужской и женский, у каждого – со своей, лишь ему присущей ноткой. Тяжкое желание мускуса, лёгкая эйфория «веселящего газа», бесконечная поликлиника

дезрастворов. Все это скручивалось тугими ватными турундами в заложенных от неведения ушах. А ведь он отнюдь не был зелёным новичком и всю учёбу в институте работал. И в морге, и в приёмном покое этой же многопрофильной больницы, и в гнойной реанимации. Но запах морга был равнозначен запаху смерти. Ясной и понятной. И никакие мёртвые органы, препарированные металлом, не вызывали священного ужаса – ремесло, как ремесло. Ни один провонявший мочой и калом бомж не вызывал ничего, кроме брезгливости, к которой рано или поздно принохиваешься и перестаёшь замечать. Как перестаёт замечать запах озона живущий на высокогорном плато. Гной – он гной и есть – мёртвые лейкоциты. Продукт распада, не более. Тут же было слишком всего. Околосмерть и почтижизнь скрестили свои рапиры в учебном бою, но, распалившись не на шутку, кажется, разменяли актёрство тренировки на азарт битвы не на жизнь, а на смерть. Точнее «на победителя». Кажется, эти, в зелёном и белом, уже тоже рождались и умирали всерьёз. Это не может быть правдой. Нельзя родиться несколько раз в сутки. Нельзя умирать при каждой удобной возможности. Нельзя шутить на краю бездны и рассказывать анекдоты, падая в пропасть. Вопль обезумевшей роженицы на мгновение сорвал с него пелену тугоухости.

– Не могу уже, не могу, Виталий Анатольевич. Всё!!! Не могу!!! Режьте!!!
Делайте кесарево!!! А-а-а! Опять начинается!!!

Она уже даже не пыталась напрягать брюшной пресс в ритм сокращениям матки. Истерзанная сутками схваток и сорока минутами потуг, одурманенная закисью и нежеланием сосредоточиться и помочь, она могла лишь мешать. Мешать оказанию помощи себе и ребёнку.

– Поздно, Лена, резать! Раньше надо было соглашаться. Давай без истерик! Работай!

– Виталик, может, ещё окситоцина? – шепнула акушерка.

– Ага, только разрыва матки нам не хватало с твоим бесконечным окситоцином. Рыба, угомонись. Так. Поздняк метаться. Щипцы.

– Я не хочу щипцы!!! – истошно завывала Лена и стала хватать врача за руки.

– Задом не крути, ребёнку голову свернёшь! Лежи спокойно! – прикрикнула на неё «Рыба», Светлана Ивановна Рыбальченко, первая акушерка родзальной смены.

Вторая акушерка уже положила характерным, так привычным для сотрудников стационаров, металлом брякнувший бикс [5] на соседнюю пустующую рахмановку [6] и вопросительно посмотрела на Виталия Анатольевича.

– Рыба, ты знаешь, когда я последний раз щипцы накладывал?

Светлана Ивановна горько усмехнулась.

– Вот именно, – продолжил он. – Никогда я их не накладывал. Интерн, ты щипцы накладывал?

Тот в ответ лишь испуганно затряс головой.

– Не ссы, шучу. Звоните Боне.

– Виталик, не надо Боне, – совсем тихо шепнула Светлана Ивановна. – У него руки из жопы растут. Петра Александровича зови.

– Я бы рад Петра Александровича, да только ответственный сегодня Игорь Анатольевич. А Пётр пока доедет, кто-то из нас кони двинет. И скорее всего, ребёнок. В лучшем случае. В худшем – мамаша.

– Не двинет, – подал голос анестезиолог. – За неё я отвечаю. И с рахмановки мы её снимем.

– Ты там особо не увлекайся. С рахмановки-то снимем, а дальше? – кивнул Виталик на внутривенную систему, у которой несла свою вахту анестезистка, перекрывая на время потуг. – Там ещё пока... Да. – Он скептически скривил губы.

– И дальше...

– Только мне интранатальной [7] гибели со всеми вытекающими прелестями детской и материнской [8] не хватало, – пробурчал себе под нос Виталий Анатольевич.

– Пётр в роддоме, – тихо сказала первая акушерка. – В кабинете у себя. Не один. Телефон не поднимает, но я знаю. Мы молодого доктора, – Рыба кивнула на интерна, – попросим пойти и настойчиво постучать. А как Петя откроет – смиренно получить по голове, выслушать отповедь и сказать волшебное слово «щипцы». Он принесётся. Обязательно.

– Иди! Чего стоишь?! – заорал Виталий Анатольевич на интерна.

Вторая акушерка уже звонила дежурному ответственному врачу и неонатологу [9] в реанимацию новорождённых. Слава богам, протоколы и алгоритмы в этой слаженной команде знали все, и лишних слов не требовалось.

Пётр Александрович появился десять минут спустя, большая часть из которых пришлась на суетливые метания интерна между лифтом, звонком в двери физиологического родзала, где и находился кабинет заведующего Петра Александровича Зильбермана, акушера-гинеколога высшей квалификационной категории, заслуженного деятеля науки и техники РФ, доктора наук. Но все эти регалии таяли перед главным: Пётр Александрович был непревзойдённым ремесленником, а в случае более сложных задач, поставленных матушкой-природой в искусстве родовспоможения, – творцом. Умения, помноженные на знания. Знания, помноженные на опыт. Опыт, возведённый в степень акушерской интуиции, вместе рождали бесконечность. Бесконечность его лекарственных возможностей. А полное отсутствие честолюбия и своевольный характер так и затормозили Петра на должности заведующего физиологическим родильно-операционным блоком. Ему не нужны были медальки более вышестоящих должностей и ордена званий. Те же, что у него были, достались ему за дело. Вернее, ему их «достали» обстоятельства в те времена, когда ещё не принято было присваивать себе чужие заслуги и

откровенно воровать не свои достижения. И кроме того, Петру просто повезло с друзьями и коллегами. Он был из тех, чьё откровенное истинное негромкое величие останавливает даже самых ничтожных и подленьких карьеристов, в большом количестве пасущихся на любых нивах, в том числе – медицинских. А «дальше» он не пошёл, потому что откровенно не любил писать и терпеть не мог административную работу. Не было другого такого из рук вон плохого оформителя историй родов и болезней, статистических талонов и годовых отчётов. В операционных и родильных журналах, за которые номинально отвечал Пётр Александрович, царил откровенный бардак, а написание не слишком серьёзных проходных рецензий он всегда перепоручал, подписывая, не глядя, откровенную чушь. Зато он был «акушером от бога», то есть – смотри выше – знающим опытным ремесленником, наделённым даром такого рода чувства, что превращает плотника в зодчего.

– Ну что, наломали мне малину, подлецы? Нигде старику покоя нет. Что, в слабость потужного периода [10] въехал, Виталий Анатольевич? Молодец! Надеюсь, ты прикрыл свои, такие уязвимые нынче, ягодицы совместным осмотром с ответственным дежурным врачом? Начмед в курсе?

– Да, с Игорем смотрели. Всё нормально было, Пётр Александрович. Вставление правильное, таз не узкий, плод не крупный. Она поступила вечером, уже со схватками. На этаже не лежала. Да и ничего особенного не было, чтобы начмеда на осмотр вызывать или в известность ставить.

– Ну ты, Виталик, лучше поставь её в известность. А то она тебя потом так поставит, что неизвестно, когда с места тронешься. Ничего особенного, говоришь, не было? – Пётр надел перчатки и осмотрел роженицу во время потуги. – Не забудь клинически узкий таз, вами просмотренный, в диагноз написать. Плод действительно некрупный. А голова большая. Родим, измерите, убедитесь. Хотя датчиком ты ей по пузу во время беременности наводился небось по самое «не могу». Ультразвуковое исследование, Виталий Анатольевич, оно ультразвуковое исследование и есть. Как всё обстоит на самом деле, люди узнают голыми руками. Знаешь, интерн, что старые акушеры без перчаток работали? Я ещё это время застал. Резина, она тактильную чувствительность скрадывает. Тебе этот факт, как юноше половозрелому, должен быть известен. Но без резины, дружочек, никуда нынче не сунешься. Потому что инфекция всякая и разная. Такие дела. Как зовут? – обратился он непосредственно к роженице.

– Леночка... – по-детски всхлипнув, ответила та.

– А я – Петечка. Не волнуйся, Леночка. Сейчас Пётр Александрович помоеет руки и мы, наконец, родим. – Он заглянул в промежность. – Ясно. Господин наркотизатор, [11] давайте сделаем так, чтобы Петру Александровичу Леночкина боль не мешала, договорились? Рыба, эпизиотомию [12] сделай в обе стороны.

– Сейчас, потуги дождусь.

– Светлана, ну зелёный бы, неопытный кто сказал, но ты?!

– Ладно, Пётр Александрович. – Светлана Ивановна взяла со столика ножницы и быстрыми движениями разрезала промежность.

– А где наш врач-интерн? – огляделся уже помытый Пётр Александрович, пока санитарка сзади завязывала ему халат. – Табуретку.

Акушерка быстро отодвинула столик, задвинула лоток, санитарка поставила металлический, покрашенный белой краской винтовой табурет. Пётр сел.

– Иди-иди сюда, интерн. Не бойся. Я только с виду такой грозный. Впрочем, я посмотрю, какой ты будешь, если тебя за пару самых сладостных мгновений до эякуляции позовут мир спасти... Надеюсь, насплетничали уже? Вообще-то порядочным днём это у нас не слишком принято, но безалаберными ночами тут все немного развязны. В том числе в области языка. Как ты там сказал? «Срочновродзалщипцы!» Представляешь, Рыба? Ни тебе «Здравствуйте, Пётр Александрович, мол, я – Иван Иванович, врач-интерн, вас, высокоуважаемый Пётр Александрович Зильберман, Виталий Анатольевич Некопаев изволили в родзал пригласить для консультации и оказания высококвалифицированной медицинской помощи. Потому как сам Виталий Анатольевич безнадежно застряли-с на уровне оказания помощи специализированной». Нет. Вот так вот и пролаял, щенок, мне, старому псу, команду: «Срочновродзалщипцы!» – Он говорил ровно и вовсе не раздражительно, изучая окровавленные свежими разрезами недра роженицы. – Высоко головка. Высоко. Ничего, деточка Леночка – сладкоголосая сиреночка, сейчас мы тебе поможем. Интерн! Как тебя звать величать, кстати?

– Женька.

– Женька – он по подвалу кашу возит, а ты кто?

– Евгений Иванович.

– Вот! У врача должно быть имя и отчество, даже если он безотцовщина. Отчество, Евгений Иванович, это знак отличия. Причастность. Кастовая принадлежность. Становись, Евгений Иванович, справа от меня. Свет не загораживай. Помогать мне будешь.

– Так мне руки помыть?

– А чего, грязные?

– Нет, я имел в виду...

– Не надо иметь в виду. Если грязные – вон из родзала. Чистые – не мой. А помогать мне будешь советом и словом добрым. Руками я и сам как-нибудь управлюсь. Ну-ка, расскажи мне, Евгений Иванович, что я сейчас должен делать? А то я малость подзабыл. – Пётр лукаво прищурился, глаза над маской залучились, ещё чётче обозначив сеть слишком глубоких мимических морщин, свойственных чрезмерно улыбчивым незлым людям.

Присутствие Петра Александровича удивительным образом повлияло на всех в

родильном зале. Нервозность персонала и паника роженицы ушли, как будто не было их только что. Врачи, акушерки и санитарки расслабились, потому что пришёл тот, кто всегда справится, а если не справится, то не будет перекидывать ответственность ни на кого другого, кроме себя. Будет отвечать даже в том случае, если не виноват в сложившейся ситуации. Человек-покой. Человек-фундамент. Человек-основа. Создавалось впечатление, что не смесь закиси азота с кислородом угомонили всхлипывающую и рычащую Леночку, а сам голос его – обволакивающий, как охлаждающий гель на воспалённую поверхность, ритмичный и тихий, как молитва деревенских бабок, заговаривающих испуг, икоту и снимающих сглаз.

– Пётр Александрович, можно работать! – отрывисто произнёс анестезиолог.

– Спасибо. Работаем. Так, уважаемый Евгений Иванович, что я сейчас должен сделать? – Руки Петра уже порхали, и казалось, не тяжёлые металлические ветви, смахивающие на огромные ложки для салата, [13] у него в руках, а нечто ажурное, невесомое, как качественная рыболовная сеть. Лёгкая, прочная и надёжная.

– Вы должны замкнуть замок на ветвях? – неуверенно ответил интерн.

– Совершенно верно. И что я должен для этого сделать?

Семь пар глаз – дежурного врача, ответственного, двух акушерок, санитарки, интерна и подошедшего неонатолога – не отрываясь смотрели на руки Петра Александровича.

– Левую ложку держат левой рукой и вводят в левую сторону таза матери под контролем правой руки, левую ложку вводят первой, так как она имеет замок, – вспоминая текст учебника, выдал Евгений Иванович.

– О! Смотри-ка! Я так всё и сделал. А дальше?

– Правую ложку держат правой рукой и вводят в правую сторону таза матери поверх левой ложки. Для контроля за положением ложки во влагалище вводят все пальцы руки акушера, кроме большого, который остаётся снаружи и отводится в сторону. Затем как писчее перо или смычок берут рукоятку щипцов, при этом верхушка ложки должна быть обращена вперёд, а рукоятка щипцов – параллельно противоположной паховой складке. Ложку вводят медленно и осторожно с помощью подталкивающих движений большого пальца. По мере продвижения ложки рукоятку щипцов перемещают в горизонтальное положение и опускают вниз. После введения левой ложки акушер извлекает руку из влагалища и передаёт рукоятку введённой ложки ассистенту, который предотвращает смещение ложки. Затем вводят вторую ложку. Ложки щипцов ложатся на головку плода в её поперечном размере. После введения ложек рукоятки щипцов сближают и стараются замкнуть замок. При этом могут возникнуть затруднения...

– Молодец! Пока ты тут нам нараспев акушерскую «Тору» наизусть излагал, Светлана Ивановна у меня уже ассистентом подработала пару рюмок коньяка.

Рыба, коньяк будешь? Ну, конечно с лимоном. Я же тебе не пэтэушник какой, без закуски даме выпить предлагать. Тем более никаких затруднений у нас не возникло, ты смотри, врач-интерн, какие мы умелые! А теперь запомни, Евгений Иванович, щипцы – инструмент какой? Тянущий, по-русски говоря. Тractionный – по-латыни выражаясь. Их не крутят, ими не елозят туда-сюда и уж тем более – не плющат. Ими что? Правильно. Тянут. Но не просто тянут, как рыбу удочкой, – лишь бы вытянуть, а в соответствии с биомеханизмом родов в... Кстати, Евгений Иванович...

– В переднем виде затылочного предлежания, – оттарабанил Женька.

– Ай, молодец! Рыба подсказала?

– Да, если честно. Виталий Анатольевич давал мне посмотреть, но я не особенно что-то понял.

– Ты, Евгений Иванович, когда первый раз с женщиной по-мужски был, что-то понял? Вот и тут всё то же самое. Врачебный талант он сродни мужскому – если женщина тебе дорога, то рано или поздно она вся на кончиках...

Рыба прыснула.

– ...Пальцев! А ты – дура старая, – добродушно прокомментировал Пётр Александрович хихиканье акушерки. – На кончиках твоих пальцев её душа. То есть – вся Вселенная. Представляешь, какая это сладкая ноша – акушер? Акушера дорога каждая женщина, что оказалась в его руках. Фатум...

Пётр Александрович говорил, а движения его были плавными, неспешными. Он немного потянул книзу. Замер. Ещё немного книзу. На себя. На себя. Кверху. Мышцы его под пижамой вздулись, несмотря на кажущуюся легкость движений. Ещё раз кверху!

– Главный мужской гений, друг парадоксов Евгений, познание женщины! – сказал Пётр Александрович и...

...И Евгений Иванович тихо сполз по кафельной стене в долгожданный обморок, как раз в тот момент, когда над истерзанным женским лоном в результате последней тракции появилось что-то осклизло-синюшное, в радужных перламутровых ошмётках, с непропорционально большой головой, так непохожее на плакатных глянцевых младенцев в генно-модифицированной гламурной капусте, развешанных по стенам отделений родильного дома. Что-то загудело прямо над головой, и, кажется, кто-то нетактично подпихнул его обмякшее тело ногой.

– Отсос включите! – проорал кто-то в его войлочной темноте и голосом Петра Александровича обратился почему-то к нему, Женьке: – Девочка у тебя, Леночка. Девочки-лапочки – Леночки, живучие, что тот сорняк. Не то, что мужики. Вон, смотри, разлётся тут Евгений Иванович, акушер-гинеколог, лишившийся чувств. Впрочем, иногда полезно лишиться чего-нибудь или даже кого-нибудь. Очень укрепляющая дух гимнастика. А девочку теперь хочешь Сашкой, а хочешь Женькой называй. Красивые имена.

* * *

– Она будет Евгения Ивановна, как моя мама! – ответила Леночка соседке по палате, разбитной девице с рабочей окраины.

– А откуда ты знаешь, что это будет она, а не он?

– Знаю. И потому что все мужики – козлы.

– Какая свежая мысль. Видимо, папаши у будущей Евгении Ивановны не предвидится? – понимающе хмыкнула та.

– Не предвидится. Поматросил и забросил. Да и не сильно надо было. Мать меня сама вырастила, а уж вдвоём с ней мы тем более справимся.

– Что, и за волосы не тягала, и обстоятельств не выясняла?

– Нет. Поплакали для порядка, и решили оставить.

– Везёт тебе. А мне с пузом – ни в общагу, ни домой, в деревню тем более. Так что я здесь, подруга, на прерывание. Вот так вот.

– На что? – с ужасом переспросила Леночка.

– На что, на что... На аборт. У нас в медико-санитарной части гинеколог – тётка с понятиями. Быстро направление выписала, без лишних моралей. Приписала мне там какое-то... медицинское показание. Сказала: «Всё равно чиститься попрёшься чёрт знает куда, так лучше уж в больницу. Хоть в живых останешься». А у них мест свободных нет, извини, я тут с тобой полежу, ничего?

– Ничего... Слушай, а почему в роддом, а не в гинекологию, если на аборт?

– Потому, что уже того... Аборт в позднем сроке. Сказала же, по медицинским показаниям, поняла?! – внезапно разозлившись на себя за лишнюю откровенность, выпалила соседка и отвернулась к окну.

Может, ей стало обидно, что есть же вот, тетёхи, рожают. И мамы у них понимающие, и квартиры в Москве небось от дедушек-генералов, и всё им нипочём, не то что «лимите поганой», на хлебозаводе вламывающей. В деревню вернёшься – если мать раньше не расстарается, так отчим добьёт. Повезло ещё, что врачиха сердечная попалась. Облаяла, конечно, на чём свет стоит, и поделом, но хоть помогла. Или просто жалость к себе, а ещё больше – к нему, ни в чём не виноватому и уже почти настоящему ребёнку нахлынула. Главное, не позволять себе жалости. Жалость – роскошь, которая ей, Анне Романовой, не по карману, в отличие от этой благополучной, по рождению столичной жительницы.

– Ты не переживай. – «Тетёха» присела на краешек кровати. – Тебя как зовут? Извини, не спросила. Меня Леночка. Леночка Иванова.

– Аня Романова.

– Какая у тебя фамилия... звучная. Аня Романова, всё образуется. Может, передумаешь, пока не поздно?

– Иди ты к чёрту! – Она скинула Леночкину руку с плеча. – Поздно. Ждёшь свою Евгению Ивановну? Вот и жди! А в чужие дела носа не суй, Леночка

Иванова. Мне твоя жалость не нужна. Я теперь «жалельщиков» насквозь вижу. Кавалер у меня тоже очень жалостливый был. Всё жалел и жалел, жалел и жалел. Сперва жалел, что не дала. Потом жалел, что взял. Что не может меня с мамой познакомить, потому что она строгих правил и не позволит ему жениться на деревенщине необразованной. Жалел, что всё так вышло, и очень жалел, что не может помочь. А теперь? Где он, а где я? Век за эту врачиху из медсанчасти, будь она сто раз грубая и скандальная, молиться буду.

Леночка тяжело встала, вздохнула и... ойкнула.

– Что такое?

– Кажется, начинается.

– Ладно, ложись. Сейчас врача позову.

– Не надо, я сама.

– Лежи, сказала. Мне всё равно надо спросить, когда меня опроцедурят. Так-то я боюсь к ним соваться, а сейчас – вроде повод. Тебя чего в обсервацию упекли? Это же вроде для всякого отребья, вроде меня или больных чем-нибудь. Больная?

– Почему сразу «больная»? Необследованная просто. Мы с матерью решили на учёт в женскую консультацию не вставать.

– «Мы с матерью»... – передразнила Анна. – Ох, не завидую я твоей Евгении Ивановне, залюбите её живьём, бедолагу. Ладно, скоро вернусь, не ойкай.

Леночка родила мальчика. Евгения Ивановича. Да не просто так родила, а в истинных муках. Если бы не тот врач... Пётр... Пётр... Нет, никак не вспоминается отчество. Фамилия у него была такая, характерная. Прямо анекдотическая. Не то Рабинович, не то Абрамович. Нет, не вспомнить. К тому же эти имена... Что Пётр Иванович, что Иван Петрович – для русского уха неразличимы. Если ещё в школе хорошо учился, так Александр Васильевич для тебя – Суворов. Василий Иванович – в любом случае Чапаев. А тут Пётр... Пётр... Двенадцатое июля – день святых Петра и Павла. Это она с детства помнила, потому что, пока бабка жива была, всегда в этот день молилась за упокой души сына Павла. Господи, как же этого Петра?.. Не важно. Ему было слегка за тридцать или около этого. Невысокий, коренастый, мускулистый. Спокойный. Говорил, говорил, говорил, как Леночкина деревенская прабабка – мать деда, – когда кровь из пальца заговаривала. Что он говорил тогда, этот врач? Мол, роды для ребёнка – своеобразное изгнание из Рая, где не было ни забот, ни хлопот. Что-то про Гиппократ. Нет, не про клятву. О том, что тот-де в родах ничегошеньки не понимал, как та булгаковская бабка-повитуха, а помогать – помогал. Потому что тут есть кое-что поважнее знаний. Которых, конечно, никто не отменял. Речь у него такая была... Сложно рассказать. Как кольцо Мебиуса, что крутишь на пальцах. Вот и этот Пётр так. Хотелось вращать головой и, подняв руки, воспарить. Боль куда-то уходила, а внизу живота – в самом-самом низу оставался огненный шар. Но он не жёг –

согревал. Он был Солнцем, а ты – Третьей Планетой. Только Звезда была внутри тебя. Чушь, да? Но что поделаешь, если именно так оно всё и было. Никогда больше в жизни – ни до, ни после – не испытывала Леночка такого бесконечного блаженства, такого сознания собственного могущества, как в те пару минута-веков – когда молитвенно-шутливо Пётр рассказывал, что женщина – Бог. Бог проявляющий и Бог проявленный же. Творящий и сотворённый. Сама себе Отец, Сын и Дух Святой. А также – Швец, Жнец и На Дуде Игрец. А может, весь этот бредовый флёр воспоминаний лишь результат закиси азота, смешанной с кислородом? Но Пётр-то был. В палату потом приходил, спрашивал: «Как дела? Жалобы на неуверенность в завтрашнем дне предъявляем?» Смеялся. Красивый. Коренастый. Мускулистый. Русский. Не орал тогда, в родзале, как санитарки. Не ковырялся туда-сюда внутри суетливо, как акушерки. Руки у него были тёплые, безболезненные, не хлопотные. Сквозь дурман был слышен стук инструментов и его негромкий голос: «Дура, левую ложку сперва» – как будто ложки бывают левые и правые? Не делали тогда вещей под левшей, она немного позже столкнулась с проблемой, потому что Женечка родился левшой, – а потом он сказал сквозь чей-то жалкий писк: «Мальчик у тебя, Леночка. Мальчики – яйценосящие, беззаботные, что тот сорняк. Не то что девочки – живородящие. А мальчика теперь Сашкой...» «Мальчик?!! Я хочу Женькой...» – «Ну раз хочешь Женькой – называй. Красивое имя».

Леночка и назвала сына Женькой.

И у неё с ним действительно не было никаких забот, не считая левой ведущей руки и почти абсолютной памяти. К слову, встречающейся гораздо реже абсолютного слуха и считающейся чуть ли не психическим заболеванием. Но малыш Женя был не только умен, но и хитёр. Например, года в три он сделал вид, что научился читать. А сам, попросту, брал с полки книжки, прочитанные ему бабушкой и мамой вслух, и с важным видом листал, «зачитывая». Его дамы умилялись, гордились и потчевали конфетами. А много ли мужчине, три ему или тридцать три, надо для счастья?

Так что он был счастливым образцово-показательным карапузом, несмотря на «щипцовость». И никаких задержек моторики и умственного развития у него не наблюдалось – скорее наоборот, – несмотря на суровые предсказания участкового педиатра, посещаемого непременно втроём: бабушка, мама, Леночка и Женька. Бабушка суетилась и давала Леночке ценные указания. Мама Леночка нервничала и не хотела бабушкины ЦУ [14] и тем более ЕБЦУ [15] выполнять, потому что у неё был свой, прогрессивный взгляд на воспитание младенца. В конце концов, на дворе стоял 1971 год, наука, наоборот, на месте не стояла, и плавать раньше, чем ходить, было модно. Но плавать и плескаться младенцу Евгению Ивановичу не разрешалось нигде, кроме как в цинковом корытце, поставленном поверх двух досок на большую

эмалированную ванну. В предварительно нагретом до высокого градуса помещении под неусыпным присмотром бабушки. Кажется, с тех самых пор, как родился внук, никто уже и не произносил имя этой женщины. Отец её – отставной полковник авиации, не генерал, зато Герой Советского Союза, – давно умер. Вернее, трагически погиб – сгорел вместе со своим собственным гаражом и стоявшей в нём «Волгой». Он крепко принял, думая не столько о судьбах Родины, сколько оплакивая недавно покинувшую юдоль земных печалей горячо любимую такую молодую ещё супругу, и закурил. В непосредственной близости от канистр с бензином. А потом ещё принял. И ещё закурил. И так – до известного финала.

Дочь осталась одна с деревенской бабкой. А затем – с квартирой, дачей, позже проданной, работой библиотекаря в Дубовом зале Ленинки и нелёгкой женской судьбой. Кажется, именно там – в библиотеке, под священными сводами хранилища манускриптов и многотомья классиков марксизма-ленинизма, переведённых на корякский, тюркский и китайский, она и отдалась младшему научному сотруднику чего-то очень идеологически выдержанного, исторического. Историей он для неё стал буквально спустя один женский цикл. Регулы не пришли вовремя, а девочка Леночка родилась в срок – ровно десять лунных месяцев после того единственного полового акта, освящённого пылью переплетённых печатных знаний. Времена были смутные – абортыв находились под строгим узаконенным запретом. Да полковничьей дочке и в голову бы не пришло такое. Она была одна-одинёшенька на этом свете, и маленькая крошка лишь добавила белого в его спектр. Что правда, она рано созрела и не замедлила сделать полковничью дочь, так и не бывшую ничьей женой, а только матерью, – Женькиной бабушкой. Такова, увы, иногда женская судьба: дочь – мать – бабушка. И пусть изойдут завистью жёны, любовницы и карьеристки, взрастившие детей между делом. Шутка. Очень злая шутка. У жизни очень чёрное чувство юмора. Бабушкой Леночкина мать стала чрезмерно заботливой. Единственное, что удалось «отбить» маме Леночке, – не переучивать Женьку на правшу. Она принесла кучу какой-то иностранной литературы, где нерусскими буквами по белому было напечатано: «Оставьте левшей в покое!» А слово, начертанное типографским способом, было для бабушки-библиотекарши свято.

Удивительно, но факт – Евгений Иванович, несмотря на излишнюю бабушкину заботу о его здоровье и постоянные, хоть и культурные, но весьма эмоционально окрашенные ссоры на эту тему с мамой Леночкой, рос мальчиком здоровым, спокойным и послушным. Он вовремя начал сидеть и ходить, у него в срок прорезались зубки. Читать (по-настоящему) и считать Женечка научился даже раньше нещипцовых сверстников. В положенное время и без осложнений переболел ветрянкой, краснухой и паротитом, окончил школу с золотой медалью, поступил в самый-самый медицинский институт и по

окончании был увенчан красным дипломом. Он даже работал. Не потому, что не хватало денег, хотя последнее время их откровенно не хватало – бабушка давным-давно была на мизерной пенсии, а мама Леночка, знавшая несколько иностранных языков, с ног падала, разрываясь между учениками и переводами. Если бы не тётя Аня, в начале развала-передела занявшаяся каким-то сложносочленённым хлебо-булочным бизнесом, им было бы вообще несдобровать. А потому, что, признаться честно, молодому мужчине Евгению Ивановичу всё сложнее было оставаться здоровым, спокойным и послушным в обществе двух уставших от женского одиночества баб. Точнее, трёх – тётку Анну туда же, до кучи. Хоть кровных родственных связей с ней не просматривалось, но она была частым гостем и, считай, членом семьи, сколько Женька себя помнил. Вроде бы они познакомились с мамой Леночкой в родильном доме, где тётя Аня произвела на свет мертвого ребёнка, а на живого потом так и не сподобилась.

...В обществе трёх уставших от женского одиночества баб. Хороших, добрых, но... нывших на погоду. Стенавших на природу. Подвывавших на строй, перемены и вселенскую несправедливость. Изредка посемейному пеняющих Женьке на безразличие. Кстати, он совсем не был к ним безразличен. Он их искренне любил, несмотря на то что всю жизнь все трое ему вдалбливали противоречащие друг другу абсолютные истины: 1) все мужики – козлы; 2) Жени не достойна ни одна женщина, потому что все бабы... Да. Это самое слово. Все, кроме, разумеется, бабушки и мамы. Ну, и он, Женька, не козёл, а надежда и опора им в старости. Поэтому он должен немедленно жениться на «девочке из порядочной семьи», хотя, конечно, таких уже не делают. Слушать такое на завтрак, обед и ужин не каждый сдюжит. К тому же Женька был ещё молод и не понимал: то, что им нужно, он им дать не может, увы, с какой силой ни люби. Его поцелуи в щёку хороши, но сыновние. Купленные им апельсины вкусны, но это всего лишь сыновняя забота. Они и сами уже не понимали, что им нужно. И сиюминутная радость всегда быстро сменялась недовольством. За последние двадцать лет у его «трёх мушкетёров» женского пола сильно испортился характер. Они были бы и рады измениться, но уже не могли. Мало было желания, нужны были события, что изменят их мир. Мир бесконечного бега по одному и тому же кругу. Поэтому Женька устраивался на любую работу, лишь бы пореже бывать дома. И вот, наконец, он закончил свою бесконечную учёбу в медицинском институте, осталось ещё два года интернатуры и...

Что «и»?

Пожалуй, вернёмся в наблюдательный родзал, где, подперев собою кафельную стеночку, отдыхает от впечатлений своего первого дежурства в акушерском стационаре вчерашний отличник, а ныне – врач-интерн Евгений Иванович – вы будете смеяться – Иванов.

Может, у генетического отца и была какая-то сложная благородная фамилия, но Женька получил фамилию мамы Леночки, унаследованную от деда лётчика, а не самца, оплодотворившего её мать.

* * *

– Иванов Евгений Иванович, ты – молодец! Мало кто из врачей, я уж не говорю об интернах, так шпарит наизусть технику наложения акушерских щипцов.

– Да это, Пётр Александрович, не моя заслуга. У меня просто память... как бы это сказать, чтобы не выглядело слишком патологически... очень хорошая. «Шпионская». Я могу любой текст выдать, единожды его прочитав. Так что щипцы я бездумно озвучил, как фрагмент из учебного параграфа прочитал. Я, честно говоря, совсем не понял, что вы там и как сделали. Но выглядело, как волшебство.

– Так это ты от благоговения в обморок шлёпнулся? Шучу-шучу. Нормальная реакция для здорового половозрелого мужика, впервые воочию причастившегося к таинству рождения. Таинству, отягощённому нежеланием духа протолкнуть рождающееся тело в канал. Дух, он, знаешь ли, тоже бывает и ленивый и трусливый. Как человек. Вечная коммунальная борьба готовящих в одной кухне. Не обращай внимания, меня имя и фамилия обязывают говорить всякое. А женщины, интерн, они покрепче мужиков будут. Покрепче – и побесчувственнее, с одной стороны. С другой – фемины наделены такими способностями, такой чувствительностью, такими чувствами, таким надвосприятием, что нам, мужикам, и не снились. И не вымолить, и не научиться. По факту рождения не дано – звон яиц Слово Божье заглушает децибелами. Так что ты там о своих мнемонических способностях говорил, шпион? А на слух как?

– На слух – хуже, но процентов на девяносто точность гарантирована.

– Отлично! Пойдёшь ко мне в личные ординарцы, если ты, конечно, не против.

– Да как я могу быть против?! У нас почти все интерны мечтают с вами хотя бы пару раз в родзале или у операционного стола постоять. О вас легенды ходят.

– Да, я – легендарная личность, скажу без ложной скромности. Только ты не радуйся преждевременно. Условия жестокие. Кроме дня, положенного вам деканатом, и дежурств по вашему графику – ты приходишь в любое время суток, если я работаю. А я работаю почти всегда. Так что, если есть жена и дети – семь раз подумай и один раз ответь.

– Нет жены. И детей нет, – улыбнулся Женька.

– Что так? Красивый, здоровый, таких обычно расхватывают сразу. Надеюсь, ты не того?..

– Не того, – засмеялся Женька намёку на ориентацию. – Просто я жду настоящего.

- Настоящего чувства?
- Настоящего всего.
- Соображаешь. Видимо, за героизм, проявленный этой ночью, меня одарили стоящим учеником. А кто есть, пока настоящее всё не появилось? – прищурился Пётр Александрович.
- Да как у всех. Транзиторные девушки и три константы – Леночка, бабушка и тётя Аня.
- Причём все под одной крышей? – Заведующий физиологическим родильно-операционным блоком понимающе хмыкнул.
- Ну, почти.
- Ну, тогда тебе сам бог велел здесь торчать. Тем более тут частенько бродит одно самое настоящее всё. – Пётр подмигнул Женьке.
- Пётр Александрович...
- Да?
- А я сам щипцовый.
- Незаметно.
- Я хотел спросить... Ерунда, конечно. Таких совпадений не бывает, но вдруг?..
- В жизни ещё и не такие совпадения бывают. Не мямли. Чего спросить хотел?
- У нас в доме ходит легенда о докторе, что маме Леночке родить помог...
- Имя русское, отчество – не вспомнить, фамилия – жидовская, благообразный русоволосый мускулистый мужчина, бубнит – вроде не то заговаривает боль, не то гипнотизирует? – усмехнулся Пётр Александрович.
- Откуда знаете?
- Привык. Роддом? Год?
- Женька назвал.
- Ну что ж, очень даже может быть. Сними колпак.
- Молодой человек сдёрнул белую шапочку, Пётр Александрович пробежал пальцами по окружности Женькиной идеальной формы головы.
- Чистая работа. Похоже, что я. Хотя не верь вот этим, – он помахал у Женькиного носа длинными чувствительными тонкими пальцами, – сказкам. Никто, пощупав башку, не может сказать спустя двадцать с лишним лет, мол, моя работа. Чувь всё это. Я на год и роддом ориентировался. Я тогда именно там и работал. В обсервации. Эту больницу ещё не построили. Всё остальное – фокусы для верующей в меня публики. Надо же легендарный имидж поддерживать. И не я заговариваю – анестезиолог обезболивает, а что бубню ритмично – так это я себя структурирую и немножко – пространство, не более. Щипцы же акушерские, Евгений Иванович, – это не тактильно. Щипцы – это ядерная физика. В том смысле, что, пока законы Ома не выучишь, в высоких материях тебе делать нечего. Да и какие это, по большому счёту, высокие материи – щипцы? Это самое обычное ремесло. Я раньше полостные

накладывал, когда мин-, обл- и горздравы такой большой процент кесаревых не разрешали. Напишет врач женской консультации: «Выключить потужной период», а как его выключить? Щипцами. А теперь – нет. Теперь – только выходные. Мы теперь из канала без надобности не вытягиваем. Мы каналы «вскрываем». Как трубопровод – газорезкой. Впрочем, неверная аналогия. Ты, как отличник, должен знать, что в нынешнем акушерстве плановое кесарево рекомендовано выполнять с началом родовой деятельности. А почему?

– Потому что биохимия организма приспособливается с началом регулярной родовой деятельности к изменившимся условиям, свёртывающая система крови меняется с началом схваток – и кровопотеря меньше, и угроза кровотечения. Потому что...

– ...Потому что толчки и канал раскрывается, – продолжил Пётр Александрович.

– Ну да. Я же и говорю – схватки.

– Говори-говори. Правильно говоришь. И читай побольше. А меня не сильно слушай, особенно в ночное время. Такое, бывает, несу, самому потом стыдно. Да. – Пётр усмехнулся. – Ладно. Это всё беллетристика. В общем, я завтра – ответственный дежурный врач, так что с утра после пятиминутки можешь сгонять помыться и перекусить домой, а затем – милости прошу. Профессору и начмеду я сообщу, что ты поступаешь в моё безраздельное личное пользование.

– А тут можно помыться и перекусить? Я живу не близко и...

– ...И вообще туда не очень хочу. Понятно. Можно. Душ есть в каждом отделении. Санитарка гавкнет – сошлешься на меня. Буфет – в главном корпусе. Если денег на сомнительной свежести и качества яства по завышенным ценам нет – манной и овсяной каши завались, молока и какао – хоть ванну принимай, – буфетчицы домой собакам носят. Тоже на меня ссылайся. Свободен, Евгений Иванович!

Они как раз дошли до кабинета Петра Александровича.

– У меня тут незаконченное рандеву с юной нимфой, наверняка уже спящей богатырским сном. Пускает слюни, предварительно выхлебав опрометчиво не спрятанную мной бутылку представительского коньяка. Ей что эфир, что портвейн – всё едино, – вздохнул заведующий. – Вали учиться писать, Евгений Иванович. Ты всё равно ещё в старческих ветхозаветных страстях неймёшь ничего. Падай Игорю или Виталию Анатольевичам на хвост и слёзно проси изображать под диктовку. Ещё Мария Сергеевна хорошо пишет, Светлана опять же Анатольевна и... Много кто. Познакомишься ещё. Начмед наша – маг и волшебник практически во всём, и это отчасти и моя заслуга. Но не в писанине. А это, частично, – моя вина. Ещё кто? Владимир Иванович – заведующий отделением патологии беременности. Хочешь увидеть анатомически гениальную операцию – к нему хоть из-за спины посмотреть просись. Правда, у него есть некоторые особенности, так что тебя он охотно и в

ассистенты возьмёт. Тебе всё доложат и без меня. А вот Боня в «поздняках» и в написании историй родов и протоколов операций – ас. Виталик – на будущее – непревзойдённый функциональный диагност. Увы, функциональный, а не физикальный. Во многих знаниях – многие шоры. Бери от каждого лучшее. Будешь старательным и упорным – дар воспринимать роды прямо придёт. В сказках что надо сделать?

– Сказать волшебное слово? – улыбнулся Женька.

– Это уже ближе к финалу. А сперва три пары железных сапог надо сносить по мрачному зимнему лесу, полному чудовищ твоих страхов, в тулупе из крапивы на голое тело.

– Спасибо, Пётр Александрович.

– Спасёт. Не сомневайся.

Женька потопал тёмными коридорами к грузовому лифту.

– Лифтёршу не тревожь. Она – тоже человек. Пусть спит. Пять этажей вниз – не развалишься! – донёсся из коридора приглушённый, но всё равно звучный баритон Петра Александровича.

Евгений Иванович открыл дверь и порысил вниз по лестнице. «Удивительный у него голос. Он владеет им не хуже, чем своими руками, эмоциями, мимикой. Невероятный человек этот Пётр Александрович Зильберман». Женька решил ничего не рассказывать матери. И не только потому, что живо представил кудахтанье своего немногочисленного, но голосистого курятника, а просто не хотелось делиться приоткрытой при странном стечении обстоятельств тайной своего рождения. «Пусть я так и не знаю, кто мой биологический отец, – если ему не нужно, мне – тем более. Да и не так уж важно это для взрослого человека. Зато я теперь почти наверняка знаю, чьи руки меня приняли и чей голос я услышал, придя в этот мир. Не так уж мало, не правда ли?»

– Ну, интерн, могу сказать, что тебе повезло, – обратился Виталий Анатольевич, сидящий за столом в родзале, к Женьке, как только тот вошёл. – Во-первых, увидеть наложение акушерских щипцов на первом дежурстве, да ещё и в исполнении Зильбермана, это джек-пот. Во-вторых, я так понимаю, старик Петруччио нас заметил? Это полное и окончательное очко. Но должен тебя предупредить, он своенравен. Правда, никогда не кричит, в отличие...

– Виталик, твою мать! Подвёл всех ты, а трахнут – меня!

В дверном проёме появилась могучая туша заведующего отделением обсервации этого родильного дома, входящего в состав многопрофильной клинической больницы, и сегодняшнего ответственного дежурного врача Игоря Анатольевича Бойцова, носящего партийную кличку «Боня».

– ...в отличие от Бони. Началось, – дошептал себе под нос Виталий Анатольевич Некопаев – опытный акушер-гинеколог, руководящий Центром экстренной и неотложной помощи беременным, роженицам и родильницам, недавно созданным на базе родильного дома, специалист ультразвуковой

диагностики и просто хороший парень, принимавший роды у сегодняшней девочки Леночки по предварительной договорённости.

– Игорь, мы с тобой её совместно осматривали? Осматривали. Ты свою подпись под моей поставил? Поставил. В истории её родов есть подписанная у начмеда по акушерству и гинекологии бумаженция о том, что роды принимаю именно я? Есть. Какие проблемы?

Игорь, склонный к театральным эффектам, распалённый наличием нового «юного зрителя» в лице интерна, слегка сбавил тон.

– Ладно, чего сразу такой официоз? Я, в конце концов, «тут тоже вам не фуфло», [16] а ответственный дежурный врач. А не будь Пети в роддоме, кому бы эти щипцы пришлось накладывать? Мне. То-то. Так что последний раз все эти ваши «понаблюдаем» и все эти их... – он кивнул на каталку, где лежала Леночка, – «сама рожу!». Чуть что – сразу в операционную. На хер, на хер. Вы историю записали? Давайте подпишу.

– Не записали ещё. Пётр Александрович возжелали-с, чтобы их интерн проводили в кабинет к незаконченным утехам.

– Только боюсь Анечкино время «Ч» уже прошло! – загоготал Игорь. – Так и будет наш Гумберт Гумбертович Зи-Зи ласкать свою нимфетку в её блаженном детско-алкоголическом беспамятстве. Чего, интерн, глаза таращишь?

Женька вовсе не тарасил глаза, а скромно стоял у стола.

– Это жизнь, парень, привыкай. Это тебе не по стеночке сползать при виде крови. Это – большая любовь на склоне дней. А там, как известно, всё нежней и суеверней. Налить чернил и писать историю, короче.

Виталик, я сейчас на часок отъеду, ты всё равно уже домой не поедешь, я так понимаю?

– Да какой уже домой...

– А и правильно, зачем тебе домой? Деньги можно почтовым переводом послать, – заржал Игорь.

– Ой, уж ты бы лучше помолчала бы... [17] – пропел Виталий Анатольевич.

– Молчу-молчу. Подстрахуешь, короче. Допишете историю, я как раз приеду. Интерн, пиццу будешь?

– Буду, Игорь Анатольевич, – улыбнулся Женька.

– Ну, вот и молодец. А то кривляются тут, «что вы-что вы». В коллектив надо вливаться, раз пришёл. А коллектив у нас сложный и неоднозначный. Скандальное бабье, мужики-сплетники, скопище несчастных юродивых, злых шутов, добрых царей, незамужних похотливых принцесс и остервенелых климактерических королев. В страшное место ты, парень, попал, – сказал совсем не страшный Боня. – Значит, через час – три пиццы, три пива и три бабы. Последнее – шутка. До скорой встречи в буфете.

– Да лучше ко мне, в Центр, пойдём. Там места больше, тише и курить можно.

– Нет, в моём буфете. Потом покурите.

Игорь Бойцов вразвалочку вышел из наблюдационного родзала.

– Игорь классный мужик, хотя сволочь редкостная, – тут же сказал Виталий Анатольевич Женьке, подтвердив озвученный Бойцовым факт наличия в коллективе мужиков-сплетников. – От него жена ушла недавно, потому что сложная семейная история, сериалы отдыхают, да и характер тот ещё. Теперь он к ней по ночам катается, всё хочет любовника застать. И ещё он импотент.

– А вы откуда знаете, что он импотент? – честно глядя в глаза старшему товарищу, спросил Женька.

– Так. За работу! Бери историю и главное оружие врача. Потому что историю родов мы пишем не для себя, а для...

– ...прокурора.

– Точно! История – документ не исторический и даже не сатирический, а – *dura lex sed lex* [18] – юридический! Рыба!!!

– Что, Виталий Анатольевич? – Полная пожилая акушерка с неожиданной прытью выскочила из родзала, где персонал под её командованием гремел металлом и елозил тряпками с дезрастворами.

– Да не прыгай ты так, не бабки ещё. Муж только через пару часов подъедет. Ты журнал родов записала?

– Да, Виталий Анатольевич.

– Надеюсь, Петра Александровича принимающим роды отметила?

– Естественно! – слегка высокомерно хмыкнула Рыба. И, не удержавшись, добавила: – Не вас же! Вас я в ассистенты. У вас сегодня больше никто не рождает? А то закон парных случаев, знаете ли... – и тут же царственно отправилась в родзал, довольная собой.

– Вот же, старая задница, – скорее восхищённо, нежели зло сказал Виталий Анатольевич интерну. – Ты вот что запомни. Тут, в наблюдении, [19] есть три акушерки, в чьи руки надо смотреть благоговейно и просить, просить, просить, чтобы учили. Во-первых, даже не Рыба, а Лось. Чего улыбаешься?

– Зоопарк какой-то.

– Сам ты зоопарк. Ты, главное, это им не скажи, а то всё – остракизм на веки вечные. Потому, что командует в родзале тут не сам заведующий. И даже не начмед. А та самая Лось. И это, в отличие от Рыбы, не кличка, а фамилия. Люда Лось – старшая акушерка наблюдационного отделения. Для тебя – Людмила Николаевна. Назовёшь без отчества – тебе конец. Сумеешь понравиться – считай, уже кофе здесь, прямо в родзале, за столом пьёшь, хотя нельзя. Санэпидрежим! Не приглянешься – всё. Вход закрыт. Изведёт придирами от мазков из носа до бахил по колено и масок по грудь. Тут своя субординация, понимаешь? Людкина любимая фраза: «Ты хоть и врач, но интерн. А я хоть и акушерка, но старшая!»

– А если наоборот?

– В смысле?

– «Вы хоть и старшая, но акушерка. А я хоть и интерн, но врач!»

– Можешь попробовать. Но тогда всю интернатуру, по крайней мере тут, в обсервации, ты просидишь, не высовывая носа из ординаторской. Гонор хорош, когда чем-то подкреплён, а размахивать дипломами тут не принято. Тут свой кодекс чести и бесчестья. Субординация по ранжиру знаний и умений, а ты пока никто и звать тебя – никак, уважаемый Евгений Иванович Иванов. Это только дураки считают, что их по факту наличия диплома врача все уважать должны, а они никому ничего не должны, кроме как, задрать нос, рассекать пространство.

– Понял, не дурак, – искренне сказал Женька.

– Так вот, Люда Лось, Светлана Ивановна Рыбальченко. – Виталик мотнул головой в сторону родзала. – И Анжела Джурина. Людка и Анжелка молодые, но они Рыбины ученицы, наголову её превзошедшие. Наверху, в физиологии у Петра Александровича, Семёновна. И пожалуй, всё. Роды принимать у них учись. Наблюдай и внимай. Остальные – ни шатко ни валко в пределах допустимой жопорукости. С начмедом нашей знаком уже?

– Да, один раз собирала всех интернов.

– И что? – усмехнувшись, поинтересовался Виталий Анатольевич.

– Вначале всё тихо-мирно, правила, то сё, а потом как распалилась и орала целый час, мол, никому мы здесь не нужны, развелось тут «позвоночных» и блатных, куда столько акушеров-гинекологов девать и вообще.

– О, да. Наша Елена Николаевна это любит. К тому же она права, не так ли?

– Не знаю. Вам виднее, – благоразумно и доброжелательно ответил хитрый Женька.

– Ты лучше сразу скажи, чей родственник.

– Сразу говорю: я сын мамы Лены, бабушкин внук и вовсе не племянник тёти Ани, хотя, признаться честно, именно последняя устроила мне и саму специализацию, и распределение на эту клиническую базу.

– Остряк. Я смотрю, ты сообразительный. Толк будет. Ну, писатели юные – головы чугунные, берём ручку в правую руку...

– В левую.

– В акушерстве, Евгений Иванович, нет правшей и левшей. В акушерстве все поголовные амбидекстры. [20] Так что берём ручку в свободную руку, открываем историю родов и, пишем. Я говорю – ты быстро, по возможности разборчиво, строчишь и запоминаешь. Потому что, работая с Петей, диктовки не дождёшься.

– Я постараюсь запомнить, Виталий Анатольевич. – Женька улыбнулся, открыл худенький кондуит формата А-4, состоявший из бумажно-газетного титула с заполненными акушеркой приёмного покоя шаблонными графами, первичного осмотра, записанного рукой дежурного доктора обсервации Чуприненкова, и предусмотрительно вклеенных акушерками чистых белых

листов.

– О, девки молодцы! А на будущее – это твоя забота. И новомодные, набранные на компе трафаретки для вписывания, наша начмед не очень жалуется. Это так, для справки. Потому что Петру Александровичу будет всё равно, что, как и где ты пишешь – хоть на стене больничного гаража. И, что самое интересное, будь в моей или Бониной или чьей-то ещё истории записано что-то не так интерном – поймут нас. Что-то не так записано в историях Зильбермана – трахнут тебя. У них с начмедом любовь. Была. И осталась. В смысле, видоизменилась... Ладно, поехали.

В течение часа Евгений Иванович добросовестно записывал под диктовку. Реальная писанина истории родов совсем не походила на то, чему учили на четвёртом, на пятом и даже на шестом курсах. Зачем эти бесконечные: «Общее состояние удовлетворительное. Пульс 72’, ритмичный, удовлетворительного наполнения и напряжения. ЧДД [21] – 16’. Предъявляет на схваткообразные боли внизу живота по столько-то секунд с интервалом в столько-то минут. Сердцебиение плода ритмичное до 140’. Во время схватки – до 160’. После схватки восстанавливается. Из родовых путей подтекают светлые околоплодные воды. С целью уточнения акушерской ситуации выполнено внутреннее акушерское исследование. Протокол: после обработки наружных половых органов двухпроцентным раствором хлоргексидина...» О-о-о!!! Каждое биение, каждое внедрение иглы или рук запротоколировано, подписано, чтобы спустя время всё повторить сначала. До излития вод – каждые два часа. После отхождения – каждый час. С началом потуг – каждые десять—пятнадцать минут. После рождения – летопись замеров, взвешиваний и заполнение своей части неонатологической истории. Все подробности, происходящие в святая святых материализованных корпускулярно-сосудистых, синюшно-налитых самых-самых женских чар, в обычное время приносящих лишь наслаждение. Как деловито они суют туда и железо, и пальцы, как будто это студенческий обрубленный фантом или туша на рынке. Немудрено стать импотентом. С другой стороны – прими это, как живого стонущего человека, наполненного болью, дай волю жалости – и ты бессилён. Тебя смоем цунами бессмысленных чувств, не дав доплыть, доделать, помочь. После написания протокола наложения акушерских щипцов Женька отпросился на перекур. Руку уже чуть не сводило в писчем спазме. Слишком восприимчивый мозг переполнился информацией, чувствами, мыслями, ощущениями.

– Ну, пойдём вместе, – без всякого кастового снобизма сказал Виталий Анатольевич. – Вообще-то курение на территории родильного дома, а также больницы строго запрещено. Поэтому обычно курят или в подвале, или на пятом этаже в окошко на лестнице. Но поскольку ночь и тишина, пошли курить в приём. За ширмой спит санитарка, если хочешь рискнуть здоровьем – буди. При мне, конечно, она тебе ничего не скажет, а вот будь ты один... Впрочем, не

будем тревожить её богатырский сон, а тихонько сами откроем замок, – проводил он «инструктаж» по дороге. – Не дёргай людей без нужды, и тогда они вовремя придут, когда действительно необходимо. Хотя вот Бойцов дёргает кого и когда угодно по любому личному поводу, а они от него только тащатся. Аура личности, понимаешь. Санитарка и на Зильбермана залает только так, а как Боню увидит – млеет и тает. Потому что Боня – самец, несмотря на ушедшую жену и мужскую несостоятельность. А Петя, хоть и мужик всё ещё с женой и любовницей, – апостол, в которого грех камень не кинуть. Не канонизируют потому что иначе. Игоря плебс обожает, а Петра – избранные, беременные и юродивые. Такие, Евгений Иванович, у них архетипы.

– Что-то всё как-то просто и однозначно у вас, Виталий Анатольевич.

– А в жизни вообще всё просто, интерн. Во всяком случае, в моей, – вздохнул Виталик.

Они спустились на ступеньки приёмного покоя и закурили. Первая Женькина затяжка после многочасового перерыва была очень освежающей. Плавные движения охлаждали руку. Мерное вдыхание дыма структурировало. Некоторое время они просто глотали смесь смол и никотина со свежим ночным воздухом, отличным от дневного, как отличается белая мутно-кристаллическая кисея от матовости нежнейшего синего шёлка.

* * *

– Шёлк или кисея?.. Виталик!

– Что?

– Шёлк или кисея?

– Милая, мне абсолютно всё равно.

– Мне иногда кажется, что ты просто не помнишь, как меня зовут.

– Что ж, ты не так далека от истины, любимая. Зайчик. Котик. Рыбка. Медсестричка, – пробурчал себе под нос будущий молодожён.

На его счастье он не был услышан, потому что в комнату внеслась без пяти дней тёща, уже ощущавшая себя полновластной хозяйкой в двухкомнатной квартирке этого добротного, построенного военнопленными немцами, дома на не самой далёкой окраине столицы. Толстые кирпичные стены, окна выходят в тихий двор. Досталась Виталику от одинокой тётки. Вернее – бабушки. Точнее – родной сестры его бабушки. «Как они там правильно называются, такие родственники?» – мучил его в данный конкретный момент не самый, скажем прямо, насущный вопрос.

У Виталика были планы на эту квартиру. Он хотел разрушить кое-какие стены – между кухней и маленькой комнатой, соединить крохотный туалет с небольшой ванной и создать уютное холостяцкое гнёздышко начинающего сибарита. Чтобы жить, работать, девушек водить, не оглядываясь на маму с папой. Последние, впрочем, никогда не мешали, но и остроты оргазменным ощущениям не добавляли. Ремонт откладывался по ряду финансовых причин и

невозможности разрушить несущую стену между кухней и маленькой комнатой, да и работал молодой врач Виталий Анатольевич не на живот, а на смерть – он любил свою профессию и держал нос по ветру. Благо возможность посещать всяческие курсы за государственный кошт в конце восьмидесятых ещё была. Поэтому он и оперативной техники ухватывал, и аппарат УЗИ осваивал, не особо куда-то торопясь. Потому что вся жизнь, полная девушек, иных плотских наслаждений и лучезарных карьерных вершин, была впереди.

И надо же такому случиться, а? «Одно неловкое движение – и вы отец». [22] Всё в точности в соответствии с классиком советской сатиры. И не то чтобы ему не нравилась эта медсестричка из детского. Напротив – очень даже нравилась. Иначе не привёл бы он её однажды поздним вечером к себе в отдельное гнездо со всеми удобствами. И даже не привёл, а привёз на метро – недавно ветку достроили. У девочки как раз какие-то проблемы были с соседкой по общежитию. У таких хрупких кареоких душечек не должно быть соседок по общежитию и проблем. Подобные газели должны с вечера до утра услаждать крепких мужчин. Чтобы с утра до вечера отдыхать, а также холить и лелеять себя в преддверии следующей серии услад. Дежурила она как раз сутки через трое, так что пара ночей обещала быть поистине прекрасной. Медсестричка мало говорила, в отличие от разбитных однокурсниц и коллег, отягощённых врачебными дипломами. Затаив дыхание, взирала на набитые книжные шкафы, с Фолкнером, Хемингуэем, Маркесом, Пастернаком и прочими дефицитными «духовниками» мира сего.

– Борис Пастернак! – читала она. – Надо же, у него русское имя!

– Ну да. Он же русский писатель, хотя и еврей.

– И ты всё это прочёл? – замирала она в немом восхищении, пропуская непонятую шпильку мимо ушей.

– Ага! – гордо отвечал он, втайне радуясь, что вот с ней уж точно не надо будет рассуждать о символике дуба из нобелевской «Саги о Форсайтах», об эпохальности отвратительного лично ему, Виталику, Солженицына и о чрезмерной достоевщине некоторых произведений Папы Хэма.

– О, знаю! Он «Лолиту» написал! – тыкнула она в корешок, где золотом по черному было вытиснено: «В. Набоков. Защита Лужина».

– Читала? – с ужасом спросил он, не в силах сопоставить интеллект медсестрички с огромным количеством французского в бессмертной англоязычной поэме русского человека о любви с извечного взгляда. [23]

– Да, нет, не читала. Слышала.

– Ах ты ж моя умница! Слышала, – плотоядно взирая на девушку, проговорил Виталик, чувствуя себя Костиком из «Покровских ворот».

А ещё медсестра испекла на завтрак из забытого, прокисшего напроць творога, неделю назад принесённого Виталику заботливой матушкой, удивительно вкусные сырники. Вдыхая чудный запах, так не похожий на аромат ритуальной,

собственноручно приготовленной между сортиром и бритъём, вечно подгоревшей яичницы, Виталик только и смог спросить:

– А где ты взяла муку?

Казавшаяся наивной медсестричка, окинув обалдевшего собственника помещения победоносным взглядом, молча показала тоненьким пальчиком с трогательными заусеницами вверх, где находилась крохотная антресолька. Надо признать, в такие дебри Виталик и не заходил, хотя после смерти родственницы прошло уже полгода. Откладывал до ремонта, полагая, что там хранится всякий хлам, вроде неработающих ёлочных гирлянд и старого чемодана, с которым тётушка приехала в Москву в замшелом послевоенном году.

– Там была мука?

– Ну конечно, глупый! – умильно прощепетала юная медработница. – И у нас вообще пир. Потому что там было ещё вот что... – ещё раз тыкнула она пальчиком уже в сторону обшарпанной столешницы, над которой высились два кособоких шкафчика – эдакая пародия на нынешние встроенные кухни, где стройными рядами выстроились отозванные из неприкосновенного тёткиного запаса в действующую кулинарную армию батареи консервов, сгущёнки, тушёнки, зелёного горошка и жестяные банки с индийским кофе и чаем «со слоном».

– Милая, ты уверена, что это можно есть? – спросил Виталик, несколько ошарашенный предприимчивостью юной феи. – Сдаётся мне, что лучшее, что мы можем сделать, – вынести это на помойку.

– Ты что?! – с неожиданными нотками крестьянской бережливости прикрикнула на него стройная нимфа. – Я уже этот самый чай с этой самой сгущёнкой пила, и ничего.

Как-то всё было не так. Виталик, выросший в интеллигентной, а значит, несколько безалаберной московской семье, в доме, где вечно тусовались бородатые технари с учёными степенями и томные высокообразованные дамы, в лёгком подпитии цитировавшие Цветаеву, представлял себе иное развитие событий наутро после ночи любви. Его своевольная психованная маменька всегда стучалась в дверь «детской», чтобы спросить: «Дети, кофе подать?», даже если видела очередную случайную пассию впервые. Или даже если не видела вовсе. А тут – сырники на отдраенной сковородке, инвентаризация продовольственных запасов покойной. Нет, что-то не так. Не так... Это именно он должен был проснуться первым и, на правах хозяина серала, довольного и добродушного, позволить самому себе собственноручно сварить нормальный кофе, добытый всё той же маменькой, принести его в свою постель своей наложнице, прикурить ей свою сигаретку и свысока умиляться в предвкушении...

– Ты бы не курил на кухне! Есть же балкон! – оторвал его от размышлений о

несоответствиях внезапно скрипучий и капризный голос.

Он и не заметил, как закурил. В родительском доме курили все и везде, повсюду стояли пепельницы, валялись спички и зажигалки, а тут он вообще жил один. Он глубоко затянулся и выпустил дым. В направлении открытой медсестричковой форточки.

«Чёрт, она не курит!» Это как-то не помещалось в голове Виталия, напрочь прокуренной давно упокоенной бабушкой, её родной недавно умершей сестрой, бесшабашной маменькой и поверхностно рассудительным отцом, курящим, если уже на то пошло, вообще сигары.

– Ладно-ладно, кури уж. Это же твоя квартира, – примирительно сказала она.

– Чего ты поднялась в такую рань, тебе же не надо сегодня на дежурство? – Он решил сменить тему.

– Да я привыкла. Когда растёшь в деревне, будильники – солнце и петухи. К тому же у нас до сих пор, не поверишь, газ не провели. Баллон используем только для гостей и летом. Электрическая плитка – дорого. Так что печку не разведёшь – не позавтракаешь.

– Ну, почему же не поверю? Я же всего лишь москвич, а не западноевропейский инопланетянин. У деда дача в Сергиевом Посаде, газа тоже нет.

– И приличная дача?

– Да ерунда. Сто лет строил. Так что, когда последнее доделывал, первое уже ремонтировать надо было.

– А участок? – задала девочка вопрос с интонациями председателя сельсовета.

– Стандартный – шесть соток, – на автомате ответил Виталик.

– Да, небогато. Но если с умом... А у тебя братья и сёстры есть?

– Да нет, я один. Желанное дитя безумной любви физика и лирика.

– А-а-а...

– Послушай, дорогая, какие-то ты странные вопросы задаёшь.

– Почему странные?

– Какие-то наводящие, что ли...

– Да о чём ты? – искренно удивилась властительница резиновых сосок и стеклянных бутылочек. – Ну, давай завтракать.

Сырники были вкусны, девочка была хороша собой, стройна и с виду непривередлива. Она ехала через весь город, убиралась в квартире похлеще заправской домработницы со стажем и рекомендациями. Отменно гладила рубашки, а не так, как маман, – сикось-накось, лишь бы быстро. Пришивала пуговицы в день их отрыва, а не спустя неделю униженных просьб и скандально-настойчивых напоминаний. Отдраила унитаз и ванну до первоначального блеска. Причём – по собственной инициативе. И ещё она... забеременела.

– Что будем делать? – спросил Виталик.

– Как что? – искренне удивилась она. – Поженимся.

– Да, действительно. Что это я. А иначе никак?

– А как иначе? В общаге меня с ребёнком не оставят, потому что общежитие предоставляется только сотрудникам больницы.

– Ну, ты же будешь сотрудником больницы, просто в декрете, разве нет?

– Виталик, ты не находишь наш разговор идиотским? Ну, положим, даже в декрете я остаюсь сотрудником больницы... – спокойно начала она, не переставая начищать морковь для борща на его же собственной кухне. – Ладно. Пусть мне даже предоставят отдельную комнату как матери-одиночке. Но у меня здесь ни родственников, ни друзей, няньку я нанять не смогу, а я же должна выходить за хлебом хотя бы. – Она перешла к луку, не забывая смачивать остро ею же наточенный – об ею же купленный точильный камень – нож в холодной воде. – И потом, Виталик, ты же не хочешь, чтобы весь роддом, вся больница, говорили о том, что молодой перспективный врач Некопаев, секретарь комсомольской организации больницы, кандидат в члены КПСС, обрюхатил медсестру-комсомолку-лимитчицу, только-только окончившую медучилище с красным дипломом, да и бросил её на произвол судьбы. Как раз накануне международной конференции, куда его, к слову, собирались делегировать. Не говоря уже о том, как это отзовется на его, допустим, отце, без пяти минут заведующим одной из кафедр физтеха... – Она кропотливо снимала «шум» с закипевшего мясного бульона, аккуратно убавив газ до нужного томления.

«Это ты, брат, попал!» – гулко пронеслось в голове у Виталика папиным гитарно-бородатым хемингуэвским голосом.

– Может, аборт? – ватно транслировал в эфир его внезапно онемевший язык.

– Что? Прости, тут у плиты шумно, я не расслышала, что ты сказал. – Медсестричка закидывала в варево невесть откуда взявшийся в его ещё так недавно райски холостяцком доме лавровый лист, отсчитывала горошинки чёрного перца и тщательно дробила чесночину приспособлением, ранее в его доме не имевшимся.

– Ну, прерывание беременности в раннем сроке! – Виталик воспринял собственный голос необычно громко и, что характерно, как чужой. «Я внезапно превратился в озвучиваемый кем-то персонаж». – Он старался не потерять семейного несколько гротескного физико-лирического юмора.

– Дорогой мой! Ну, какое прерывание?! Ты – акушер-гинеколог, предлагаешь мне – детской медсестре, женщине и, можно уже сказать, матери, убить ребёнка? Твоего собственного, заметь, ребёнка!

– Да уж. Иван Грозный прерывает своего сына. Картина чужим маслом по холсту моей жизни.

– Какой ты остроумный! – восхищённо сказала повелительница ножей и шумовок. – Ну, скоро будем обедать. И кстати, о масле. Завтра моя мама

приезжает из деревни, и масла сливочного, вкусного привезёт и творожка.

– Зачем?

– Чтобы есть, дорогой.

– Нет, зачем она приезжает?

– Как зачем? Во-первых, вам уже пора познакомиться. И неплохо бы познакомить меня с твоими родителями. Меня и маму. Во-вторых, когда родится ребёнок, мне нужна будет помощь, а кто поможет мне лучше родной матери? Места у нас, слава богу, хватает...

– Да когда же он ещё родится, тот ребёнок?!

– О, время летит быстро, ты и оглянуться не успеешь. В общем, завтра она приезжает, встречать её не надо – мама у меня ушлая, а язык до Киева доведёт. Адрес твой я ей дала, не беспокойся.

– Действительно! О чём мне беспокоиться? Ты уже всё решила за меня, – сказал Виталик и, покорно взяв ложку, погрузился во вкусный наваристый борщ.

Замуж она выходила в атласе и гипюре. Потому что они ещё со времен Очакова и покоренья Крыма лежали в сундуках у заботливой тёщи, совершавшей товарные набеги на дорогую столицу, в коей она нынче поселилась на правах полноправной обладательницы московской прописки. Нечего тратиться на кисею. И уж тем более на шёлк. Страна развалилась, и КПСС-вопросы были сняты. Время действительно летело так быстро, что он и не заметил, как перестал читать что-либо, кроме специальной литературы. Как привык к крестьянской добротной чистоте, напрочь забыв такой родной творческий кавардак родительского дома. Как полюбил вкусную еду и даже приспособился к вечному фоновому присутствию матери жены, как привыкают к шуму прибоя живущие на берегу океана. Он воспринимал мерный рёв жениной мамы, как радио, которое невозможно выключить в связи с неисправностью приёмника.

Мадам Некопаева так никогда уже и не вышла из декрета на работу, так никогда и не прочитала «Лолиту» В. Набокова, невесть откуда из той самой юности всё ещё полагая её дрянным эротоманским романом, да и в толстом У. Фолкнере в оранжевой обложке дальше фразы: «В помещении, где заседал мировой судья, пахло сыром» [24] не продвинулась, потому что не имела проблем ни со сном вообще, ни с засыпанием – в частности.

Она целиком посвятила себя детям. Сперва – мальчику, а чуть позже – и девочке. Почётное дело уборки, глажки и варки было передано тёще, а бывшая детская медсестра неплохо распорядилась доходами Виталия Анатольевича, превратившись в модную московскую даму, жену модного востребованного специалиста, отвозящую на собственном модном авто детей в модные школы – обычную, художественную, музыкальную, а также на карате, айкидо и даже в театральную студию.

Бывшая детская медсестра бдительно следила, чтобы дети «много читали», но когда дочь, удавшаяся в бабушку «с той стороны», ехидно предложила ей вместо бесконечных шедевров Дарьи Донцовой осилить хотя бы «Трёх мушкетёров», отстала.

В Сергиевом Посаде отгрохали современную дачу, загородившую солнце всем соседним пенсионерским шести соткам, «глаза бы их не видели». Со временем был прикуплен участок слева. А позже – и справа. Приобретена квартира побольше, а на деньги от продажи тёткиного наследства сделан отличный ремонт.

Виталий Анатольевич вслед за супругой пополнел, слегка облысел и многого добился на профессиональном поприще. Иногда он заезжал к родителям глотнуть свежего воздуха безалаберности не своей уже семьи, страшно завидуя тому воистину московскому вольному духу, который эти бессмысленные, по словам жены и тёщи, люди сумели сохранить, прожив вместе страшно сколько лет. Периодически Виталик заводил интрижки, на которые госпожа Некопаева закрывала глаза.

А недавно он полюбил. Не до безумия, потому что априори был на него неспособен, но всё же, всё же... Полюбил ехидную, болтливую, непокорную, блестящую, остроумную, начитанную молодую докторшу, которой надо было приносить кофе в постель, прикуривать сигарету и любить-любить-любить, пока мошонку не сведёт судорогой, а душу не вывернет наизнанку. Дама была отлична от жены Виталика, как отличается матовость нежнейшего синего натурального шёлка от белой мути дешёвой наэлектризованной синтетической кисеи. И он только трогал, наслаждаясь и понимая, что уже никогда не решится на подобное – дорого, непрактично, не по карману, не по сезону, не по решительности, да и смотреться на нём будет нелепо.

И вообще. Дети. Семья. Работа. Деньги. Недвижимость. Недвижи?мость. Замирание в неподвижности. Ночь. Ночь и сигарета с интернетом. Воспоминания о прикосновениях и предвкушение прикосновений. Сладостное томление ожидания мучительных в своей неожиданности реакций. Между – замирание в неподвижности детей, семьи, работы, денег. Всё. Последняя затяжка. Дома так не покуришь. Даже ночью. Дома не будешь полновластным хозяином, минуя безразлично храпящую санитарку, идти через приёмный покой на волю. Дома ночная вылазка на балкон будет отслежена, а удовольствие испорчено укоризненными взглядами, неуместными вопросами и брезгливо наморщенными рязанскими носиками-близнецами.

* * *

Все протоколы были написаны, история родов украшена сигнатурой Бойцова, и Виталик, Игорь и Женька, вкусив пиццы под праздную болтовню, пересыпаемую шуточками, отправились немного поспать.

Бойцов потопал в свой законный кабинет заведующего обсервацией. Некопаев

успокоился в помещении Центра экстренной и неотложной помощи, находившемся в далёком уголке высокого четвёртого этажа. В ординаторской спал богатырским сном дежурный доктор.

Евгений Иванович зашёл в притихший родзал. Женщину уже перевели в послеродовую палату, и коридор был пуст – больше сегодня сюда пока никто не поступал. В предродовых палатах не горел свет, акушерок и санитарок не было видно. Женька тихонько присел за стол. Стола было два – составленных вместе – в простенке между дверьми. На одной висела табличка: «Операционная», на второй – «Родзал № 1». Его немного познабливало. Вряд ли от холода – в помещении родзала было даже слишком тепло. Скорее – от избытка информации и впечатлений. Нет, он и раньше знал, какова врачебная кухня. И раньше все они – санитарки, медсёстры, врачи – шутили с ним, рассказывали дело и всякую ерунду. Но видимо, наличие диплома есть некий переход на качественно иной уровень общения. Всё-таки медицинская среда насквозь пропитана вертикальной кастовостью, несмотря на сквозные швы дружеских горизонталей.

Женька достал блокнот. Он всегда писал. Всё время – с самого раннего детства – что-то записывал. Бабушка и мама Леночка проявляли удивительный, не характерный для них ни в чём другом – например, в его праве на уединённость омовений, – такт и не посягали на приватность содержимого его ума и души. В отличие от тёти Ани – та при первой же возможности совала нос в забытые на кухонном подоконнике или даже в туалете безалаберным Женькой записки и настоятельно со всей серьёзностью рекомендовала бабушке и маме Лене «показать мальчика психиатру». Как-то мама Леночка подсунула тёте Ане невесть откуда взявшиеся у неё ротапринтные копии ерофеевских «Записок психопата», мол, почитай, это – литература, а не сумасшествие. Тётя Аня, раскрыв наугад, продекламировала:

– «Двадцать пятое декабря. А – катись все к ебеней матери!!!» [25] Лена! Если это – литература, то я – Лев Толстой. Если наш Женечка такое же пописывает, то его надо сперва высечь. А потом уже – к психиатру!

Мама Леночка пускалась в пространные рассуждения о недопустимости «вырывания из контекста», о тяжёлой судьбе чувствительных и тонких людей в этом жестоком-жестоком мире, цитировала ей наизусть целые куски из «Москва – Петушки», но тётя Аня твёрдо стояла на своём: «Ерофеев – вовремя не высеченный и не вылеченный алкаш, псих и тунеядец, вы тут все попустительствуете заразе, а мальчик должен не хернёй маяться, а физкультурой заниматься». Надо сказать, что перед лексикой пятиминутной речи технолога – на тот момент – хлебзавода вся идиоматика несчастного Венички вместе взятая меркла, как тусклое пламя одинокой восковой свечи пред ликом Сына Божьего в забытой Отцом сельской церквушке меркнет в сиянии прожекторов Лужников во время матча «Спартак» – «Динамо».

Ни бабушка, ни мама Леночка ничего не могли поделаться с тётёй Аней. Да и не хотели. Она искренне их любила уже много-много лет. Любила и заботилась. Кровной родни у неё не было, детей – с тех самых пор, как помните, – тоже. Поэтому всё своё нерастраченное материнство, сестринство, дочеринство и прочее «инство» она неистово обрушивала на эту тихую, почти женскую семью. Пока они ссорились, рыдали, а потом – мирились и смеялись, Женька потихоньку улепётывал, закрывал дверь в свою комнату и предавался сладостной, освобождающей писанине. Писал он, что правда, нелепо и коряво – мудрые вечные детские мысли перемежалась глупыми сиюминутными «взрослыми» рассуждениями о нелёгкой, прости господи, женской доле, о счастье детности и несчастье бесплодия и даже о том, что все мужики – не более чем «пробная экспериментальная модель Создателя. Неудачная. Слабая. Нежизнеспособная. Не подготовленная к ударам судьбы».

Конечно же это он подслушал у своих дам. Со временем он осознал, что и сам, в некотором роде – как минимум по строению половых органов, – относится к не самому удачному «модельному ряду». А чуть позже стал уже без детской боли, горечи и обиды замечать, что мир полон прекрасных мужчин, просто они по какой-то нелепой случайности не его папы и не мужья его бабушки, его мамы Леночки и его тётё Ани. В Женькину голову в положенный растущему мальчику период стала закрадываться положенная ядовитая крамольная мысль: если все эти прекрасные мужчины – не его отцы и не их мужья, может быть, дело не в мужчинах, а в них самих. В бабушке, в маме Леночке, в тётё Ане и конечно же в нём самом – в Женьке. Он как-то спросил об этом тётю Аню, потому что, несмотря на маты, безвкусицу и необразованность, чуял, что именно она в их странной семье – самая умная, грамотная и та самая – жизнеспособная.

– Выбрось этот идиотский мусор из своей тупой башки, дубина! – фыркнула она и повела его в кино, а потом в кафе-мороженое, где, путаясь в словах, долго и визгливо объясняла, как всё на самом деле устроено.

Окончательно заплутав в могучем и великом, так и не найдя «точки опоры», чтобы перевернуть тему, и безнадежно разозлившись – он так и не понял на кого, – она повела его в «Детский мир» и купила дорогушую, недоступную доходам бабушки и мамы Леночки, железную дорогу.

Женька поздним вечером записал в свой очередной блокнот: «Двенадцатое марта. Не все бабы – дуры, хотя в основном. Не все мужики – козлы, даже те, что с бородой. Просто не всем везёт, и в этом никто не виноват. Нотабене: [26] изучить вопрос везения после того, как соберу эту блядскую железную дорогу. Тётя Аня не справилась. Спросить у бабушки, какая это – блядская. Мороженое с сиропом вкуснее, чем без».

Он не знал, что такое «нотабене», но бабушка так часто говорила, когда хотела привлечь его внимание. А прилагательное «блядская» давно тревожило его

небезразличный к языковым изыскам ум. Ещё было интересно, почему тётя Аня при бабушке и маме Леночке говорит просто «погода», «автобус», «директор», а при нём – Женьке – у неё и соседка «блядская блядь», и электричка «блядская», а уж как она при нём отзывалась о погоде, особенно тогда, когда раздобыла себе белое заграничное пальто и отправилась обновить его с ним, Женькой, в цирк с «блядскими клоунами», а тут пошёл дождь...

Бабушка так долго рассказывала о значении этих и множества других подобных слов с серьёзно-смущённым видом, ежеминутно поправляя очки, что Женька чуть не уснул.

В тётя Анином исполнении они были весёлыми, задорными, избавляющими от злости и поднимающими настроение. В бабушкином же – напоминали дохлую лягушку, распятую на столе препаратора для детального изучения. Согласитесь, одно дело – гонять резиновым сапожком под мелким тёплым дождиком по грибному, вкусно пахнущему лесу живых лягушек среди прелой фигурной листвы, и совсем другое – ковыряться в мёртвых её клоаках. Бабушкина алгебра убила всю гармонию тётя Аниных идиом, и Женька утратил к ним всякий интерес, выяснив для себя, что талант материться, как и любой другой, кому-то дан, а кому-то нет. Можно изучить все движения, но так и не постичь магию танца, а иной лишь шевельнётся, и ты понимаешь: танцует. Тётя Ане – дано. Бабушке – нет. А ему, Женьке, пока просто нельзя.

– Почему?

– Потому что ты ещё маленький, – ответила бабушка. – Вот вырастешь – матерись на здоровье, только не злоупотребляй. Это как спиртное – чуть-чуть для аппетита, настроения и лёгкости – можно. Чуть больше своей дозы перебрал – и самому плохо, и другим праздник испортишь.

– А тётя Аня?

– У тётя Ани такой организм – повышенная толерантность к спиртному, мату и вообще жизни.

– Повышенная кто?

– Повышенная «что». Сопrotивляемость. Тётя Аня – она из тех, кто коня на скаку остановит, в горящую избу войдёт и рублём подарит. Ты ещё даже не понимаешь, как должен быть благодарен судьбе за то, что она свела тебя с таким человеком, как Анна, в самом начале пути. Всё. Иди, Женечка, пей молоко и спать.

Потом его внимание стали привлекать девушки, и всё та же тётя Аня провела с ним разъяснительную беседу на предмет «гондонов».

Мама Леночка стеснялась, невнятно шепча «резиновое изделие» и одними губами скоро проговаривая «презерватив». Тётя Аня сказала, что не столько из-за него важна эта беседа «о безопасной ебле», потому что и гонорея, и сифилис нынче лечатся, а из-за той дурочки, которой он, Женька, каким-то образом может «поломать жизнь, обрухатив». Хотя во времена этой памятной беседы

девушки его интересовали исключительно удивительным спектром вызываемых эмоций – от желания написать Галке из параллельного класса, чья фамилия уже давно забылась к настоящему времени, поэму о любви – до твёрдого намерения умереть на пороге соседки-студентки, доказав, что и юность способна на решительные действия, а не только её старики-однокурсники.

Женька закончил десять классов, получив более чем заслуженную медаль. Он был не очень хорош в точных науках, но внимателен и усидчив. Биологию любил, потому что она вызывала живой интерес его пытливого исследовательского ума, да и учительница была куда менее отвратной, чем безумная алгебраичка.

Химия шла «на ура», он даже выиграл целый ряд районных, городских и областных олимпиад. Но сердце его было отдано литературе, хотя писал он, надо признать, иногда с ошибками. Не потому, что не помнил правил, а потому, что считал вернее так, как он, Женька, чувствует. Но закон суров, потому с системой Женя Иванов не спорил – получал свои пятёрки, отрываясь в невидимых Миру Красных Ручек блокнотах.

На торжественном вручении медали тётя Аня рыдала в голос. Бабушка и мама Леночка хранили сдержанное горделивое молчание. Слегка пригубив шампанского на выпускном, они покинули кафе, справедливо полагая, что мальчик уже имеет право на первую самостоятельную ночь вне дома.

Они – бабушка и мама Леночка. Но не тётя Аня. Сварливой тенью таскалась она за выпускником всю ночь, умудрившись проникнуть даже на теплоход и выпить там по стакану водки с суровым небритым мужиком из команды.

– Взрослый уже, вишь? – утирая слезу, сказала она рыцарю в тельняшке.

– Сын? – понимающе уточнил он.

– Он самый... – кивнула тётя Аня и зарыдала в голос.

– Чего ревёшь? Радоваться надо. Подумаешь, мужика нет. – Как любой представитель племени яйценосных, он моментально вычислил морганатический статус тёти Ани. Вернее – отсутствие такового. – Зато сын, красавец.

– Золотой медали-и-и-ист! – всхлипывала Анна, размазывая дорогостоящую тушь по дефицитному тональному крему. – А ты, тоже мне, Гоша, он же Гога! [27] Если у меня кольца нет, это ещё ничего не зна-а-а-чит...

– Кольцо здесь ни при чём! – строго сказал мужчина и разлил ещё. – И базар баталовский об оценивающих взглядах – херня. Не оценивающий взгляд у вас, одиночек, а неприкаянный. Как у бездомных сук. Тут кусок ухватила, там подали... Уже удача. Баба при хорошем мужике – она по-другому на мир смотрит. Да и за сыном в ночь сама не побредёт. У неё по ночам другие интересы.

– Специалист хренов. Развелось вас, специалистов, а мужики куда-то

пропали, – зло огрызнулась Анна.

– И то правда! – примирительно сказал кадр в тельняшке, погладив Анну по радужной щеке и задумчиво покрутив жёлтенький кружок на безымянном пальце правой руки. – Ну, давай, мать, за твоего сына. А я работать пошёл от греха подальше. Всех бездомных собак не пожалеешь. И я тут вроде как на службе всё-таки.

Бабушка и мама Леночка не особо вмешивались в выбор Женькой профессии, справедливо полагая, что любой диплом, подтверждающий высшее образование, хорошо. Тётя Аня ненадолго отъехала в командировку по своим хлебным технологическим делам, а вернувшись, узнала, что медалист отнёс документы в Литературный институт.

– Охуел? – выдохнула тётя Аня. – И кто ты будешь после этого? – брезгливо поинтересовалась она. – Писатель? Писатель – это жизненный опыт, а не диплом. Писатель – это истекающее кровью сердце, а не правила правописания. Писатель – это душа, а не запись в трудовой. Писатель – это не штаны на стуле просиживать. А мужик – это ремесло. Понял, дубина?!

Долго ещё в кухне витал запах бабушкиной валерианы, мамы Леночкиного вина и тёти Аниной водки. А на следующий день Женька забрал документы из одной приёмной комиссии и за руку с тётей Аней отнёс их в другую. Где последняя устроила скандал, требуя срочно сообщить ей, где тут обучают конкретно на акушеров-гинекологов.

Выяснилось, что конкретно на акушеров-гинекологов здесь не обучают и вообще выбор невелик – мизерное количество факультетов, в отличие от того же технологического пищевого, который тётя Аня закончила очень заочно.

– А понтов-то, а понтов! – возмущалась она позже, после того, как, получив пятерку по профилирующей в том году химии, Женька стал студентом самого престижного медицинского вуза столицы. Возмущалась, втайне гордясь. Конкурс был, надо признать, огромный. Видимо, Евгений Иванов попал в тот самый сакральный люфт, оставленный господом нашим всемогущим для действительно талантливых и достойных, позволив ему сразу после школьной скамьи влиться в стройные ряды академическо-профессорских детей, небольшого процента целевого набора и прочих, не поддающихся учёту, разнообразных бластных. Парень он был разумный и, немного поразмыслив, пришёл к выводу, что тётя Аня права. Особенно после того, как бабушка и мама Леночка выставили в первые ряды книжных шкафов тома Булгакова, Вересаева, Чехова и даже журналы «Юность» с романом Аксёнова «Остров Крым».

Учиться было интересно. Работать – ещё интереснее. Мир щедро подкидывал типажи, характеры, ситуации и эмоции. За время учёбы у Женьки случилась пара-тройка романов, так ничем и не закончившихся. Не из-за поджатых губ бабушки и мамы Леночки. Не из-за громогласных ехидных замечаний тёти

Ани. Его увлекала плоть, но ни разу никто всерьёз не ранил его душу. Так он и пришёл к своему диплому и распределению – вот тут уже тётя Анна подсуетилась и разыскала подходы конкретно к акушерству и гинекологии – холостым, подающим надежды красивым молодым мужчиной, с одной-единственной публикацией в той же «Юности». Сидящим ныне с ручкой и блокнотом в пустынном обсервационном родзале за слегка обшарпанным письменным столом – одним из двух в простенке между «Операционной» и «Родзалом № 1».

* * *

– Интерн, тебе что, спать негде? – Из предродовой вышла Рыба, прищурившись на свет. – Могу изолятор открыть. Там сейчас, правда, прохладно, но мы тебе два одеяла дадим. Есть возможность спать – спи.

В родзал ворвался Бойцов:

– На том свете отоспимся!

Естественно, он вошёл. Но Женьке показалось – ворвался. Игорь Анатольевич был стремителен. В одной пижаме, без халата, и почему-то это придавало ему несколько комично-воинственный вид.

– Наверх уже позвонили, сейчас спустятся. Разворачиваемся. Отслойка «с улицы» поступила. Давай-давай, Рыба, не прикидывайся глухой, буди девок.

«Девки» уже вышли из предродовой.

– Кофе сделать, Игорь Анатольевич? – услужливо спросила санитарка.

– Ага. И дежурного разбуди. Интерн, третьим будешь? – Бойцов загоготал, довольный своей сомнительной шуткой. – Мылся хоть раз-то? – Игорь напустил на себя деловито-заботливый вид опытного гувернёра.

– Да я во время учёбы, Игорь Анатольевич работал.

– Ну, тогда разберёшься, раз такой грамотный. Переодевайся и мойся.

Честно говоря, Женька был несколько ошарашен собственной растерянностью и неуместностью. «Если со мной такое, то что же с теми, кто только что „из-за парты“?» Дух и буква операционной были ему привычны, но везде свои особенности. Он не ожидал, что акушерские операции столь кровавы – даже ампутации имели выраженно меньшую кровопотерю. Сперва, всё было быстро – Боня сделал разрез, первый ассистент промокнул. Вслед за кожей были анатомически грамотно рассечены подкожная жировая клетчатка, коей у пациентки оказалось немало. Затем – дряблый апоневроз. [28] Разведены синюшные отёкшие мышцы. Отслоена брюшина. [29] И... И дальше Женька перестал соображать, слыша лишь Бонины окрики:

– Ты что, висишь на зеркале?! Не можешь помочь, не мешай!.. Лапы вон из раны!.. Саша, сделай что-то с кишечником, я не могу работать!.. Сергей Николаевич, завяжите уже наконец-то узел, вашу мать!.. На трупах тренироваться надо, а не на живых людях!..

Нет, Женьке не было плохо. Он отлично себя чувствовал. Просто он не

понимал, что происходит в ране. Огромное бордовое с надутыми венами – матка. Это понятно. Боня сделал скальпелем крохотный надрез на этом и сосискообразными пальцами растянул его. В образовавшуюся дыру надул радужный пузырь, похожий на тот, что Женька наблюдал в семилетнем возрасте, когда оказался в непосредственной близости от рожающей козы.

Бабушка и мама Лена отвезли его в деревню «на поправку». Где были они – он не помнил, а хозяйка крутилась во дворе. Женька пошёл угостить козу горбушкой, ему нравилось, как аккуратно брала пузатая беленькая козочка с развесистыми смешными ушками своими розовыми бархатными губами лакомство и как потешно хрумкала. Но сегодня коза была не в духе – она прилегла отдохнуть. А Женька сильно испугался – не столько самого радужного пузыря, что шевелился рядом с козой, сколько воплей вернувшейся хозяйки: «Рубашку надо порвать! Коза – дура молодая, первый раз рожает!» Какую рубашку надо порвать и почему, Женька не понял, потому что сам был совсем без рубашки.

Он убежал и долго плакал под старой яблоней. Ему показалось, что коза умирает и некому будет больше подавать на доверчиво раскрытой ладошке вкусно пахнущую горбушку, никто не прикоснётся так бархатно-шершаво, так нежно к коже, не пошевелит больше забавными ушками и не будет больше задирать его рожками, приглашая к игрушечной битве. Утрата была так горька, что, казалось, умри сейчас бабушка, мама Леночка и тётя Аня вместе взятые, исчезни весь мир – ничто не будет так ужасно, как смерть этой недавно знакомой ему козы. «Чего сырость разводишь?!» – нашла его хозяйка. «Она умерла?» – размазывая сопли голой рукой, спросил Женька срывающимся голосочком. «Она родила. Козы от этого редко умирают! – засмеялась та. – Пошли, козлят покажу».

Женька не смотрел на козлят. Он смотрел на козу. Ему показалось, что она счастлива, хотя и выглядит немного усталой. «А в прошлом году у Савельевны коза так мучилась, что ветеринара пришлось звать. Не сама Савельевна, конечно. Дачники на машину сели и привезли. Стала бы Савельевна к козе ветеринара звать. У неё этих коз семнадцать голов. А ветеринар-то по кошечкам и собачкам оказался – курам на смех. Тогда Савельевна уже сама за кузнецом сгоняла. Тот у нас и по лошадям, и по коровам, и по свиньям специалист, дай бог ему здоровья...»

Лето оказалось насыщенным, и Женька причастился таинств не только козьих родов, но и превращения жеребца в мерина. С мамой Леночкой и бабушкой он такими тайнами не делился, интуитивно чувствуя, что не поймут и не одобряют. А вот с тётей Аней – другое дело. Та с удовольствием сходилась с Женькой на конюшню и даже выпила водки с кузнецом.

– Вот это да! Вот это я понимаю! – Тётка Анна застыла поодаль от коня, остановившегося справить малую нужду.

– Что? Что ты понимаешь?! – Женька подёргал её за рукав.

– Что размер имеет значение. Не слушай меня, Женька. Я ведь в деревне выросла. Так. Ностальгия по чистоте.

Женька удивился слову «чистота», потому что, признаться честно, грязь кругом была по колени. Но если тётя Аня впадала в свою особого рода задумчивость, что случалось крайне редко, лучше её было не тревожить. От кузнеца она вернулась под утро. И Женька потихонечку подслушивал, как она говорила маме Леночке:

– Отличный мужик. Пьёт умеренно. Вдовец. Двое детей. Жена вторыми родами умерла. Да только ни я сюда не поеду, ни он в город не переберётся. Мне здесь делать нечего, а ему – там. Да и чужие дети...

– Может, это как раз самое лучшее для тебя, – тихо бубнила мама Лена. – Детей у тебя быть не может, а в городе ты что-то счастья так и не нашла.

– А мне и не надо детей. Одна морока с этими детьми. Бессонные ночи, сопли, ветрянки, а потом поминай, как звали. Да и к туалету я привыкла теплему, уютному, надраенному... Чёрт бы меня подрал, дуру ненормальную!..

– Зеркало!!! Высокий класс!

Первый вопль относился к нему, Женьке. Одновременно с воплем Женькина рука вместе с надлобковым зеркалом была вынута из раны первым ассистентом Сергеем Николаевичем. Подхалимаж же предназначался Бойцову, так чётко вскрывшему матку.

Сережа Чуприненков всего тремя курсами старше Женьки. Ныне – ординатор наблюдательного отделения. Не успел он докатить фимиами, как у Игоря Анатольевича уже повисло на большой ладони что-то, похожее на лишённую рефлексов лягушку – только синее и с большой головой гуманоида, какими родит их фантазия голливудских бутафоров.

– Зажимы. Режь. Забирайте.

Вторая родзальная акушерка уже стояла с пелёнкой позади хирурга. И начавшая булькать «лягушка» с болтающимся на скользком канате пуповины мягким зажимом была передана на столик неонатолога.

– Ну что? – поинтересовался Боня, не переставая священнодействовать в ране.

– Нормально, – спокойно ответил «младенческий» доктор.

«Лягушка» пару раз побулькала, поскрипела и исторгла оглушающий рёв. Так, по крайней мере, показалось Женьке. Она розовела на глазах, издавая басистый возмущённый обиженный визг.

– Углы.

Операционная сестра подала Бойцову иглодержатель.

– Что-то у нас сегодня только девочки рождаются.

– Ещё не утро, ещё не утро, Игорь Анатольевич, – усмехнулся неонатолог, закончив жужжать отсосом.

– Куда его, в реанимацию?

– Да нет, на этаж. Нечего ему в реанимации делать.

– Не спи, интерн. Серёжа, вставь зеркало, бога ради, а? Ты, интерн, на будущее вначале смотри, если ни разу не был. А потом уже мойся.

Женьке стало неловко.

– Ладно-ладно, не грусти. И всё будет расти. Я сейчас матку ушью и пойду, а вы с Сержем закончите. Раскрытия не было. – Он нырнул рукой куда-то внутрь женщины. Вынырнув, снял и скомандовал: – Перчатку!

Операционная сестра подала стерильную перчатку.

– Кюретку. [30] – Быстрыми привычными движениями Бойцов извлёк металлической заточенной ложкой с дыркой скребущие звуки изнутри опавшего плодовместилища. – Чисто. Шьём матку.

Со дна раны поднималась тёмная кровь сразу же после очередного промокания марлевой салфеткой.

– Интерн, не протирай, промокай. И салфетки экономь. Размахнулся... Александр Николаевич! Мне в рану лезет кишечник, вы что, наркоз давать разучились или миорелаксанты экономите?!

– Игорь, не ори! Уже ввели.

– Гемодинамика?

– Стабильная.

– Так, вроде сухо. Серёжа, твою мать! Не затягивай намертво, ткани рыхлые, что, не видишь? Прорезается же!

– Извините, Игорь Анатольевич.

– В морге извиняться будешь! – И медсестре: – Дай ещё длинную. [31]

После ушивания матки Бойцов стал спокойнее и за перитонизацией даже рассказал какой-то пошлый анекдот, над которым слишком усердно хихикал первый ассистент.

– Ну всё, орлы. Я пошёл. Дошивайте. – Игорь Анатольевич, шумно вздохнув, отошёл от стола, нарочито громко чавкнул снимаемыми перчатками, покричал:

– Санитарка! Санитарка!!!

Хотя та уже давно суетилась, ожидая команды развязать халат. И, напевая, вышел из операционной. Сергей Николаевич перешёл на место хирурга и оторвался на Женьке, недавнем собутыльнике, по полной. И руки у Женьки «из жопы росли», и крючок Фарабефа [32] он держал не так, и стоял не там, и, судя по всему, дышал тоже криво.

– Что, Серж, лютуешь? Отрываешься на коллеге? На боевом, можно сказать, товарище? Ай, нехорошо. Давно ли сам-то, а? – засунул свой вездесущий нос в дверь операционной уже со стороны анестезиолога освежённый душем Игорь Анатольевич. – Ничего, ничего, Евгения Ивановича Пётр Александрович быстренько выучит, и господин Иванов тебе покажет, у кого тут руки под пипиську заточены.

Стравливать людей было любимой забавой Бойцова. Кто-то на это вёлся со

всей страстью и пылкостью, кто-то изначально был мудрее и не поддавался на его подколки. Женька «по жизни» был из вторых.

– Пойдём, покурим? – спросил Женька Сергея Николаевича после того, как всё было ушито, клеевая повязка наклеена, моча выпущена катетером, определена «на глаз» – по количеству валяющихся на полу окровавленных салфеток [33] – кровопотеря, влагалище обработано и всей бригаде сказано традиционное «Спасибо!».

– Я бросил! – хмуро кинул тот. Да и ты не курить скажи, а протокол пиши. Умеешь?

Да. Более опытные Некопаев и Бойцов – заведующие и врачи высших квалификационных категорий – были куда любезнее вчерашнего приятеля Чуприненкова, обычного ординатора, неокатегоренного пока вовсе. Чем меньше шавка, тем громче лает. А при удобном случае – и кусает.

– Пусть парень идёт, покурит! – проорал из манипуляционной родзала всё реферирующий Бойцов. – Не шакальничай, Сергей Николаевич. Тут ещё девочка поступает, ему писать – не переписать, смотреть – не пересмотреть. Так что пусть обникотинит мозг. А ты спать иди. Историю я ему сам продиктую.

Кинув на Женьку неприязненный взгляд, Сергей Николаевич покинул родзал.

– Рыба! Сделай Игорьку кофе! – Он иногда любил говорить о себе игриво-нежно в третьем лице.

– Сейчас, Игорь Анатольевич.

* * *

Игорь Анатольевич родился с серебряной ложечкой во рту. Правда, вслед за ним спустя пару минут родился его брат и рефлекторно цепкими младенческими пальчиками вырвал у брата-двойняшки из не вовремя раскрытой в громком оре пасти полудрагоценный чайный прибор. Молча.

Это и определило дальнейшее развитие событий – всю жизнь вырывать одну-единственную серебряную ложку друг у друга, не замечая остальных одиннадцати из полновесного набора.

Игорь считался мальчиком обыкновенным. И здоровым.

Олег полагался детёнышем неординарным. И больным.

Вероятно, потому, что Игорь, по мнению отца и матери:

а) во время беременности потреблял в одну харю весь положенный на двоих кислород и прочие питательные вещества, высасываемые с помощью шланга-пуповины из материнского организма;

б) гадёныш, и «шлангом»-то обзавёлся потолще и подлиннее, не то что нежадный Оленёнок, Олешечка, тонкая пуповинка, мамкина кровинка;

в) тварь розовая, жирная, лёгкие расправившая, что тот орёл крылья, пинал перед «вылетом» ногами, руками и здоровенной крепкой головой чудо синее, гипотрофичное, парный орган свой запоздалым писком лишь воробьиным

пером в осенний дождь раструсившее;

г, д, е, ж, з и прочие буквы всех алфавитов, включая рунический – на откуп читательской фантазии.

А уж если принять во внимание тот факт, что и спал Игорёк крепче, и ел аппетитнее, то счастливым его обеспеченное детство не поднимется язык назвать даже у самого законченного детоненавистника.

Олега нельзя было обижать. Поэтому Игорь обижал его беспрестанно. Олег имел узаконенные родителями «первины» на любую игрушку. Даже на ту, что дарили Игорю. Поэтому Игорь ломал даже те, что дарили Олегу. Игорю вменялось в обязанность защищать Олега от нападок школьных товарищей. Поэтому Игорь с иезуитской хитростью поводы для этих нападков создавал. Олег хотел быть акушером-гинекологом, но два акушерства на одну пусть даже известную в министерских кругах фамилию не полагалось. Поэтому Олег пошёл в патологоанатомы. Игорь же, будучи фанатом романа Артура Хейли «Окончательный диагноз», подался в «повитухи», сохранив в душе трепетное поклонение к упокоенным тем или иным способом телам. Олег хотел жениться на Ольге, поэтому в ЗАГС она отправилась с Игорем.

Чего греха таить, Олег по общепринятым ГОСТам морали и нравственности со всех сторон был пострадавшей стороной. Ни один ОТК [34] не пустил бы Игоря в круг порядочных людей.

А между тем парнем он был неплохим. Просто не всем выдают мудрости соломоновой сразу в отрочестве. Игорь, как все «неплохие», был обидчив и раним. Олег же, как все «нехорошие», был хитёр и в совершенстве владел техникой подковёрных манипуляций.

Отец же их – Анатолий, окончательно осознав к четвертьвековому юбилею сыновей, к чему привело благонамеренное воспитание «сильного» в любви к «слабому», а «слабого» – в любви к самому себе и твёрдой уверенности, что весь мир ему должен, скончался от обширнейшего повторного инфаркта аккуратно под окончание банкета, в ознаменование которого братцы устроили феерическую безобразную до первой... ой, нет, второй... до множественных взаимных гематом, драку.

Надо сказать, что грех, с коим он отлетел, был весьма тяжким. Мальчишки-то – в плане здоровья физиологического – сравнялись годам к двум до абсолютной неузнаваемости, хотя были именно двойняшками, а не однойцевыми близнецами. Не в том смысле, что у них было по одному яичку в мошонке, а в том, как это трактуется эмбриологами – гистологами. У них было не только по должному количеству тех самых парных органов, которые вовремя опустились в совершенно разные – собственные для каждого – мошонки. Но они были абсолютными психологическими антиподами.

Мама с папой этого так и не поняли. А ведь ещё на этапе внутриутробного развития они как можно сильнее изолировались друг от друга – у каждого

будущего Анатолевича был свой «кафтан» в виде плодного пузыря, своя плацента и своя пуповина – кого уж на какие угораздило. Акушеры называют это на своём таинственном латинизированном, недоступном плебсу, сленге «бихориальной биамниотической двойней». Что в переводе на русский кармический означает: «Была у лисы избушка ледяная, а у зайца – лубяная». И этих совершенно по-разному принятых и, по всей вероятности, с совершенно разными целями и задачами – если перейти на дорогой слуху современников язык офисных собеседований, призванных в мир пацанов родители попытались сблизить, навесив на «зайца» всю ответственность за несовершенство лисьей норы. Не заметив, что к двум годам – как и было сказано ранее – «зверушки» трансформировались в здоровые «волчьи головы» из разных стай. И все попытки заставить их насильно полюбить друг друга приводили лишь к усилению глухого рыка и пугающему щёлканью широко разверстых пастей при приближении одного к ареалу другого. Ох, а как жестоко они бились! Это были не детские драки, а разборки двух матёрых самцов-вожаков.

Родители – создания мрака. Родители – это не те, у кого есть дети. Родители – это особая каста спецназовцев-убийц. Убийц всего светлого, что есть в пришедшей в мир душе. Подразделение особо жестоких дрессировщиков, призванных сделать из бенгальского тигра послушного кусочку мяса и удару кнута пуделя. И тигр или смиряется, становясь злобной угнетённой собакой, готовой порвать, как только к нему повернёшься спиной, или сдыхает. Или... убегает из этого шапито ко всем чертям собачьим. Но у собачьих чертей не сладко – миска не наполняется манной с хозяйских небес, кров и дом приходится искать самостоятельно, но что значат экзерсисы тела по сравнению со свободой души? Оставим ненужные философствования, да и родители уже возмутились, мол, мы не такие. Да. Вы – не такие. Вы – друзья, а не дрессировщики. Жаль только, что вас так мало. Но будь друзей много, они бы утратили свою ценность, как утратят её алмазы, если весь существующий в недрах запас одномоментно выбросить на потребительский рынок.

Но именно в этой непотребности родителей сокрыт главный смысл – выживут те, кто должен. И никак иначе.

Игорь и Олег не выжили. И не умерли. И не сбежали. Они подчинились. Став теми самыми покорными, но всегда готовыми при случае укусить, собако-тиграми.

Укусить друг друга. Укусить друга. Укусить врага. Укусить мир.

И побольнее. Желательно – вгрызться в яремную вену.

Но оставим невнятность изложения того, что подвластно лишь гению, на совести самого обыкновенного рассказчика и вернёмся к Игорю Анатолевичу и его земной истории.

После смерти папы Игорь и Олег вдруг поняли, что взрослым мужикам с нормальными парными органами в том месте, где это и положено, не пристало

рубиться из-за детских обид, и они, тщательно пересчитав, переписав и пересыпав нафталином, запрятали их подальше в шкафы своих давно уже отдельных квартир и стали ходить в гости к осиротевшей маме. По очереди. Потому что мама, не вынеся из смерти отца и анамнеза отношений сыновей никаких уроков, по-прежнему полагала Олега слабым и несчастным, а Игоря – сильным и счастливым. Первый, хихикая про себя, этим пользовался. Второй, крепясь, старался этого не замечать.

А позже скончалась и мама.

Так и не дождавшись внуков.

Потому что Олег никого, кроме Ольги, так и не полюбил. Если он вообще был способен любить в общепринятом понимании этого слова, не говоря уже о библейской трактовке.

А Игорь стал отцом уже после того, как маму закопали в январскую мерзлую землю. Перед смертью она попросила его позаботиться об Олеге, сообщив, что родительская квартира достаётся ему. – Игорь крепче сжал матушкину руку. – Ему. Олегу. – Костяшки на пальцах Игоря сравнялись цветом с кожным покровом мгновение тому обездушенного материнского тела.

Через неделю у Игоря родился мальчик. Слава богам, один-единственный. Ольга назвала его... Олегом.

Дальше рассказывать?

Ладно.

Через месяц Ольга Бойцова, прихватив Олега Игоревича, ушла в квартиру покойных родителей, ныне здравствующих Анатольевичей.

Которую ей совершенно бесплатно предоставил собственник.

Который не хотел с ней жить по причине «сына не от него».

«Который не мог перестать её любить, если вообще был способен любить в общепринятом понимании этого слова. Не говоря уже о библейской трактовке»:

Который не мог её не не хотеть.

Который не мог её не не хотеть.

Не мог любить и не мог забыть.

Который, которого, за некоторых, через кое-что, и не для, а за ради и чтобы было...

Короче, «жить надо не для радости, а для совести». [35] Невзирая на всю эфемерность этого понятия, а также причин, его вызывающих. Ха-ха. А вы говорите «мыльная опера...»

Это, скорее, солянокислая оперетта. Такую конструкцию не построит самый оскарносный Джек, потому что жизнь, в отличие от конструкций, не застывшая форма, прочеканенная пером, написанная маслом, вылепленная из глины и построенная из кирпичей. Жизнь – организм. И происходящие в ней процессы подобны живому току крови, биению сердца, дыхательным экскурсиям грудной клетки и гормональной секреции. И жизнь, бывает, болеет.

Иногда – хронически.

Так что сейчас Игорь и Олег находились в состоянии беспрестанной борьбы и слежки за ненужной, если задуматься, им обоим игрушкой «Ольгой», поставляемой в комплекте с опцией «ребёнок» – обожаемым сыном Игоря (тест ДНК на отцовство прилагается), с общей на всех фамилией покойного Анатолия Бойцова, с ненавистным Игорю именем «Олег» (нотариально заверенная копия метрики на вечном приколе в портмоне Игоря Анатольевича, оригинал – у Ольги Бойцовой на руках).

И если разобраться толком, хорошо Игорю Бойцову было только на работе – в этом самом родильном доме этой самой многопрофильной больницы.

Он практически жил тут, лишь изредка выходя в мир не за Ольгой, а просто так. Самыми мучительными периодами были для него те недолгие временные отрезки, когда роддом закрывался на плановую помывку. Но и тогда он не мог совсем покинуть больницу – шёл дежурантом в отделение гинекологии, находившееся в главном корпусе.

Вполне возможно, что у стороннего наблюдателя уже слёзы брызнули из глаз и сердце кровью облилось, глядя на столь надрывные реалии жизни Игоря Бойцова. Не стоит. Пустое. Он был вполне счастлив. Как счастлива селедка «под шубой» на праздничном столе – бесчувственностью, прикрытостью и востребованностью.

* * *

– Пиши: условия – живой плод, температура тела – тридцать шесть и шесть, безводный период – ноль часов. Комбинированный эндотрахеальный наркоз... [36]

– Игорь Анатольевич, а почему не под эпидуралкой? [37]

– Ты мне писарь или привлечённый из санатория органов движения физиотерапевт-консультант следственного отдела прокуратуры? Или просто дурак? Какая эпидуралка при столь urgentной [38] ситуации? Ты пиши и запоминай. Потому как ты теперь почётный ординарец Петра Александровича. А почему комбинированный эндотрахеальный – в учебнике прочитаешь, если до сих пор не знаешь, умник... Комбинированный эндотрахеальный наркоз. Показания: преждевременная отслойка нормально расположенной плаценты, начавшаяся внутриутробная асфиксия [39] плода.

– А разве была асфиксия? Сердцебиение же было ритмичным, слегка приглушённым, но ритмичным. Так что была гипоксия, [40] а не асфиксия, если быть точным.

– И сколько бы оно ритмичным оставалось? Если быть точным, – передразнил он Женьку. – И как бы ты её лечил, профессор кислых щей? Какие бы мероприятия проводил на фоне выраженного кровотечения? Мне что тут, как трамвайному жлобу орать: «Выучили вас на свою голову»?!

Игорь был на удивление нехарактерно терпелив и благодушен. Дело в том, что

у «уличной» отстойки оказалась вполне благодарная «домашняя» родня.

– Нет, если всё хорошо закончится, то, конечно, никто этой «гипоксии» и не заметит в сданной в архив истории родов. А если – нехорошо? Тогда тебя за эту твою правдивую гипоксию размажут по патологоанатомической конференции. В лучшем случае. А если у тебя написано: «начавшаяся внутриутробная асфиксия» – тут тебя ни один внутренний или привлечённый рецензент не съест. Потому как при гипоксии – надо консервативно родоразрешать, «наблюдая в динамике», а при асфиксии – в операционную галопировать. А наблюдать в динамике, как умирает плод, за который я, как ответственный дежурный врач, несу тяжкую ношу дежурной ответственности, я не буду. Потому как заранее знаю, что будет через пятнадцать минут с этой текущей гипоксией. Асфиксия с ней будет. Начавшаяся. А начавшись, она уже не остановится. Как говорит твой новоприобретённый учитель Петруха: «Лучше перебдеть, чем недобдеть!» Особенно в очевидных случаях. Так что ты не умничай, а пиши. Молча. На чём я остановился?

– Начавшаяся внутриутробная асфиксия...

– ...плода. Ниже: внутреннее акушерское исследование номер один.

– А почему номер один? Вы же её в приёме посмотрели, а потом ещё на столе.

– Я Будда, я Будда, я скольжу... Евгений Иванович, сейчас я перетяну тебя чем-то тяжёлым по твоей кретинской голове. Какие вы все умные, пока ни за что не отвечаете.

– Я, правда, просто спросить.

– Я, правда, просто отвечу тебе. Лет через десять твоей личной акушерской практики. Но по букве пишем один раз. Потому что ровно столько раз имеем право смотреть в случае подобного диагноза. Руками «смотреть». Причём в условиях развёрнутой за ближайшим углом операционной. Пиши: наружные половые органы развиты правильно. После обработки наружных половых органов раствором хлоргексидина произведено внутреннее акушерское исследование с целью уточнения акушерской ситуации.

– Наружные половые, наружные половые... акушерской... акушерской?

– Достоевский, ты не сочинение пишешь!!! Потому что и исследование акушерское, и ситуация – акушерская, а органы и развиты, и обработаны наружные половые, писатель юный, голова чугунная! Не издевайся надо мной! Рыба, он надо мной издевается!!! Сделайте мне кофе, кто-нибудь!

Благодушные опытного и мудрого грозило смениться ядовитостью сарказма бывалого. Женька, отлично чувствующий градус перемен, решил заткнуться и писать. Кажется, его кустарное редакторство действительно неуместно.

– Влагалище рожавшей. Шейка матки – длиной до трёх сантиметров, отклонена кзади. Цервикальный зев [41] пропускает кончик пальца. Выделения – тёмные кровянистые, обильные. Костных экзостозов [42] в малом тазу не обнаружено. Предлежит головка. Ниже. Диагноз. Диагноз пишешь после

каждого внутреннего акушерского исследования, делай их ты хоть раз в полчаса. Кстати, сколько раз ты должен делать внутреннее акушерское исследование?

– До излития околоплодных вод – раз в два часа. После излития – раз в час.

– Молодец. На практике же бывает по-разному. Потому, если вздумал лапы просто так запустить, пишешь что-нибудь вроде: «Роженица предъявляет жалобы на партию и правительство» и на что уж там она предъявляет. Да и вообще, лишний раз туда лезть не рекомендуется, не ведро. Не больше, но и не меньше. Понял? Дальше... Диагноз: Беременность пятая. Роды – вторые. Отягощённый акушерско-гинекологический анамнез... Надеюсь, в курсе, если были аборты или воспалительные заболевания гениталий – акушерско-гинекологический анамнез априори отягощён. Чем больше факторов риска – тем глаже с тебя взятки. Впрочем, в нашей специальности, надевай ночную рубашку, не надевай – по-любому сам знаешь что. И не пиши вот этого «ОАГА». Не аббревиатура, летальные комиссии этого не любят. Полностью пиши. Не обследована. Преждевременная отслойка нормально расположенной плаценты. Ниже: решено ex consilium: [43] Родоразрешение путём операции кесарева сечения. Подпись: Ответственный дежурный врач Бойцов И.А., дежурный врач отделения обсервации Чуприненков С.Н., дежурный врач отделения физиологии Полякова М.С. – познакомишься ещё и – учись ставить подписи на юридических документах – врач интерн Иванов Е.И. Ниже: протокол операции. Ручонкой потряси, чтобы мышцы писучие расслабились и поехали... Теперь топаешь наверх, спрашиваешь у операционной сестры, в какой заднице у них находится протокол операций, и слово в слово, запятая в запятую переписываешь сие и туда. После чего носишься за мной, Чуприненковым и Поляковой, чтобы осигнатурили в тут и в там. Понял?

– Да, Игорь Анатольевич.

– А я пойду, посплю немного.

Женька покурил в гордом одиночестве предрассветного покоя ступенек приёма и отправился наверх исполнять.

Родильный дом был насыщен звуками. Приглушённо взывали механизмы лифтов. Шуршали по своим санитарно-неотложным делам беременные и родильницы, привычно громко «не могли уже» роженицы физиологического отделения. Нимало не смущаясь близости воплей, спал на кушетках средний и младший персонал едва упокоенного оперблока, из кабинета заведующего был слышен девичий смех и мерные звенья его удивительного голоса, плетущие цепь какого-то повествования. Женька присел за один из столов физиологического родзала – близнецов родзала обсервационного. Такие же обшарпанные, со стопками толстых прошнурованных пропечатанных журналов и стопочками тоненьких историй родов. Раскрыл конduit операционных протоколов. Историю открывать не стал. Чтобы слово в слово, запятую в

запятую воспроизвести текст, ему не надо было переписывать с бумаги. Ему доставало диктовки памяти. Щёлкнул ручкой и...

– Привет! – сказал кто-то охрипшим от дремоты контральто и прикоснулся к его плечу.

... умер.

Может быть, Амур ранит в сердце, но Любовь убивает всего человека. Метко, мгновенно, безболезненно и наповал. Любовь сравни Смерти. Возможно, Смерть и Любовь – сёстры. Однояйцевые близняшки, с неотличимым генотипом. А уж разность их фенотипов – лишь наши иллюзии. Ибо то, что мы знаем о Любви и Смерти, – всего лишь представления. Да и те привнесены тысячами писаний о судьбах тех, кто, бросаясь навстречу страсти, похоти или влюблённости, принимая их за Любовь, оказывался в объятиях другой сестры. Как может рассуждать о кутюр тот, кто носил лишь прет-а-порте? Того, кто, рано или поздно узнав о Смерти, уже ничего не мог рассказать!

Оставим потужное словоблудие над Женькиным умершим от Любви телом и воспарившим от этой прекрасной Смерти духом. Кто сказал, что только люди рождаются, любят и умирают? И люди ли проделывают всё это? Кажется, к концу этого абзаца температура тела Евгения Ивановича сравнивается с температурой окружающей среды.

– Эй! Вы нам нужны живым! Разряд! Интерн? Я – Мария Сергеевна. Эпилептик, что ли? Абсанс? [44]

– Нет, я не эпилептик. Я просто...

– Вышел из себя? – Она засмеялась, и Женька чуть было не скончался во второй раз.

– Да, немного. Но я уже вернулся. – Он запоздало подскочил со стула. – Женя. Евгений Иванович. Иванов. Врач-интерн. Первого года обучения.

В её прищуренных глазах носились бесенята.

– Пишу протокол. Не женат. Выходите за меня замуж.

– А вдруг я уже замужем?

– Это лишь незначительно усложнит алгоритм. Я предлагаю вам развестись, а после – сразу же выйти за меня замуж.

– И к тому же я старше вас... – она прищурилась, – года на три-четыре, примерно.

– Время – категория относительная.

– Ладно. Согласна. С тем, что время – категория относительная, разумеется. Хочешь посмотреть роженицу? Пойдём. Успеешь написать свой протокол.

Если бы Мария Сергеевна предложила Женьке пойти посмотреть царство Аид, он бы поскакал туда карьерным галопом, не забыв прихватить ливерной колбаски для Цербера. На всякий случай. Всё-таки, кроме парящих над житейскими реалиями бабушки и мамы Леночки, его воспитывала предусмотрительная, связанная крепкой пуповиной со здравым смыслом, тётя

Аня. Подобного рода компиляция имеет свои безусловные плюсы в воспитании мужчин из юношей.

* * *

Мария Сергеевна Полякова. Редкой породы и необычайных талантов особь двадцати шести лет. Не так уж и много. А по меркам родзала – и вовсе пшик. В двадцать шесть, как правило, трепетно простаивают первым ассистентом, особого права голоса в принятии решений не имеют. Так – «подай-принеси», физиологическое родовспоможение (читай: «родоневмешательство») у дам с неотягощенным финансовым анамнезом. Судите сами: шесть лет института плюс два-три года интернатуры – уже двадцать шесть, поступи ты в семнадцать. Мария Сергеевна поступила в шестнадцать и была старше Евгения Ивановича всего на три года. А стаж самостоятельного врачевания имела в зелёной трудовой книжке всего 730 дней. Но каких!

Однако стоит начать издалека.

Машенька Полякова родилась самым обычным ребёнком. Кажется, в ту ночь в самом обыкновенном родзале самого обыкновенного роддома случился небывалый по тем временам «бэби-бум» – пятнадцать родов за ночь. Смена валилась с ног. Какие там врачи, просто хватило бы рук! Были привлечены даже акушерки с этажа. Дамы рожали не только на рахмановках, но и на каталках и даже на кроватях предродовых палат.

Машенька пришла в этот мир в «рубашке», то есть в том самом плодном пузыре, хотя мать её была не цыганкой, а самой обыкновенной учительницей математики.

Маша Полякова родилась обычным ребёнком, но напрочь отказалась громко вопить, по-партизански сжав губы и, как уверяла в последующем дипломированная повитуха, нагло подмигнув. В ответ та шлепнула её по пяткам, и девочка огласила мир обиженным матерным контральто. Кстати, голос у Марии Сергеевны был... Ах, какой голос!

Мария не только обыкновенной родилась, но и росла самым обыкновенным ребёнком. Она оставалась такой и в пять, и в восемь, и в двенадцать.

И в двадцать шесть Мария Сергеевна оставалась самым обыкновенным ребёнком.

Вы всё ещё удивлены, что к двадцати шести годам она была не замужем? И часто вам встречались замужние дети?

Мужчины не признавались в этом. Потому что не понимали. Чувствовали что-то, но не понимали. А когда мужчина чувствует, но не понимает, – он боится. И они её боялись. Как боятся божество. Возносят молитвы, возжигают свечи, но... божеству не предлагают руку и сердце.

И это невзирая на то, что Машенька обладала абсолютно гипнотическим воздействием на мужчин любых возрастов с самого розового младенчества. У отъявленных холостяков проходили стигмы детобязни, стоило им узреть этого

коварного пупса. Её хотелось взять на руки, потискать, потетешкать, приголубить и не отпускать уже никогда. Машенькиной маме приходилось в самом буквальном смысле слова вырывать своё басистое дитя из мужских объятий. Они припадали к ней, как Антей к Гее-Земле, – за некоей живительной силой. Самый ли никчемный очкарик – коллега Машенькиного папы, одноклассник ли старшего брата – взглянув на неё, становился мужественнее, красивее, элегантнее, умнее. Одно прикосновение к ней проявляло в нескладном подростке будущую харизму, в седом занудном пенсионере – прежнего любимца дам, в скандалисте – покладистость, в задире – спокойствие, в спорщике – мудрость. Магия была мимолётна – стоило уложить малютку обратно в коляску или кроватку, выпустить ладошку пятилетнего ангелочка на свободу или перестать смотреть в глаза двенадцатилетней нимфетке, как лошади опять превращались в мышей, кареты – в тыквы, а наследные принцы – в нищих инженеров.

К чести её надо сказать, что она не пользовалась этим даром. А может, и не к чести – просто не осознавала. Принимала, как данность, ни на мгновение не задумываясь, почему строптивый дед, числящийся чуть ли не в безумцах, ходил за ней, как преданный пёс за любимым хозяином. Принимала, не утруждая себе размышлениями, почему отношения с мальчиками одинаково приятельские – что с двоечниками-хулиганами, что с отличниками. Принимала, не обращая внимания на тот факт, что вся её группа, по иронии судьбы состоящая из одних мужиков, отслуживших в рядах Советской Армии, готова есть с рук вчерашней школьницы горькие пилюли ехидства, запивая хинной амброзией Машенькиной насмешливости.

Все они чувствовали себя с ней сильными, правильными, способными почти на всё, но... НЕ РАВНЫМИ! Да, как это ни странно. Хотя почему странно? Трудно почувствовать себя равным богине. Отсюда и «не замужем». Отсюда же и много прочего.

Что ещё? Канонически красивое лицо, идеальная фигура, отличная память, усидчивость, упорство. Голос с широчайшим диапазоном возможностей воздействия на окружающих. Обаяние и покладистый, большую часть времени, характер.

Распределение в акушерство и гинекологию исключительно благодаря заботе вышестоящих товарищей вроде заведующего кафедрой, которому она ни разу не «дала», несмотря на упорные слухи. А тут ещё мама-учительница и папа-инженер. Очень талантливая и очень красивая девочка, что называется, «пробивалась» сама.

Пётр Александрович в первых педагогах акушерства, нечеловеческим чутьём вычисливший её главный гений – врачебную интуицию и увлечённость. Остальное – дело техники. Коей он её за три года интернатуры натаскал, как натаскивают правильно рыть ямы сенбернара-спасателя. Да, выкопает каждый,

но ты попробуй выкопай ТАМ, ГДЕ НУЖНО. Твой нос один на один с огромной заснеженной пустошью. Твой нос, твои глаза, твои уши, твои надпочечники и твоя душа. Не всем господь отрезает столь щедрый ломоть поискового дара. Стоило ей лишь посмотреть на роженицу, поддержать её за руку в районе пульса или просто постоять рядом – она уже знала, будет ли всё хорошо, или в ближайшее время ситуация изменится не в лучшую сторону. Она не видела никаких «картинок» вроде голливудских «пророчеств» Николаса Кейджа. [45] Мало того, если она пыталась хоть на миг сосредоточиться и, надув щёки, разведать последовательно продолжение пространственно-временного ощущения, – всё. Пиши – пропало.

– Не думай! – любил повторять ей Зильберман. – То, к чему я шёл десятилетиями, у тебя есть по факту рождения.

– Как же я могу не думать, если я смотрю, анализирую, прогнозирую?

– «Не думать» не значит «не знать». Знания приобретаются тупой зубрёжкой. Умение анализировать и прогнозировать – опытом. А «видеть» – талант смотреть на вещи изнутри – только для тех, кто родился сам, но часть его осталась там, в этом «внутри», – это от бога. Так что не гневи его глупостью своего думания.

– Да ну вас, Пётр Александрович, – отмахивалась она. – Вечно нагрузите мозг, а он у меня и так-то не очень здоровый.

– Здоровый. И один из самых совершенных, мне известных, а уж я людей немало на своём веку повидал.

Она неотлучно простояла при Зильбермане все три года. Уже на втором году интернатуры она самостоятельно дежурила по отделению обсервации, а по окончании была зачислена на должность ординатора отделения патологии беременности с фактическим правом принятия решений. Что для молодого врача, как правило, не только незаслуженная, но и непозволительная роскошь.

Дар, делая Марию Сергеевну Полякову успешной, не принёс ей только одного – того единственного, что действительно важно иметь, если уж ты пришла в этот мир животной особью на букву «с». А именно – счастья. Быть может, для кобеля важнее охота и служба – кого на что дрессировали, – а для суки высшее предназначение – счастье. Иначе она становится злой, старой и болезненной в области сердца и суставов. Пока у Маши ничего не болело, хотя злости по сравнению с детством добавилось, чего греха таить. Здоровой, спортивной злости. Но спорт, как общеизвестно, рано или поздно начинает калечить сердце и суставы. И без опоры на счастье – подтачивает нормальную жизнедеятельность души.

То ли дело благополучие. Давно покинув отчий дом, Машенька неплохо для врача двадцати шести лет зарабатывала. Но за всеми этими сапогами, кофеварками, квартиро-машинами и прочей бижутерией комфорта, носом, глазами, ушами, надпочечниками и душой чуя, что единственно важное, что ей

в этой огромной пустоши надо унюхать, увидеть, услышать и правильно откопать, – это ОН. Его не было. И поэтому пока это были они. Множество не её тел. Мимолетно преображаемых магией Машенькиного универсального дара.

И она получала от этого удовольствие.

Даже самые жадные были с ней щедры. Даже самые brutальные становились послушны и нежны. В свою очередь мучаясь несоответствием. Потому что не та женщина для не того мужчины не меньшее горе, чем не тот для не той. Просто вместо того, чтобы искать дальше, люди ломают изначально правильную гармоничную единую биологию создания «мужчина-женщина», в нетерпении пристраивая приглянувшиеся им «комплектующие» и ориентируясь, как правило, на брендовую упаковку, а не на биомеханические характеристики. Не говоря уже о высшей механике атомов и божественном электричестве.

Маша тоже пыталась. Но видимо, была настолько штучной работой, что ломала «нефирменные детали», временно выходя из строя сама.

Как раз не так давно она выплыла из затяжного романа, похудев до костей от разочарования очередного непопадания и чуть было не постарев и окончательно не обозлившись от горя вечного несоответствия.

Это была внезапная душераздирающая страсть – до тех пор у Машеньки всё было ровнее. Красивые ухаживания, приятные отношения и недолгое послевкусие увядших роз. Это же началось сразу, вылилось мутным водопадом и оставило после себя запах палёного мяса, хорошо знакомого по прижиганию сосудов или не такой, инвазированной чуждыми клетками, ткани шейки матки электрокоагулятором. Нет-нет, Машенькин дар подействовал и в этом случае. Она знала, чего ждать. Но порой уж лучше слишком яркий многомерно плоский Босх, чем серый пейзаж акварели.

Сказать, что Маша была жертвой в том безумном тандеме, значило бы – обмануть. Её изучали, но и она изучала. Она была экзотической птахой, но и он был необычным представителем мира полумифических носорогов и буйволов. Ему нравились изящные славянки породы ля рюс, но и её привлекали безумные татаро-монгольские парни. В общем, спустя два года бесконечной, скальпирующей душу химиотерапии они расстались. Оставив друг другу на память по выжженной пустыньке где-то в предгорьях извилин головного мозга и очажки заболоченности в прежде чистых реках сердечных камер. Он обнёс вновь созданную геологию высокими заборами и накрыл прочными саркофагами, поразвесив для пущей надежности таблички со значками радиоактивности и надписями: «Осторожно! Злая Маша Полякова! Опасно для жизни!» Она же, напротив, быстро погрузилась в пучины МЧС, полные красивых и не очень тел самцов, интересных и так себе характеров, решив, что душевный биогеоценоз восстановится сам собой.

А тут и очередная научная конференция приключилась. Надо сказать, что Мария Сергеевна, кроме лечебной работы, активно занималась и работой научной. Ещё с четвёртого курса. Тогда она активно помогала нынешнему академику, действительному члену, имеющему к тому же весьма светлую голову – тогда всего лишь профессору, – собирать материал на тему биофизики гестозов. Ибо вся их биохимия уже была выучена и ловить там было нечего. А вот под биофизику кряжистый мэр, скомкав кепку, лихо отвалил бюджетных средств, на славу побанкетничав с кем-то там из университета имени архангельского рыболова, светлая ему память. Рыболову, а не мэру. У последнего в тот момент не то родственница беременная была, не то правительственная программа, наказавшая усилить репродуктивное здоровье, – история умалчивает. Но поскольку профессора – биофизический и акушерско-гинекологический – давным-давно были соседями по дачам, так и тему совместную продвинули, чтобы быстрые разумом аспиранты поставляли бесперебойную качественную закуску во славу российской науки. А Маша была профессором профильным, замечена ещё во времена студенчества, как дева исполнительная и сообразительная, да ещё и анамнезом в виде академических родителей не запачканная. Работать будет за идею и обещание сразу после защитить кандидатскую на собственноручно наработанном материале. Так что после пар приезжала студентка Полякова в этот самый родильный дом и, засучив рукава, набирала кровушку у тематических беременных, разливала по эппендорфам, [46] центрифугировала, протоколы исследований записывала – в общем, трудилась, не покладая рук и не поднимая головы. Уже в интернатуре годную кандидатскую написала. Осталось запланироваться, выждать минимально положенное ВАКом [47] время и защититься. А тут, вот ведь какая незадача, один министерский наследник возжаждал учёной степени по-быстрому. У профессора появилась новая машина. А у Марии Сергеевны – новая тема. Очень перспективная и очень новая для страны. Большая честь за большую совесть.

Маша начала сначала. Обматерив наедине всё тут же простившего уже академика. Кажется, они набрались тогда в помпезном, отремонтированном под новое звание, кабинете и, обнявшись на манер пьяных матросов, вопили: «Снова за окнами белый день! День вы – В свете моей новой темы, Николай Валерьевич, я вам, предварительно не надев латексной перчатки, руки не подам!

– Да не расстраивайся, Мань! – эдаким сельским рубаха-парнем успокаивал её академик. – Херова та тема была, муйня в божьем доме все эти лазерные корреляционные спектроскопии в гестозах. Да и не гестозы они уже, а презклампсии. Тебя бы ещё на предварительной завалили, у тебя же нет родителя в министерстве или ещё где.

– Ага. Я – сирота. У меня мама учитель, а папа – инженер. Сиротинушка. Как

дальше жить на свете, даже не знаю!

– Мария, вот давай без сарказма! – строго сказал академик.

– Я не могу давать без сарказма, а вам, Николай Валерьевич, просто не могу давать. По факту немощи. Немощи вашей порядочности. Но, буду справедлива, – вы, кинув, хотя бы сочли необходимым пригласить меня на совместное распитие спиртных напитков, да и тему новую подкинули. Хотя я не пойму – в чем подвох, а?

– Ты, Мария Сергеевна, крайне проницательна для столь юной особы.

– Не надо грубой лести, мой дорогой учитель асимметрии. [49] Это в очередной раз очевидно – бесплатный сыр бывает только для особенных мышей. Лабораторных. И рано или поздно за него приходится расплачиваться. – Она сделала страшные глаза и зловеще прошептала: – Кровью!

– Не-не-не! Кровью не надо. Всего делов – параллельно начмед планирует докторскую.

– Ясно. Мы пахали – я и трактор. Хотя трактором буду как раз я, как обычно. Ну что же, вкалывать на заместителя главного врача по акушерству и гинекологии приятнее, чем на ни разу в глаза мною не виденного сынка неведомо кого. За ваше новое авто, Николай Валерьевич.

– Вот ни с кем бы другим я бы такие беседы не вёл! Ты мне дорога...

– ...как память об утраченной эрекции.

– Да! Кстати... предложение всегда в силе.

– Дорогой академик, вы мне тоже дороги, как человек небезразличный к моим скромным достоинствам, но нет, спасибо.

– Ну, как знаешь. Но при таком раскладе всё для тебя было бы значительно быстрее.

– Верю. Но вера моя не настолько крепка. А что, вам уже надоела ваша текущая официальная любовница?..

В общем, беседа за бутылкой плавно подошла к концу.

Через пару месяцев Мария Сергеевна поступила в заочную аспирантуру и запланировала кандидатскую диссертацию на жутко актуальную для современного акушерства инфекционную тему.

Материала оказалось неожиданно много. Статьи она строчила с невероятной скоростью. Вид имела товарный, излагала связно и актерского мастерства лишена не была. Командировки на всякого рода конференции и съезды ей щедро оплачивали фармацевтические фирмы, стоило академику лишь намекнуть. В общем и целом всё было не так уж плохо в жизни Марии Сергеевны, если бы не едва минувший двухлетний безумно-мутный, тягостно-безысходный, надрывный роман. Внезапно начавшийся, когда ничто не предвещало, и так же спонтанно оборвавшийся в одном милом ресторане. Она просто встала и вышла. Он не стал бежать следом, а лишь гадким взглядом

смотрел в зеркало, перед которым она затягивала пояс своего белого пальто. Ни слова. Лишь трясина покрытого ряской тяжеловесной иронии взгляда.

В самый канун конференции.

Возможно, нормальная женщина должна была рыдать, выяснять отношения и, как любят писать в околопсихологических пособиях для «чайников», разобраться в себе.

Маша решила разобраться в Виталике. Раз уж он подвернулся под руку на той самой конференции.

Подвернулся самым что ни на есть спасительным кругом под неосторожные руки Марии Сергеевны в тот самый момент, когда академик тонул в спиртном на банкете, решив во что бы то ни стало воспользоваться, наконец, правом первой конференционной ночи.

«Бывает иногда мужчина всех женщин безответный друг». [50] Виталий Анатольевич, возвращённый в самых интеллигентных московских традициях, не мог отказать даме в такой малости – спасительный танец и сопровождение до двери гостиничного номера. Тем более давно знакомой даме, приятной во всех отношениях, буквально – свету очей его в последние два года. Он лишь любовался, не посягая. Понимая, что ничем таким он заинтересовать Машу не может, да и жена, двое детей, тёща, жизнь удалась.

Он заметил Машеньку, когда она носилась по отделению патологии со штативом, полным пробирок гестозной крови. И не он один. Её заметили все. Даже чуждый женской красоте и плотским утехам Бойцов. Даже больничный завхоз и шофёр «скорой». И, естественно, Зильберман, под чьим белым шуршащим крылом она и провела всю интернатуру. Виталик же лишь наблюдал, довольствуясь совместными перекурами, редкими посиделками «по поводу» и её мимолётной заинтересованностью ультразвуковой диагностикой. Он частенько звал её в операционные ассистенты, отлучаясь, просил присматривать за своими беременными, – обычные приятельские коллегиальные отношения.

– Спасибо, Виталик.

– Да не за что.

– За то, что проводил. Николай Валерьевич сегодня был настроен весьма решительно.

– Ну, это тебе он академик. А мне он не начальство.

– Да, но пакостей-то наделать может. Впрочем, он так набрался, что завтра и не вспомнит. Тем более его под белы ручки уже подхватила весьма аппетитная фармацевтическая фея в чёрном с голой спиной. Придётся ей потрудиться не за честь, а на совесть. – Маша хихикнула.

– Да уж. Стареющий джентльмен в состоянии тяжёлого подпития, это достойная задача даже для профессионалки.

– Так и будем на пороге туры на колёсах разводить? Заходи. Если у тебя,

Некопаев, конечно же есть выпить.

– Обижаешь, Полякова! – Виталик достал из кармана пиджака бутылку виски. – Ноль семь.

– Ух ты! Доза настоящих Джеймс Бондов.

Они пили, курили, шутили и не заметили, как их застало утро. В койке.

– Кажется, я трахнула боевого товарища. Как ты находишь это с нравственной, моральной, этической и прочих деонтологических точек зрения? Прикури мне сигарету.

– Так же прекрасно, как со всех остальных точек. Особенно зрения. – Виталик и прикурил, и быстро налил всё ещё хмельной Маше, боясь рассеивания колдовства на трезвеющую женскую голову. – И к тому же не совсем ты меня, как скабрёзно изволишь выразаться, трахнула. Я принимал весьма активное участие в процессе. В акте любви.

– Ой-ой-ой, да помню я твои телячьи нежности. Ты же возделел меня, как малолетка. Это было очень мило. Я уже отвыкла от вот этого «мило». Меня последнее время любили не на жизнь, а на смерть. – Она усмехнулась. – Изучали реакции диковинной зверушки. Кидали то сладкий нежный пряник, то обжигающий кнут и наблюдали из-под полуопущенных век. Знаешь, что в моём бывшем было самое страшное?

Кстати, не кидай зря в ноосферу слово «любовь». Не взойдёт.

– Нет. Не знаю, что в твоём бывшем было самое страшное. Зря брошенное в ноосферу слово? – ехидно-мстительно проворчал Виталик.

– А чего ты обижаешься? – хмыкнула Маша. – Я совершаю смертельное преступление кодекса «мэ» и «жо» отношений: рассказываю любовнику последующему о любовнике предыдущем. Но ты же прекрасно понимаешь, что а) всё несколько иначе, потому что он был не любовником, а спицей Колеса Сансары; б) ты не являешься моим любовником, а то, что мы спьяну сделали, – лишь приятная опция, дополняющая нашу дружбу и коллегиальные отношения, случившаяся по факту отлучки из дому. Случка по отлучке. – Она захихикала. – Ну, прости, прости. И наконец, в) ты прекрасно знаешь, что я всё равно расскажу, что в том славном бывшем самое страшное.

– Это ты не понимаешь, что всё несколько иначе...

– Ой, только я тебя прошу! Сорокалетнему мужчине, не способному последние лет пятнадцать на страсть априори, отягощённому женой, тещей, двумя детьми и совместно нажитым в браке нераспиливаемым майном, не пристало изображать пылко влюблённого после того, как он переспал с давно известной ему дамой.

– Твой наигранный цинизм неуместен, – надулся Виталик.

– Может, он и вправду наигран, но уж точно уместен, и ты это прекрасно знаешь, так что давай не будем переливать из пустого бесчувствия в порожнюю чувствительность и сразу определимся: или ты тотчас предлагаешь мне выйти

за тебя замуж, или я тебе рассказываю страшную историю о моём последнем любовнике. Считаю до трёх... Молчишь? Реакция хреновая – детей больше не будет, а меня это не устраивает. Так что изволь слушать. – Она сама потянулась за пачкой сигарет и зажигалкой. Прикурила. Затянулась. – Ни для кого из вас, мои дорогие коллеги, не секрет, что последние два года некий тип намотал все мои кишки на мою же трепетную душу. Познакомились мы случайно, на некой дачной вечеринке, куда я пришла кристально трезвая в сопровождении одного кавалера и откуда удалилась, не помня себя от пульс-дозы спиртного, повиснув на мощной ручище кавалера другого. Наутро я не помнила, как его зовут, чем крайне развеселила и заинтересовала. Потому что он, как и любой другой мужчина, был неоригинален, полагая, что он вправе не помнить имя случайной сексуальной партнёрши, но уж его-то наименование, записанное ли в паспорте, или же выдуманное на данный конкретный половой случай, должно врезаться в память женщины, как надпись «не прелюбодействуй» в Моисеевы скрижали. Если ты сейчас будешь честным, ты мне скажешь, что это так и есть. Вы же на самом деле считаете, что даже профессионалка помнит вас, как первого и единственного. Кстати, я помню первого. А ты помнишь первую?

– Помню. Не отвлекайся. Мне уже самому интересен «клинический разбор» данного случая.

– Посмертный эпикри, [51] я бы сказала. – Маша присела поудобнее, нимало не смущаясь своей наготы, которая немало смущала кровообращение Виталика. – То есть ты подтверждаешь тот факт, что любой из вас, будь он кривоног, неудачлив, ленив и прочее некондиционен, считает, что неотразим?

– Ну, я не кривоног, в меру удачлив и прочее кондиционен, так что в отношении себя я этот факт подтверждаю. – Виталик принял навязанный ею горько-ироничный тон беседы.

– Спасибо. Этого достаточно. Ты «надцатый» в этой группе обследования, что позволяет делать статистически достоверные выводы. Так вот, самое страшное в нём было то, как он на меня смотрел. В зеркало. Он никогда – никогда! – не смотрел мне в глаза, например. Даже самые случайные собеседники изредка поглядывают друг другу в глаза, как и предписано официальным протоколом межгуманоидных коммуникаций. А он – не смотрел. Наблюдая за мной втихую. Когда я не вижу. И вот однажды, когда я причёсывалась перед зеркалом, я почувствовала, что на меня обрушилось бетонное перекрытие. Вернее не на меня, а на мою силу воли. У меня враз, прости за старорежимность, отяжелели все члены и как будто из телесной оболочки вырвали душу. Я посмотрела в зеркало, в его глаза, которые смотрели прямо мне в глаза. Не в мои собственные глаза, а в те мои глаза, что в зеркале. Путано?

Виталик кивнул. Он внезапно посерьёзnel, чувствуя, что это для неё важно – донести. Не до него. До себя.

– Это было какое-то тяжеловесное мутное безумие. Двое и зеркало. Три

объекта. А между – мрачная бесконечность глаз, исполненных чудовищного ужаса, и глаз, чудовищным ужасом наполняющих. Исполненных и наполняющих. Исполненных, глядящих в наполняющие, и неуязвимых наполняющих, зрящих прямо в уязвимость исполненных. А между ними – зеркальная гладь. Прозрачная, призрачная, всего лишь стекло, покрытое амальгамой, и... непреодолимая, как... как... В мире людей нет такой непреодолимости. Если есть ад, то один из его интерьеров выглядит именно так.

Маша пыталась вернуться к исходному легкомысленному тону, но попытка была довольно жалкой. Она уткнулась Виталику в грудь и разрыдалась.

– Ну что ты! Прекрати! – Виталик неумело погладил её по голове.

Честно говоря, у него, несмотря на вполне зрелый возраст, не было опыта утешения плачущих женщин. А тут ещё казалось, что плачет вовсе не женщина, а маленькая девочка лет... лет шести-семи. Это ощущение было для него настолько новым, настолько неизведанным, что в этот момент он влюбился окончательно и бесповоротно в маленькую девочку Марию Сергеевну Полякову двадцати с весьма лишним лет от роду. Он впервые ощутил себя мужчиной, несмотря на жену, двоих детей, крепкую задницу, удачу и прочую свою кондиционность.

В любом мужчине есть филогенетически прошитая, изначальная функция «защита», но мало кому обстоятельства позволяют её «родить» и выходить в полноценную сущность из зачаточного состояния.

У Виталика была безалаберная мама, которую защищал спокойный отец. У него была жена-алгоритм, которая в защите не нуждалась. У него была теща-домовой, которая в одиночку, если бы того потребовали обстоятельства, могла бы противостоять всей монголо-татарской орде. И у него была дочь, которая, по большому счёту, была ему незнакома, как и сын, потому что всё, что было с ними связано, и в чём они, его дети, нуждались, полностью взяли на себя «алгоритм» и «домовой».

Все прочие женщины в жизни Виталика были родственницами, коллегами, недолгими любовницами, операционистками банков, продавщицами-консультантами, торговками с рынка, случайными попутчицами и гештальт защитника не возбуждали. Нет, и прежде, случалось, кто-то рыдал у него на груди, но это вызывало лишь глухое раздражение, а тут... Всё то, что случилось с ним в одно-единственное мгновение, не опишешь, как невозможно описать ужас зазеркальной вечности, несанкционированно проникшей в тёплые живые человеческие глаза. Детские глаза. Её глаза.

– Глаза – зеркало души? Какой идиот первый сказал эту ересь? Глаза – это возможность любому заглянуть в твою душу. Даже тому, кто с той стороны, понимаешь? С ТОЙ, другой, стороны. С той стороны, где вечная ненависть, вечный страх и вечный холод.

Она утёрла сопливый нос рукой – от локтя к запястью, – и этот, в любой другой ситуации, с любой другой женщиной, жест залил солнечное сплетение Виталика светом. Он обнял её и начал укачивать, как баюкают малых детей. Но она отстранилась и сказала:

– А давай-ка, друг любезный, принеси нам что-нибудь поесть и конечно же выпить и покурить. – И тут же: – Слушай, а ведь если есть вечная ненависть, вечный страх и вечный холод, то должны же быть где-то вечная любовь, вечная смелость и вечное тепло, а? Впрочем, не заморачивайся! Потому что я знаю, что они есть. Раньше – до эпизода вселенского ужаса – я полагала, что любовь – это сказки. А быть – это найти себе более-менее пристойного, как любят выражаться психологи, партнёра, наладить с ним, как любят выражаться они же, более-менее пристойные отношения, прости господи, и жить себе – не тужить. Но теперь, когда я знаю, насколько бесконечен минус, я точно так же знаю, насколько бесконечен плюс. Но я не хочу ни бездны, ни небес. Я хочу Ангела. Ангела уравнивающего. Ибо что есть любовь, как не бесконечность равновесия?.. Любовь взаимная, разумеется.

Виталик не слушал её. Ему было неведомо хорошо. И ещё ему было неведомо, что он попал. Попал в тот самый казус, что называется любовью невзаимной и которая, увы, имеет место быть в этой Вселенной, как любая функция, любое слово, любой ужас и любое блаженство, выдуманное людьми. Ибо что в голове, то и на ладони... То есть «Что на земле, то и на небесах», но «бойся своих желаний...», Пара фраз, парафраз, парафразеологизм... Жуть!

И он просто пошёл за едой и спиртным.

Они мило провели время, заседая на разных секциях и вместе со всеми осматривая достопримечательности конференционного города. Уютно болтая обо всём, но только не о том, что произошло, выпили в вагоне-ресторане и разошлись в разные стороны.

Мария Сергеевна вообще была перфекционисткой. И, правду говоря, в самых странных фантазиях не могла себе представить, что свяжется с женатым мужчиной дольше, чем того требуют или обещают случайные обстоятельства. Не потому, что женатый мужчина – чья-то собственность, а брать чужое нехорошо. Не потому, что женатый мужчина – это заведомо разделяемая с кем-то ещё постель, а она была брезглива. А потому, что женатый мужчина – это соперничество. А Машенька Полякова с самого раннего детства не переносила «духа соревнования». Она или была первой, или не участвовала в «забеге». Да, вот так, пожалуй, верно. Всегда была первой, не соревнуясь. Априори. Что на земле, что на небесах. Она знала это – и это была её проблема. Они не знали этого, но это были их проблемы.

Дома Маша разобрала сумку, отправив даже ни разу не надёванные вещи в стиральную машину. Приняла ванну, сварила кофе, посмотрела свой текущий любимый фильм «Франкенштейн» с Робертом Де Ниро под бокал коньяка и

впервые за долгое время уснула сразу и спала без сновидений. Проход в Ад наконец-то закрылся. Стало тихо, темно и спокойно. Не хорошо и не плохо. Стало никак. И это было блаженством. Ибо всё, как известно, познаётся в сравнении.

– Свет мы заслужить ещё успеем, – шепнула она своему секретному плюшевому медведю. – А взаимной и вечной любви только по факту неосторожности воссоздания твоей души в телесной оболочке ещё никто не удостоился. Спи! – И она моментально покинула мир бодрствующих под зловещее экранное зарево, вознесшееся над голливудской декорацией Северного полюса.

Виталик же, хмуро поздоровавшись с домашними, сразу проследовал на кухню. Где, не снимая ботинок – вопиющее нарушение заведённого порядка! – долго пил кактусовый самогон, закусывая ванильными сушками тексты раннего «Аквариума». За плотно закрытой дверью маячила тень матери жены.

– Давно с ним такого не было, – прошипела она в ухо дочери на двадцатом повторе опуса «География». – Может, зайдёшь?

– Нашла дуру. Ты что, первый год его знаешь? – раздалось ответное шипение. – К утру перебесится. А если сейчас полезть...

– Спать, изоморфические тени! – рявкнул Виталик в сторону источников шипения. – Людоед рисует пейзаж, примостившись в Лувре на ступенях. [52]

Родственницы ещё пошаркали тапками немного и расползлись по норам, откуда после вздохов и скрипов, которые Виталик не слышал, раздалось мерное сопение жены и баритон тёщиного храпа; доносившееся до него Виталик слышал в паузах между треками.

Допив, Некопаев ещё долго смотрел на труп хорошо сохранившей цвет и форму гусеницы на дне бутылки, а затем вытряхнул её на тарелку, наколол на вилку, задумчиво прожевал и проглотил. В мегаполисе светало с индустриальным размахом. «Ни в какие ворота!» – проворчала во сне тёща. Он прикурил от предыдущей – и невнятно пропел в наступившей от нажатия кнопки тишине:

– У раба никто отнять не сможет о свободе ветхую мечту. [53]

Он был абсолютно законченно, мятежно и несчастливо пьян.

* * *

В роддоме наступало утро. Ни в окно, ни на часы смотреть было не надо. Этот организм оживал звуками. Стоны рожениц сменялись счастливыми ахами родильниц. Тихо работавший металл с отдохновенным стуком укладывался в мойку под щёточный массаж и струйный душ, чтобы потом отправиться на жаркий «курорт» стерилизации. С тихим шуршанием швабр родильных залов перекликались ожившие вёдра этажей. Удивительный, не объяснимый никакой научной организацией труда факт – санитаркам отделений достаются куда более голосистые швабры и вёдра, чем санитаркам родильных залов,

операционных и реанимаций. Неведомая селекция инвентаря. Странная гармония музыкальных партий. Одинаковые по диапазону и мощи исполнители звучат совершенно по-разному в условиях одной и той же акустики. А тапки? Ни у кого так не шаркают тапки, как у санитарок отделений патологии беременности в предрассветный час. Точно такая же по характеристикам обувь служительниц палаты интенсивной терапии будет звучать на октаву ниже. Никакого fortissimo presto, исключительно piano lento. С тождественной по результативности тоникой.

Разбуженные какофонией гигиенических процедур родовспомогательного заведения, беременные и свежеиспечённые мамочки не одиночными особями-шатунами, а полноценными косяками потянутся по своим помывочно-прокладочным делам, по дороге приветствуя друг друга и персонал, делясь впечатлениями, задавая вопросы акушеркам и детским медсёстрам. Расстраиваясь и радуясь, требуя у телефона кефира, сгущёнки и памперсов.

– «Ожил родимый аквариум». Доброе утро. – Мария Сергеевна улыбнулась Женьке. – Они так и не прилегли. В физиологии было двое родов, а Женька ещё и вниз, в обсервацию успел. Врата в мир живых чаще распахиваются именно в эту часть ночи – время угонщиков.

– Это моё любимое время. Рассвет лучше заката. Трещина между мирами шире, и видно всё отчётливее, потому и риск провалиться в неё куда меньше. Тонкое время, – сказала Маша. Они сидели рядом за «спаренными» столиками в междверном проёме.

– Кажется, мы читали одни и те же книги.

– Мы же дети «гнилой интеллигенции». Иначе и быть не могло. Слушай, ты извини, Евгений Иванович, что я тебе сразу «тыкать» начала. Обычно я себе такого ни с кем не позволяю, особенно с интернами.

– Особенно с интернами, потому что баре холопам не тыкают?

– Балда ты, Евгений Иванович. Впрочем, ты прав. Снобизма мне не занимать, но я борюсь с ним. С переменным успехом – когда я его, а когда и он меня. Просто иногда бывают люди, которым сразу говоришь «ты». Не потому, что моложе или не уважаешь, а потому, что кажется, что с детства знаком. Можешь смеяться, но, когда я тебя увидела, у меня возникло такое чувство, как будто из детства. И хотя ты мне субординаторно выкаешь, я знаю, что у тебя точно такое же ощущение. Твоё предложение руки и сердца не в счёт, естественно. – Она улыбнулась. – Но ты какой-то сразу... очень родной, хотя это немного необычно. Возможно, это лишь твоя характерологическая особенность. Обаяние. Встречаются такие люди.

– Вы, Мария Сергеевна, слишком любите анализировать. И очень зря. А предлагал я совершенно серьёзно. И предложение в силе. С открытой датой.

– Люблю. Анализировать. Глушу дар, в который не верю. Вернее, пытаюсь разложить его на составляющие, а он не раскладывается.

– У меня в детстве была «блядская железная дорога». Вот она никак не складывалась. То, что не раскладывается, куда лучше того, что не складывается.

– Какая железная дорога? – переспросила Маша удивлённо. Крепкое словечко совсем не шло ему.

– У меня тётя Аня есть, я тебя познакомлю. С будущей роднёй принято знакомиться. Она тебе понравится и расскажет, что на свете много чего такого, как та железная дорога. – Женька засмеялся.

– Ну да, серьёзное некуда. Уже с родственникам знакомит. Пришёл, увидел, полюбил. Так не бывает. – Она шутливо отмахнулась.

– Бывает. И ты это знаешь.

– Я, Евгений Иванович, уже давно ничего не знаю. Может, когда-то в детстве... В том параллельном детстве, где мы с тобой знакомы, или даже породнены, я это и знала. Да только сильно подзабыла.

– Значит, надо всего лишь вспомнить. Знание, а не детство. Потому что что-то мне подсказывает, что твоё детство, Мария Сергеевна, не только не закончилось, но и не закончится никогда.

– Да-да-да. Уже зильбермановских присказок наслушался? «И это только начало!»

– От Петра Александровича я пока услышал только, что его слушать не стоит, особенно по ночам. – Женька улыбнулся.

– Ладно, милый, с детства знакомый интерн, это всё хорошо, но надо работать. Топай в свою обсервацию. Увидимся на утренней врачебной конференции. Рекомендую выпить кофе, потому что так называемые «пятиминутки» менее получаса длятся лишь в особенно неотложных ситуациях, что по утрам случается крайне редко. Акушерство – это крест ночной жизни. Что лично для меня, «жаворонка», порою невыносимо. А ты кто в смысле биоритмов?

– Абсолютная законченная «сова».

– Видишь? Значит, мы уже не подходим друг другу. Представляешь этот кошмар? Для меня шесть утра – это уже поздно, а для тебя одиннадцать – ещё рано. Нам будет слишком скучно вдвоём. Ну, пойду, приму душ и переоденусь. До встречи. – Она встала из-за стола.

– Постой. Это тебе. – Женька поднялся, вырвал из блокнота лист, сложил его вдвое и сунул ей в карман пижамы. – Прочтёшь под утренний кофе.

– Ладно, – сказала Мария Сергеевна и пошла в ординаторскую.

– Что-то подсказывает мне, что нам будет слишком всего. И единственное, чего в этом всё не будет, так это скуки, – тихонько сказал Женька ей вслед.

– Ну, что? Уже влюбился? Оставь надежду всяк ей вслед смотрящий! Но ты не всякий. Доброе утро! – Зильберман вышел из кабинета в сопровождении юной девушки. – В Полякову все мужики влюбляются, а потом ненавидят. Все бабы ненавидят сразу. Правда, Аннушка?

Девушка утвердительно кивнула.

– Знакомься, Евгений Иванович, это Анна, вторая акушерка физиологического родзала и моя подопечная. Учю её всему. Но не тому, чему учу Полякову и буду учить тебя. Аннушке такие знания ни к чему, ибо в них печалей больше, чем ей требуется.

– Здравствуйте, Аня.

– Здравствуйте, Евгений Иванович! – послушно сказала юная акушерка и куда-то унеслась.

– Ну, как прошла первая дежурная ночь? Готов к новым свершениям?

– Отлично, Пётр Александрович. Всегда готов!

– Вот и молодец. Сразу после пятиминутки плановое кесарево. Здесь, наверху. Так что или завтракай сейчас, или раньше полудня не удастся.

– Хорошо, Пётр Александрович.

На пятиминутку Женька пришёл заранее и предусмотрительно сел в дальнем уголке. Он прекрасно знал, что здесь у каждого свои законные места и стайку интернов, что заняли срединные ряды, вежливо прогонят куда-нибудь. К тому же сегодня была пятница. А это означало, что на пятиминутке будут не только врачи, но и средний медицинский персонал. Так что кое-кому придётся и постоять.

Конференц-зал роддома был ему отлично знаком. Он находился на территории кафедры акушерства и гинекологии, и именно здесь Женькиному потоку читали лекции на четвёртом, пятом и шестом курсах. Ничего особенного, увы, он не запомнил. Лекции на теоретических кафедрах были куда интереснее, театральнее, исполнены истинного академического духа. На кафедрах клинических хорошие лекторы встречались куда реже, но не всегда хороший лектор оказывался отличным специалистом-практиком. Скорее наоборот. Эпоха зубров, мощных во всём и всегда, проходила. Что, правда, Женька застал ещё кое-кого, владевшего как теорией изложения, так и практикой положений. Но они старели, а нынешняя профессура и даже академики мельчали в питомниках узких специализаций, мало чем напоминающих непролазные дебри универсальной земско-клинической медицины.

Взять, к примеру, хотя бы нынешнего заведующего кафедрой акушерства и гинекологии. Говорили, что Николай Валерьевич в родзале последний раз был лет двадцать назад. Его интересы парили в сферах более финансово притягательных. Скажем, в эндоскопической гинекологии. Да и там он был скорее «двигателем прогресса», нежели рабочим механизмом. Кажется, на шестом курсе он читал им лекцию по женской эндокринологии, и одна не в меру ретивая студентка слишком замучила светило уточняющими и детализирующими вопросами. Она как раз собиралась стать эндокринологом и собаку съела на всех этих гипоталамусах, гипофизах и органах-мишенях. И мишенью, в конечном итоге, стала она сама. Потому как академик был не

только зол, но и памятью на лица и фамилии обладал неплохой.

А так-то он был душа. Хорошо сохранившийся рубаха-парень. Прекрасный администратор, талантливый иезуит. Но Женька был пока слишком далёк от этой кухни, полагая мало-мальски практикующего врача грамотным специалистом, и сейчас обо всём этом он не думал. Просто выбрал местечко поудалённее от «председательского стола».

Врачи перебрасывались приветствиями, отфутболивали шуточки, обсуждали какие-то лечебные дела. Громогласный Бойцов успел и тут всё заметить, всем поставить на вид и ущипнуть за филейную часть уже немолодую акушерку физиологического родзала. На что последняя, такая суровая в любое другое время, с любыми другими тут раскокетничалась, как гимназистка.

В конференц-зал вошла начмед, и установилась относительная тишина. Бойцов передал ей истории родов за истекшие сутки, и под доклады акушеров о том, кто, кого и как родил, она пролистывала их с брезгливым видом ресторанного критика, мечтающего отыскать в безупречном блюде дохлого таракана.

Дрожащим голосочком протараторила с листочка отчёт молоденькая акушерка приёмного покоя. Спокойно зачитала журнал родов главная повитуха смены физиологического родзала. Глуховатая Рыба, перекрикивая собственную тишину, отчиталась по обсервационному родзалу. Доложила об ответственных беременных отделения патологии хриплым голосом молодящаяся девушка средних лет, бывшая за крепким мужем и работавшая скорее от скуки, чем от нужды или по призванию. Беспрестанно зевая, равнодушно отчиталась о состоянии дел на этаже послеродовая акушерка. Затем скороговоркой рассказала, что творится в обсервационных эмпириях, тамошняя средняя медработница. Пропищали вести об истекших двадцати четырёх часах детские сёстры. И наконец, синяя от ужаса перед начмедом медицинская сестра отделения гинекологии пролепетала, сколько аборт и операций было выполнено. В далёкой от деторождения вотчине.

В обычные дни – не в пятницу и не в понедельник – докладывали о состоянии дел дежурные врачи, получая по ходу соответствующие втыки плюс-минус меры тяжести содеянного или, наоборот, вовремя не содеянного.

Пятница же была днём показательной порки. Средний персонал отпускали после номинального отчета, и начинался разбор полётов, имеющий своей целью не дать расслабиться накануне выходных и вообще, чтобы знали своё место и не забывали, кто тут чего и сколько стоит. «Шабашки» эти были скорее полезными, чем вредными, но иногда Елена Николаевна Ситникова, заместитель главного врача клинической многопрофильной больницы по акушерству и гинекологии – фактически главный врач родильного дома, – доводила себя до таких приступов ярости, что ни о какой справедливости речи идти не могло.

Впрочем, специалистом, в отличие от академика, она была отменным,

администратором – неплохим, да и отходила быстро. Поэтому все знали – поперёк бури плыть, подняв все паруса, не стоит. Лучше переждать, а повинную голову меч не сечёт. Доказывать начальнику, что он дурак, а ты прав, – заведомо провальное мероприятие.

Вот и сегодня барометр показывал отнюдь не «ясно». Ещё бы! В роддоме на ночном дежурстве случились щипцы! Случились тогда, когда человека, умеющего наложить их толково, без интранатальных травм, в роддоме не было. Ни её, ни Зильбермана. Благо последний, отсутствовавший де-юре, присутствовал де-факто.

Средний персонал вежливо попросили выйти. Вслед попросили выйти интернов, простоявших всю пятиминутку стайкой у стеночки после того, как старшие товарищи потребовали очистить законные места. Женька остался в своём уголке исключительно из соображений такта – ему было неловко беспокоить целый ряд великовозрастных форматных дам, врачей из женской консультации, обязанных присутствовать на пятничных заседаниях. Обойти их незаметно и не потревожив не было никакой возможности. Зильберман, сидевший в первых рядах, обернулся и подмигнул Женьке.

Начмед подождала, пока стихнет коридорный гомон среднего персонала и ученичества, попросила анестезиолога закрыть поплотнее дверь и начала... орать.

Орать, распаяясь всё больше и больше, швыряя несчастные хлипкие истории родов в ординаторов, грохая толстыми журналами родов об стол и потрясая перед поникшей публикой кондуитами операционных протоколов.

Орать о том, что в родильном доме ЧП, что никто здесь ни на йоту не соответствует занимаемой должности, что не только сделать, а и записать толком ничего не может. И так далее и тому подобное, давным-давно хорошо известное всем врачам любых специальностей стационаров и амбулаторных заведений.

Все внимали, понуро заведомо и однозначно повинные головы. Все соглашались с тем, что будут сдавать зачёты по акушерским щипцам, акушерским кровотечениям и прочим неотложным состояниям, будут писать объяснительные, рецензии на истории друг друга по выходным. И вообще всё свободное от работы время, включая отпуск, будут посвящать клиническим разборам, зазубриванию приказов мин-, обл- и горздравов, после чего собирать окурки и собачьи экскременты на всей прилегающей к родильному дому территории, мыть беременным, роженицам и родильницам ноги и пить эту воду. А также никогда не возьмут ни копейки ни за что, в ужасе убегая в противоположную любому «спасибо» сторону, а свои скромные заработные платы будут сдавать в фонды бездомных, безродных и жадных. Если уж такие опытные врачи, как Бойцов и Некопаев, ни черта не умеют, то что уже говорить о прочих полных ничтожествах, должных немедленно уйти из профессии. А

ещё лучше – сделать харакири.

– За работу!!! – громыхнул финальный аккорд начмеда. – Пётр Александрович, зайдите ко мне в кабинет!

«Полные ничтожества» дождались, пока начмед покинет помещение в сопровождении Зильбермана, и потрусили, кто сразу к делам, а кто – покурить перед оными, а иные по домам – отсыпаться.

«Ночь начнётся завтра в шесть часов утра, ежели никто не потревожит волка...» [54]

* * *

– Лена, с каких это пор наложение банальных выходных щипцов стало чрезвычайным происшествием? И какова дефектура конкретно Бойцова в поступившей с улицы отслойке плаценты? Или дефектура врача женской консультации, если беременная и не думала становиться на учёт? Ты палку-то не перегибай. – Пётр Александрович налил в чашки с кофейно-сахарным порошком кипятка. – Аппарат для капучино тебе на Восьмое марта, что ли, подарить? А то испортишь себе желудок окончательно этой отравой.

Только что яростно сотрясавшая воздух проповедью о вреде курения вообще и о преступности этого бесовского действия на территории, прилежащей к родильному дому, начмед Елена Николаевна Ситникова закурила и плюхнулась на угловой диванчик, что стоял в дальнем углу её кабинета, напротив Зильбермана.

– Устала я, Петь. Просто устала. Там выбей, тут – защити, перед теми – отчитайся, перед этими – объяснись. И раздолбаев полный роддом, я не говорю уже о гинекологии. Давно пора заведующего менять. Этот министерский выпердыш там совсем не у дел. Ходит, щёки надувает, а руки из жопы растут. Не говоря о том, что административной работы совсем не знает и знать не хочет. А как я могу его подвинуть, если мне ежедневно названивают узнать, не обижают ли племянничка? Я бы Бойцова в гинекологию поставила – самое ему место. А тут ещё, с утра пораньше, главврач вызывает. Мамаша этой девицы с ночи под его приёмной поджидала, чтобы выяснить, почему это её дочь врач-убийцы щипцами пытали и ребёнка покалечили.

– Так муж разговаривал же и со мной, и с Некопаевым, и с неонатологом. И родильница, и новорождённый не только живы, но и здоровы. Все были довольны, все смеялись.

– Ну, пока вы тут все довольные смеялись, её мамаша орошала слюной кабинет главного. А тому, как помнишь, всё пофиг. Ему пенсия почётная грозит. Жалоба поступила, надо разобраться. Пойдёшь со мной? Конечно, это всё ничем не закончится, но если ты ему ситуацию объяснишь, так мы и без лишних бумагомараний обойдёмся.

– Лен, конечно пойду. У меня с утра плановая, полчаса плюс-минус... Заговорим – успокоим старину Гаврилыча.

– Сейчас, кофе выпьем и пойдём.

– А палку всё-таки не перегибай. Кнут тем и хорош, что изредка. Они к твоим воплям уже привыкли, но быстрее, чем могут, не побегут. Да и где им учиться накладывать эти щипцы? Это только у Булгакова так хорошо поворот по Додерляйну [55] получился, а в жизни всё несколько иначе.

– Петь... Ты б завязывал уже с этой своей Анечкой. Хотя бы на рабочем месте, – вдруг сменила тему начмед.

– Само завяжется рано или поздно. Тебе ли не знать. А что на рабочем месте – извини. Она меня очень видеть хотела. Не домой же мне её к жене и детям везти, и не к ней – где папа моложе меня, япона мама. А для гостиниц, Лен, я уже стар. У меня в незнакомом месте может не получиться. – Он улыбнулся.

– Всё шуточки шутишь. Вот зачем она тебе, объясни? Тебе сто лет в обед, а она вчера со школьной скамьи. У тебя уже, страшно сказать, внуки. А жене твоей каково?

– Вот единственное, что мне от тебя в этой жизни не было и никогда не будет нужно, так это лекций на предмет морали и нравственности, Лен. Когда-то тебе на наличие жены и двоих пусть не внуков, а детей было начхать с высокой колокольни. Так что не изображала бы ты заботу о том, кому каково.

– Но ты же меня любил тогда, а тут?

– Я вообще женщин любил. И люблю. И жену. И тебя. И эту Анечку. Вообще – всех.

– Иди ты к чёрту. С совокуплениями на работе, Петь, завязывай. Все и так в курсе, а ты всё-таки заведующий.

– Докурила? Кофе допила? Пошли, к Алексею Гавриловичу сходим, объяснимся, а потом работать. Совокупляюсь я, как ты изволила выразиться, в свободное от работы время и, заметь, именно благодаря этому всегда вовремя оказываюсь в нужном рабочем месте.

– Бе-бе-бе! – показала язык заведующему родильно-операционным блоком заместитель главного врача по акушерству и гинекологии, врач высшей квалификационной категории, кандидат медицинских наук Елена Николаевна Ситникова.

– Дура ты, Ленка, как есть дура! – нежно ответил ей заслуженный деятель науки и техники Пётр Александрович Зильберман.

Они познакомились очень давно. В том самом родильном доме, где при помощи акушерских щипцов появился на свет в начале семидесятых по общепринятому летоисчислению плод доношенный мужского пола Евгений Иванович Иванов.

Пётр Александрович был старшим ординатором, а потом и заведующим обсервацией, а Елена Николаевна только пришла после института. Как и любому еврею, ему очень нравились классические славянки. И, как любой еврей, он уже был женат на еврейке и уже успел произвести на свет двоих

еврейских мальчиков. Однако, как водится, вышеизложенные обстоятельства не помешали ему воспылать нешуточной страстью к Елене Ситниковой. Ей же и вовсе ничего не мешало разгореться в ответ.

Он даже поставил в известность жену. И предложил Елене руку и сердце в дополнение к уже имеющемуся в её распоряжении в любое удобное и желаемое для неё время органу. Но она отказала. И сделала аборт, не поставив его в известность о факте наличия беременности. Но медицинский мир так тесен. Вскоре ему стало известно о факте прерывания. Естественно, не от неё, а «по секрету всему свету».

«Дай мне силы изменить то, что я могу изменить, дай мне силы принять то, что я изменить не могу, и мудрость отличить одно от другого».

У Лены не было сил принять тот факт, что у него всегда будут двое не её детей, и не хватило мудрости понять, что и третий был бы им любим не меньше. Если не больше. Третья. Он всегда хотел девочку. Он до сих пор полагал, что это была именно девочка. Классически красивая славянка, черт бы побрал сионские фрагменты ДНК, отвечающие за широкобедность и волоокость.

Испарив из реторты романтику и душераздирающие подробности, в сухом остатке получим следующее: Пётр Александрович обучил Елену Николаевну акушерско-гинекологическому ремеслу (а ученицей она оказалась талантливой) и никогда не поминал старое (не забывая его). Через три года их пути разошлись. Елена Николаевна, закончив спецклиноординатуру, уехала не то в Эфиопию, не то в Алжир, спасать африканских женщин, освобождённых социализмом от французских колонизаторов, из пучин высокой материнской и детской смертности и прочего мракобесия. Вышла замуж, развелась. Вышла замуж, развелась –2. Так и не родила ребёнка, потому что некогда. Пётр продолжал жить с женой, проглотившей (но не переварившей) его роман, в меру любимыми детьми и работать, дав себе слово больше никогда не влюбляться в: а) славянок; б) учениц и особенно в) учениц-славянок. Его дело – женщинам помогать, а не ломать их судьбы. Будучи человеком последовательным, он даже посетил какую-то освобождённую страну с долгосрочным рабочим визитом подальше от Африки, на всякий случай. Кажется, это была Индия. Там не было не только Лены, но и гарантированно никаких славянок, зато полным-полно абсолютно безопасных широкобедрых и волооких, вечно нуждающихся в помощи. В том числе – акушерской.

А много лет спустя они встретились. В свежестроенной многопрофильной клинической больнице с пятиэтажным, отдельно стоящим корпусом новенького родильного дома. Лену кто-то из министерства – не то подруга, не то текущий любовник – директивно протезировали на должность заместителя главного врача по акушерству и гинекологии, как грамотного специалиста и железного администратора. Кандидатуру Петра Александровича рекомендовали на

должность заведующего операционно-родильным блоком, как одного из самых стоящих специалистов современности, что правда, не терпящего бумажные и прочие аспекты административной работы. Главный врач прикинул и нашёл подобный тандем идеальным.

«Я встретил вас и всё былое» случается только в классических русских романах. Пётр же и Елена были просто очень рады встретиться безо всяких «былого и дум». У него были к тому моменту уже почти взрослые сыновья, а у неё – текущая большая любовь – моложе лет на десять, не отягощённая анамнезом и функционально озабоченная, что не могло не сказаться на здоровье – выглядела Лена отменно. Со всей мощью своего рационального ума, конвертируя чью-то страсть в акции компаний по производству кремов от морщин. Что ж, в рациональной любви тоже нет ничего плохого – если вторая половина под стать. Дай бог ему здоровья.

Жена Петра Александровича несколько нервно отнеслась ко «второму пришествию» Елены Ситниковой в жизнь Петра Зильбермана. И при случае не упускала возможности помучиться фантомными болями. А уж если волею официальных поводов Пётр Александрович с супругой оказывались в одной компании с Еленой Николаевной и её сожителем, то последующая за официальным вечером ночь для Петра оказывалась испорченной. Нет, он не скандалил и не курил на кухне «одну за одной», ибо скандален не был от природы и не курил вовсе. Просто она мешала ему спать звуком выпиливания оживляющих узоров по давно зарубцевавшейся ткани. Не спал и думал об Анечке. О её классической славянской красоте, естественной девичьей непосредственности, о порывистости и об отсутствии, во всяком случае пока, корысти. Ей льстила его любовь. Его привязанность. Его зависимость. А он любил её, как можно любить только дочь. Плюс бонусы от поправок на некровное родство. Странная, странная связь.

Елена Николаевна осталась «средней женой», лишённой ворчливости «старшей», но не без удовольствия задиравшая его привязанность к «младшей», хотя и попустительствовала, закрывая глаза на множество обстоятельств. К примеру, на то, что акушерке, едва закончившей медицинское училище, самое место за столом приёмного покоя, с ручкой, сантиметром, тонометром и тазомером, а не в физиологическом родзале около инструментария, промежностей и новорождённых, требующих опыта и квалифицированных навыков.

– Страшна жизнь еврея, любящего славянок и живущего в каком-то гротескно-сатирическом подобии шариата, – любил он ляпнуть за рюмкой коньяка в компании Поляковой и Некопаева. – Не будь я так мудр, что давно положил даже на гипотетическую возможность анализа, я бы тронулся рассудком.

– Вы просто старый развратник, Пётр Александрович! – смеялась Полякова.

– Называть меня «старым развратником» только потому, что я люблю женщин,

Машенька, всё равно, что нарекать тебя «блядью» исключительно потому, что тебе нравится быть любимой даже теми мужчинами, кто не любим тобой. Но то, что я старый развратник, а ты – блядь, тоже верно. Правда – всегда одна, но с различных точек зрения она визуально различна. Можно говорить, что Зильберман старый развратник, а Полякова – блядь, и это лишь точка зрения. Зильберман – мужчина, а Полякова – женщина. И это тоже лишь точка зрения. А сама правда стоит себе эдакой присыпанной песком пирамидкой в пустыне представлений о ней и являет собой просто пирамиду. И эта пирамида знает, что Пётр Александрович по сути своей мужской – отец, а Мария Сергеевна по природе своей женской – дочь. И никакая точка зрения, никакая песчаная буря не изменят знания пирамиды о себе самой.

– А кто я по сути своей мужской? – мог вклиниться в разговор Некопаев.

– Ты, Виталик, по сути своей – всего лишь человек, – говорил Зильберман и разливал коньяк по рюмкам.

– Любите вы туману напустить, Пётр Александрович! – усмеялся Виталик.

– Нет никакого тумана, друг мой, сплошная ясность за забором до горизонта без конца...

– ... Околожизненным измором лукавый зверь берёт ловца. Сиюминутное «не надо» преобразуется в «прости». Я трепетно слежу за взглядом – нам никогда не по пути, [56] – подхватывала Маша.

– Ангел! Вот, видишь? На лету ловит, – смеялся Пётр Александрович. – Так что всё ясно, Виталик. Я – ангел, Полякова – ангел, Ситникова наша истерическая – ангел. Потому что мы воины. А ты, Анечка моя, жёны наши, множество и множество прочих – просто люди. Человеки. Это не лучше и не хуже. Просто ангелы – это ангелы, а люди – это люди. Ангелы сражаются, а люди – живут, не замечая сражений. Ангелы – в потоке, они открыты и, следовательно, ранимы. Их бессмертие – бесконечный путь на Голгофу, а не человеческие комиксы о супергероях. Люди склонны называть то, что по сути своей всегда всего лишь битва, «чередой событий», «обстоятельствами», «отношениями», «плохой погодой». И в этом кардинальное отличие ангелов от людей. Что для первых выигранная или проигранная схватка, для вторых – заведомо провальная игра с судьбой в «повезло – не повезло» на фоне умалишенной надежды. Так что, по сути, мы одинаковы, не смотри, что у нас за спиной крылья шуршат, а у вас всего лишь лопатки чешутся.

– Вечно вы смеётесь, Пётр Александрович.

– Ну, если бы ещё и ангелы заплакали, людям бы совсем стало неловко. Лучше выпьем, мои разные по сути, но такие прекрасные друзья.

– Выпьем, Пётр Александрович. За что? – поддерживала своего учителя Полякова.

– За прогрессивную дружбу ангелов и людей, тонко чувствующая моя Мария Сергеевна.

- Шуты вы оба, а не ангелы, – бурчал себе под нос Виталик.
- Пожалуй, – соглашался Пётр Александрович. – И как любые штатные, по должности, шуты, мы не любим внештатных, по призванию, дураков.
- Подумать только, никто никогда не думает, что вы говорите серьёзно, Пётр Александрович.
- Никто не думает, Полякова. Но ангелы просто знают. А люди – нет.
- Пётр Александрович, а можно задать вам глубоко личный и не менее идиотский вопрос?
- Валяй, моя любимая ученица.
- А о чём вы говорите с Анечкой?
- Ни о чём. Ангелу не о чем говорить с человеком, а то последний поломаётся или просто остановится – как будильник – и не прозвенит вовремя. Видишь, как наш друг человек-Некопаев пыхтит? Потому что эта игрушка тебе, Полякова, в очередной раз не нужна и не дорога. А мне Анечка нужна и дорога, пока сама не решит иначе. Ангелы никогда ничего не решают – они всего лишь войны. Конечно, иногда ангелу выдают другого ангела. А он возьми да и окажись из другого рода войск... Да не слушайте хмельного смертного старика, друзья мои. Вы же знаете...

– ...Родовспоможению предшествует душеподготовка! – хором заканчивали Полякова и Некопаев известные высказывания Зильбермана, давно ставшие афоризмами в этом – и не только – лечебном учреждении.

– Да. И это обстоятельство накладывает отпечаток на тех, кто родился сам, но часть его осталась там, в «пирамиде». И конечно же на тех, кто любит поболтать. – Он улыбался фирменной своей улыбкой, и на мгновение становилось так хорошо, будто... будто ангел пролетел.

* * *

Наступивший день был для Женьки нелёгким. Сначала он сходил с Петром Александровичем в операционную на плановое кесарево сечение.

- А кто будет первым ассистентом?
- Ты и будешь.
- Но я только один раз на кесаревом был. Сегодня ночью.
- О! Так ты крупный специалист! Уже хирургом можешь, а спрашиваешь, кто будет первым ассистентом.
- Пётр Александрович лишние руки в ране не любит, – любезным тоном прокомментировала операционная сестра.
- Да, Евгений Иванович, чем больше в групповухе сачкуешь, тем лучше истинным участникам процесса. Хотя настоящему хирургу всё равно, сколько ассистентов – он ото всех отобьётся. Потому что главная задача ассистента какая?
- Помогать.
- Неправильный ответ. Главная задача ассистента – не мешать! Накрывай

операционное поле.

Операция кесарева сечения в исполнении Зильбермана была куда как спокойнее, чем то же действие во главе с Бойцовым. Причём вхождение в брюшную полость в данном случае было повторное, более сложное, чем на ненарушенную анатомию «ночной» отслойки. Движения Петра Александровича были плавными, размеренными, более точными и быстрыми, чем суматошные нервные метания Игоря Анатольевича. Зильберман молча и неагрессивно резал, промокал кровь, накладывал зажимы, вскрывал матку, не фиксируясь на Женькиных руках. Тот, в свою очередь, успокоенный доброжелательной деловой атмосферой, не демонстрировал излишнюю готовность к действию, просто держал зеркало и выполнял то, что указывал ему хирург, – идеальная моментальная равнодушная машина. Как могло показаться только неопытному. Опытный же знал, что за скоростью отточенных механических на вид движений стоял недюжинный талант не только врачебный, но и человеческий, помноженный на десятилетия практики.

На четвертой минуте плод был извлечён.

– Видишь? Так вот это называется «родился».

– Да, мне Игорь Анатольевич уже объяснил, что, как бы мы ни поддавали и ни извлекали, в протоколе плод рождается в рану.

– Игорь молодец! Он гений правильно написанных историй родов.

– Хотя это мало похоже на рождение.

– Ты, Евгений Иванович, пока слишком мало рождений видел, чтобы судить, что на что похоже. Это ещё похоже. Кстати, если тебе приходится прыгать на животе роженицы, как на батуте или, тьфу-тьфу-тьфу, прибегать к давно отменённому бинту Вербова, [57] это значит, что цена тебе, как повитухе, ноль без палочки. Хочешь, скажу, где Полякова живет? Ну-ну-ну, ты мне ещё тут чувств от счастья лишишь!

Женька не собирался лишаться чувств, просто от неожиданности выпустил из рук скользкую окровавленную нить.

– Даже если при исполнении за твоей спиной раздастся взрыв, ты должен закончить дело. Ты и Полякова – самое оно, не будь я старый сводник и большой специалист в деле не только родовспоможения, но и душеподготовки. Чего уши развесили?! – Последняя фраза предназначалась для бригады. – Не насплетничали ещё доктору?

– Не успели, Пётр Александрович, – добродушно сказал анестезиолог. Другой. Не ночной. – Но мы обязательно насплетничаем, как только выйдем из операционной.

– Обязательно, Сергей Алексеевич! И покаверзнее сплетничайте. Хотя опыт подсказывает мне, что молодому человеку всё равно. Видишь? Это называется спаечный процесс. Одна ткань липнет к другой, и разлепиться они уже не в силах. И кровообращение нарушается, и проходимость, но ткани намертво

спаяны, и разнять их невозможно. Только рассечь. Кто-то до нас постарался. Инфекция, кривые руки, индивидуальные особенности и всё такое прочее. Только настоящему врачу это всего лишь усложнение алгоритма. Не более. У этой девочки анамнез воистину мученический.

Женька не понял, о какой «девочке» говорит Пётр Александрович. О той ли, что лежит сейчас на столе, или о той, что, наверное, лежит у себя в кровати, отдыхая после дежурства. И у себя ли в кровати? Одна ли?

– Поэтому будь терпелив, Евгений Иванович. Ну-с, что нам скажет Вадим Георгиевич? – обратился Пётр Александрович к неонатологу, не дав Женьке рта раскрыть в уточняющем вопросе.

– Всё хорошо, Пётр Александрович. На этаж.

– Вот и отлично. Видишь, Евгений Иванович? Несмотря на тяжёлый анамнез, рубец на матке и экстракорпоральное оплодотворение, ребёнок нашей дамы отправляется на этаж. И, полагаю, сутки на восьмидесятые выпишется домой вместе с мамой и всё у них будет прекрасно. Дренаж.

Операционная сестра подала полиэтиленовую трубку.

– Зачем, Пётр Александрович, там же сухо?

– Вот и отлично. И если там, как ты изволил выразиться, и дальше будет сухо, то мы извлечём дренаж и зашьём наглухо. Лучше на последующие сутки наложить один шов, чем вскрывать всё по новой повторно. Конечно, надо в полной уверенности ушивать всё и всегда послойно наглухо, хотя что-то, наверное опыт, подсказывает мне, что в данном случае отделяемое будет и не надо нагружать рассасыванием и без того поросшее спайками нутро, пусть себе экссудат наружу истекает. Антибиотики?

– Всё, как положено, – ответил анестезиолог.

– В послеоперационных назначениях, Евгений Иванович, распишите пристойную антибиотикотерапию.

Работа с ним наполняла спокойной решительностью и безоговорочной уверенностью в результате со знаком плюс.

После Женька всё записал, сходил на обход – по пятницам был обход заведующего, а это означало, что все ординаторы и средний персонал носились из палаты в палату за Петром Александровичем. Затем Женька присутствовал на осмотре начмедом ответственных беременных в патологии. Смотрел, слушал, писал. Смотрел, слушал, писал. Смотрел, слушал, писал. Но когда, наконец, Пётр Александрович пригласил его выпить кофе к себе в кабинет, то не успел и чайник закипеть, как раздался телефонный звонок, срочно требующий Петра Александровича Зильбермана в приёмный покой главного корпуса.

– Вот такая это, Евгений Иванович, профессия – бабскую планиду разруливать. Пошли, посмотрим, что там. Что-то...

– Наверное, опыт... – успел вставить Женька.

– ...Подсказывает мне, что Елена Николаевна просто так меня не позовёт. С гинекологией любой сложности она в лёгкую сама справляется обычно. Так что отложим кофе с коньяком до завершения консилиума по поводу необычного.

В смотровой приёмного покоя главного корпуса переговаривались между собой участники весьма маститого «вече». Здесь были и заведующий гастрохирургией, и один из самых сильных реаниматологов. На каталке лежала девушка в полубессознательном состоянии. Вернее – в спутанном состоянии сознания, что значительно хуже.

– Доставили из ЦРБ. [58] Криминальный аборт – всё-таки, в позднем сроке. Подружки приволокли в приёмное и смотались. Даже не на «скорой». Анамнеза толкового нет. Дефанс. [59] Шок. Внутреннее кровотечение. Там пока разобрались что к чему, уже клиническая картина гнойного сепсиса налицо. Они, вместо того чтобы на месте лечить, сюда привезли. А мы что? Мы отказать не можем. Ещё раз транспортировать – она не переживёт. Да и куда дальше транспортировать? Мы оказываем все виды квалифицированной и специализированной помощи...

Растерянный молодой дежурный врач что-то говорил скорее самому себе. Елена Николаевна спросила:

– Начмед по хирургии в курсе?

– В курсе, – ответил гастрохирург. – Что делать будем?

– При такой картине токсического шока оперировать... А если не оперировать, то...

– В общем, это ваш профиль, Елена Николаевна, вам и принимать решение. Хирурги тут вторичны.

– Пётр Александрович? – посмотрела она на Зильбермана.

– Разворачивайте ургентную операционную. Тут мозга нет. Если до сих пор жива. Если консервативно будем вести – точно помрёт. Лет сколько?

– Двадцать два.

– Сердечная деятельность? – обратился он к реаниматологу.

– Терпимо для таких клинико-лабораторных показателей.

– Василий Петрович, помоешься? – повернулся Пётр Александрович к заведующему хирургией.

– Куда я денусь.

– Петь, ты пойдёшь? – тихо и, как показалось Женьке, благодарно уточнила Елена Николаевна.

– Да. Ты тоже мойся, ассистентом. Где мой интерн?

– Я здесь, Пётр Александрович.

– Давай, Евгений Иванович. Наряжайся и смотри. Такую бригаду увидишь нечасто.

– Петь, нижнесрединным доступом? [60]

– Да. Не хватит – расширимся.

Операция длилась около трёх часов. Давно Женька не наблюдал такой сосредоточенности. В течение первого часа врачи лишь обменивались короткими репликами друг с другом и операционной сестрой. Анестезистки что-то бесконечно лили в подключичку. [61] В тазики, в качестве макропрепаратов, отправились безжизненные зловонные куски белесоватой гноящейся плоти, что прежде были беременной маткой, не так давно живым плодом и участками кишечника. Врачи священнодействовали, без лишних слов понимая друг друга. Резали, промывали, сшивали, задавая короткие конкретные вопросы. Кто-то куда-то бегал, доставляя в операционную новые флаконы растворов, антибиотиков и бог знает чего ещё...

В какой-то момент Женьке даже показалось, что он утрачивает ясность восприятия. Слишком много всего за сутки. Пожалуй, больше, чем за всю его предыдущую жизнь. Количество неизведанного совершило качественный скачок, и за двадцать с небольшим часов вчерашний парень Женька окончательно стал мужчиной во всех смыслах, вдохнув слоновью дозу мирового эфира. Вкусил, но ещё не познал, не осмыслил. Да разве можно и, главное, нужно ли осмыслять всё это?

Девочку Леночку, что не хотела кесарева, женщину, что «на сносях», поругавшуюся с мужем и выбежавшую в ночь без документов и денег, и, не случись сердобольных прохожих, она могла лишиться ребёнка, а то и вовсе истечь кровью на заплёванной остановке... Множество новых людей со своими историями. Глупую двадцатидвухлетнюю девчонку, что умирала (или выживала?) сейчас на столе. Петра Александровича, того, как оказалось, кто помог ему прийти в этот мир, и Марию Сергеевну... Машу... ради которой, он был уверен, в этот мир и пришёл... Он вдруг почувствовал себя древним, как Имхотеп, [62] и резвым, как новорождённый козлёнок.

Никому не дано знать, когда его постигнет откровение. Никому не дано постигать откровение дольше, чем оно длится. И никто никогда не сможет описать длительность откровения, силу откровения и алгоритм постижения откровения. Откровение не начинается и не заканчивается. Оно – суть включение Сына по просьбе Отца в Дух, что именуется Миром.

Окунувшись в откровение, человек становится посвящённым. И кто сказал, что для этого надо нырять в бассейн с крокодилами или проходить сквозь звёздные врата? И можем ли мы знать, что есть наш персональный бассейн с крокодилами и наши персональные звёздные врата? Поток Мира един. Бесконечен. Мы – конечны. Пока мы люди. Но мы не всегда были ими. И не всегда будем ими. И бесконечная часть нас всегда внутри Духа.

Иным обстоятельства позволяют вспомнить себя Миром ещё при жизни тела. Но до прочих этого не донести, как не передать самыми совершенными словами и самой прекрасной картиной мощь и совершенство водопада, тишину и красоту ночной степи и те несколько мгновений блаженства, что, лишь

синхронизируясь, делают мужчину и женщину богоравными. Откровения нельзя осмыслять. Их можно только переживать...

– Всем спасибо! – традиционно завершил Пётр Александрович оперативный марафон. – В реанимацию, естественно. С личным постом. И регулярным посещением ответственного дежурного акушера-гинеколога и ответственного дежурного хирурга. Историю...

– Я сама напишу! – перебила его Елена Николаевна. – Тут сложный протокол, сейчас с Василием Петровичем согласуем его часть. И вообще, не до интернов. Высокая степень риска... Они думают, тут мёдом намазано, в акушерстве этом. – Елена Николаевна приходила в себя.

– Лен, не срывайся на парне. Давай ещё персональную ответственность за грехи всего человечества на него сейчас повесим. Или, вон, на санитарку.

– Сажать бы всех этих, и кто делает, и кому делают.

– И это уже проходили. Кто сам без греха... Короче, всё, Елена Николаевна. Просто работаем. Просто работаем. Просто акушеры-гинекологи. Просто начмед. Просто рутина. Просто профессия. Просто ремесло... Всё, Лен. Всё, я сказал!

* * *

– Ну что, субординатор Елена Николаевна Ситникова, прерывания в позднем сроке будем учиться делать? Увы и ах, это часть нашей работы. Все акушеры, согласно хорошему учению, придуманному индусами, в следующих жизнях будут земноводными именно за такие дела. Но лично я считаю, что раз уж искусственное прерывание беременности в позднем сроке существует, то лучше выполнять его в условиях стационара, а не в сарайчике у знахарки бабы Глаши из Усть-Перепердяйска.

– Будем, Пётр Александрович. – Она откровенно кокетничала с ним, эта юная красавица.

Лена действительно красива. И не только. Она сногшибательно эффектна, даже в обычном белом халате. А уж как она была хороша в застиранной залатанно-заштопанной больничной пижаме... Высокая стройная блондинка с миндалевидными глазами, меняющими цвет и глубину в зависимости от погоды, настроения и платья – от бездны бесконечно-серого до небес бескрайне-бирюзовых. Ревматологи называют это достаточно распространённое в популяции представителей белой расы чудо света довольно прозаично: «радужка коллагенового типа».

Ещё у Елены Николаевны была матовая кожа того нежно-бежевого оттенка, что оставило во фрагментах ДНК татаро-монгольское иго – истинные славянки никогда не бывают выбеленными, как обезжиренное молоко. Они сливочные, как масло, томно-туманные, как летний грибной рассвет средней полосы, и неистовые, как сполохи заполярного заката. «Твоё либидо, безусловно, поэтически одарено, Петя Зильберман, – усмехнулся он про себя, – о доме

думать надо!»

С тех пор как Лена Ситникова появилась здесь, о доме думать почему-то не получалось. Дома была заботливая жена, чьи даже нечаянные прикосновения вызывали не больше чувств, чем случайные столкновения с чужими телами в вагоне метро, – в спектре от безразличия до глухого раздражения. А сама мысль о необходимости исполнения супружеского долга с широкобедрой и стремительно рыхлевшей спутницей жизни вызывала отнюдь не ментальные, а вполне ощутимые симптоматически желудочные спазмы. Лена же Ситникова, только проходя мимо, увлекала за собой всё – мысли, чувства и меняла направление тока крови. И он с упорством, достойным первых христианских мучеников, отгонял от себя видения геенны райской – томительную бесконечность предвидения совокупления с тоненькой, мальчишески хрупкой Леночкой, будь она уже благословенна!

« Мне кажется, что для врача самое лучшее – позаботиться о способности предвидения . В самом деле, когда он будет предугадывать и предсказывать у больных и настоящее, и прошедшее, и будущее, и всё то, что больные опускают при своём рассказе, то, конечно, ему будут верить, что он больше знает дела больных, так что с большей доверчивостью люди будут решаться вручать себя врачу» . [63]

«Сосредоточься, идиот! Ключевые слова – „больные“, „врач“. Только их касается твоё предвидение. И у тебя двое малолетних детей, скотина!» Мантра не спасала. Немного выручал плотно накрахмаленный не в меру заботливой женой халат. Не будь его, взорам персонала и пациенток открылся бы вечно направленный на Лену Ситникову, будь она же проклята, всепредвидящий вектор мужской сущности.

– Так! Значит, пишем историю, заполняем акты, собираем подписи. Главного врача, начмеда, заведующего отделением, то есть мою, и конечно же твою. Учись, субординатор, подписывать юридические документы. Держи. – Он передал Леночке тоненькую карточку из медико-санитарной части хлебзавода.

– Анна Петровна Романова, двадцать два года, техник-технолог хлебобулочного цеха, не замужем. Беременность первая, двадцать две – двадцать три недели. Прерывание в позднем сроке по медицинским показаниям. Лихо. А где же она раньше была, эта Анна-техник с царской фамилией? Она прошляпила, а мы детоубийством занимайся?

– Елена Николаевна, это у тебя юношеский максимализм пока в одном месте играет, хотя бабы к бабам и с возрастом редко добрее становятся. В жизни, Лена, всякое случается. И, надеюсь, как минимум ты свою профессию в сознании выбирала. А тут всякое – и смех, и слёзы, и любовь. И ненависть. И невинная кровь. И, слава богам, наконец подобные Анны законно могут обращаться за помощью в лечебное учреждение, а не к умелицам со спицей и мыльным раствором. Вы, женщины, уязвимы. Вам в уши нашепчешь чепухи, а

вы и рады ноги раздвинуть поскорее.

– Да? – Она взглянула на него так, что...

– Лена! Я тебя прошу! Если ты ещё раз на меня так посмотришь, я изнасилую тебя прямо в ординаторской.

– А кто сказал, что это будет насилие? – тихо спросила она.

Раздался спасительный стук в дверь. Вслед, не дожидаясь разрешения, в ординаторскую боязливо протиснулась хорошенькая, простоватая на вид девушка.

– Я извиняюсь... – неловко начала она.

Образованную Лену передёрнуло.

– Доктора, там девочке в моей палате плохо. Ну, в смысле не плохо, а, похоже, началось. Рожает она.

– Ну, за две минуты не родит. Скажи ей, пусть идёт в смотровую, сейчас поглядим.

– И это... Я ещё спросить хотела. Я с ней в одной палате лежу. Только я не рожать, а на искусственные роды. А когда будет это... Процедура. Это быстро? Не больно?

– Романова? – строго спросила её Елена Николаевна.

– Да... – еле слышно сказала та и побагровела.

– Роды искусственными не бывают. Они бывают преступными, неосмотрительными, глупыми, вызываемыми, но искусственными они не бывают. Мы, с вашего согласия и горячего желания, убиваем вполне уже жизнеспособного ребёнка. Главная сволочь – вы, но и мы соучастники убийства. Идите в палату и ждите! Вам скажут, – жёстко кинула ей молоденькая субординатор.

– Аня, вы не волнуйтесь. Сегодня в первой половине дня всё сделаем. Это не очень быстро и немного действительно похоже на роды. Приятных ощущений не гарантирую, но и слишком больно не будет, – мягко сказал Пётр Александрович.

– Спасибо! – Та благодарно посмотрела на него и, смерив Лену неприязненным взглядом, громко хлопнула дверью.

– Не с того, Лена, начинаешь. Не с того. Зло порождает зло. Ненависть порождает ненависть. Будь она детоубийцей, клятвопреступницей и чёрт знает кем – для тебя она пациентка. Не можешь быть доброй и рождать добро, будь терпимой. Я не прошу тебя сострадать и жалеть и, упаси боже, примеривать на себя чужую боль. Я лишь хочу напомнить тебе, что никто не свят, и требую, на правах твоего непосредственного руководителя, корректного отношения к пациенткам. Придерживайся этики и деонтологии, если ты решила стать акушером-гинекологом. Или, пока не поздно, – в патологоанатомы. Отдохновенным телам проповеди читать.

Лена было надулась, но он взял её за руки и нежно поцеловал в губы. Это был

скорее отеческий, нежели страстный поцелуй, но исполненный такой мужской силы, такого очищающего от скверны импульса, что ей захотелось заплакать от внезапно нахлынувшего раскаяния.

– Ну-ну-ну! Из огня да в полымя. Ровнее, девушка, ровнее. Ваша порывистость прекрасна для женщины, но совсем не Леночка Иванова, чьё имя, фамилия и история родов сохранились в архивах лечебного учреждения, но никак не в памяти врачей, была осмотрена и переведена в родзал с диагнозом: «Беременность первая, 39–40 недель, продольное положение, головное предлежание, первая позиция, передний вид. Миопия высокой степени с изменениями сосудов глазного дна. Роды I срочные, первый период». Рекомендовано (по результатам совместного осмотра офтальмолога и акушера-гинеколога) второй период родов исключить.

Леночка Иванова не слишком боялась страшного слова «щипцы». Отслойки сетчатки она боялась куда больше – плохая генетика по материнской линии. Что было по отцовской – история, так любимая Леночкиным «производителем», не сохранила. Мама не могла вспомнить, в очках была её мимолетная страсть, столь результативно завершившаяся с первого и последнего же раза, или смотрела на мир без помощи диоптрий. Она помнила лишь то, что Леночкин биологический отец был совершенно красив. Высокий широкоплечий обладатель густых блестящих волос, славянских, несколько тронутых «татарщиной», черт лица. Ничего более конкретного она не могла (или не хотела) вспоминать. Лишь иногда, в редкие часы женского отчаяния, характерным признаком которого является жестокое издевательство над самыми близкими, она выговаривала Леночке, своей единственной горячо любимой дочери, отчего та – такая дура – не могла утуть и лицом в столь совершенного внешне самца. Пеняла ей, что уже на этапе внутриутробного развития Леночка была законченной тютей, не способной к борьбе за лучшее, и обречена подбирать лишь то, что не подошло другим. Более жизнеспособным. Более ярким. Более удачливым. Леночка жалела маму, и вместо развития в себе бойцовских качеств – как-то: ответных обвинений, хлопанья дверьми и прочей борьбы за справедливость – лишь гладила её по голове и ещё глубже зарывалась в спасительные книги, полные любви, красоты, нежности и сокрушительных в своей неизбежности побед добра над злом. Хотя этим больше ухудшала своё и без того не идеальное зрение. Каким был её, Леночкин, одноразовый сексуальный партнёр, мать так никогда и не узнала. Леночка была не настолько глупа, чтобы делиться с ней. Ибо тем для плача на кухне и так было более чем достаточно.

– Нет-нет-нет! Ну что ты, мамочка! Ты совершенно не виновата! Это всё я. Я же на самом деле такая – обычная серая мышь в огромных очках, невысокая, с тремя перьями неясного цвета на голове, толстыми щиколотками и нашим семейным задом добротного, но неизящного, покроя. Кроме того, у меня

потеют ладони, даже когда я прошу передать мелочь на билет. Если на меня смотрят, я краснею. Танцевать не умею. И пары слов не могу связать в компании. Вот на меня никто никогда и не обратит внимания всерьёз, ты сама это прекрасно знаешь и твоей вины тут нет, – совершенно искренне говорила Леночка, с содроганием вспоминая, как мама водила её на танцы, где у всех-всех-всех девочек всё-превсё получалось.

И у Аллочки получалось, и у Танечки, и у Светочки. И только Леночкина мама вынуждена была стыдиться своей дочери на отчётных утренниках. То повернётся не в ту сторону, а то и вовсе расплечется и напрочь откажется выходить на сцену. Как же маме было неловко потом идти мимо этих горделивых надутых гусынь – Аллочкиных, Танечкиных и Светочкиных мам. Особенно когда тех – о, ужас! – поджидали законные мужья с цветами для «своих девочек».

– Так что мою беременность можно считать большой удачей, мама. – Леночка давно не глядя подписывала все бумаги, предъявляемые матушкиной совестью почему-то именно ей, родной дочери.

Мама, получив очередную индульгенцию, начинала снова неистово любить своё дитя, некоторое время не сравнивая, не скорбя и почти радуясь жизни. Пока, например, не посещала ГУМ с приятельницей. Там выкидывали дефицитные сарафанчики, но куда же Леночке с её фигурой? Совсем другое дело, дочке приятельницы – «как на неё шили», и так далее.

Леночкина мама не была закомплексованной неудачницей. Скажи ей кто такое, она бы не только возмутилась вслух, но и сильно бы удивилась про себя.

Потому что жизнь её была достаточно ровна и успешна, и даже ровнее и успешнее, чем у многих других. Не самая плохая квартира почти в историческом центре города. Работа, пусть не высокооплачиваемая, зато престижная – главная библиотека страны.

Порой академик являлся смиренным просителем, а уж по искусству разыскать нужный манускрипт Леночкиной маме не было равных. Иногда она под свою личную ответственность, в страшное нарушение всех правил, выдавала редкие книги «на вынос» давно известным «заслуженным» абонентам. Те, в благодарность, одаривали её дефицитными продуктами, хрустальными бокалами, милыми сувенирами из научных «загранок», билетами в театры и прочими приятными подношениями. Особой женской страстностью и потребностью в мужских ласках господь её изначально не наделил, а уж со временем и за ненадобностью эта функция в Леночкиной маме и вовсе атрофировалась.

Её больше интересовала жизнь интеллектуальная и духовная, нежели чувственно-плотская. Тепло, светло, книгами шкафы набиты в два ряда, холодильник полон, дочь – отличница, чего ещё желать женщине? Ничего. Не существует на всем белом свете ничего такого, чего ещё могла бы желать

женщина, абсолютно равнодушная к счастью. Есть люди, равнодушные к Парижу лишь по факту того, что ни разу там не были. Встречаются особи, совершенно индифферентные к шуму океанского прибоя исключительно на том основании, что они его никогда не слышали. Так можно ли обвинять женщину в том, что она была счастлива незнанием счастья?

Леночка же теперь стала абсолютно законченно счастлива. Своей беременностью. И родами – как апогеем. Она ощущала себя Богом Творящим. И ей было совершенно неважно, что люди в белом решили исключить неведомый ей пока «потужной» неизвестными ей «щипцами». Это было так же для неё не важно, как человек – биологический отец её ребёнка. Мало ли что сподвигло бога на создание этого мира. Главное – что мир был создан и не было больше «тьмы над бездною». И мир этот был женским. По образу и подобию своему она создавала девочку, чтобы та «владычествовала над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле». [65] Она была уверена в том, что это девочка.

Не было у Леночки Ивановой, в отличие от Лены Ситниковой, лепившей себя из глины мужской – отцовской, мальчишеской или юношеской – любви, иного образа и подобия. Отцы, мальчишки, подростки, юноши, мужчины были ей так же неизвестны, как строителям пирамид вентиляционные системы в их современном виде. Имхотеп создал куда более совершенную систему воздухопроводов безо всяких алюминиевых, цинковых и прочих цветно-металлических труб, и уж тем более без всяких кнопок, тыкание в которые приводит к направленному движению электронов.

Девочки, на её, Леночки Ивановой, не тронутое мужской инвазией мироощущение, были более совершенной, единственно возможной, естественно натуральной формой существования белковых тел в этом мире. Сам же межполовой экзерсис, крайне неприятный и суетливый, она восприняла с рассудочностью прораба, расписавшегося в накладной о доставке арматуры для фундамента. В отличие от мамы, Леночка даже на время не влюбилась. Какой там. Она имени случайного донора спермы не знала. К тому же он был иностранец накануне отъезда на родину – есть свои прелести на факультете иностранных языков. И белый, слава романо-германским, галльским и скандинавским богам! Рассказать такое матушке?.. Увольте!

Ультразвуковое «предвидение» было ещё не общедоступно, и «начинающая богиня» Леночка пребывала в полной уверенности в сотворении себе подобной.

Но божество, ответственное за эмбриогенез, распорядилось иначе. Стоит ли искать в этом скрытый «вольтеровский» смысл? [66] Если вы не умеете читать чертежи, то гармония пространства предстанет перед вами хаосом линий. Если вы не умеете читать, то ясное и простое слово будет увидено вами, как ряд таинственных знаков. Если вы не умеете, то или учитесь, или не тратьте зря

время Учителя.

– Как ты себя чувствуешь? – Пётр Александрович положил руку на тугую, напряжённый в произвольном сокращении гладкой маточной мускулатуры, живот Леночки Ивановой.

– Больно!

– Человеку телесному больно приходиться в этот мир. Человеку телесному больно быть проводником в этот мир. Человеку телесному больно быть вместилищем этого мира. Пока есть тело – телу больно.

– Очень больно! И тошнит!

– «Очень» – это не нестерпимо. А нестерпимой боли не бывает. «Нестерпимой» боли тело не чувствует, потому что «отключается» от чувствительности на время или навсегда. Пока больно – терпимо. Тошнит, потому что канал открывается. Родовой канал. Толчки, каналы. Бесконечные каналы. При стремительных пространственно-временных перемещениях всегда тошнит. Потому что законы гравитации начинают своё тягостное действие там, где начинается плоть. Плоть к плоти. Но мы сейчас уколём тебе спазмолитик. Отличное изобретение. Он расширит сосуды, и тебе станет немного легче находиться в собственном теле. А ещё лучше – ходи. Просто ходи. Лежать – значит подчиняться законам земного притяжения. Подчиняться рабски. Не можешь летать – хотя бы ходи.

– Пётр Александрович, когда вы держите руку на животе, становится легче...

– О, да. Я сам по себе ходячий спазмолитик. – Он улыбнулся. – Но, к сожалению, я не могу просидеть около тебя всё время родов, как бы я этого ни хотел.

Пётр Александрович вынул из кармана халата деревянную трубку, приложил её к животу и замер на несколько мгновений. Потом позвал акушерку, что-то сказал ей, та набрала шприц и, дождавшись окончания очередной схватки, ловко ввела Леночке в вену тёплый живительный коктейль. Действительно, стало намного легче.

– Ну, девочки, рожайте понемногу. Я скоро вернусь.

Русоволосый ладный доктор вышел из родзала, оставив после себя удивительный светящийся, быстро рассеявшийся свет.

«Показалось... Близорукость. И лекарства», – отмахнулась от странного ощущения, воспитанная в лучших традициях кондового марксистско-ленинского материализма советская студентка Леночка Иванова.

* * *

– Вот что, Евгений Иванович. За двое суток всему научиться невозможно, а вот сломаться – запросто. Писарей у меня хватает, так что давай, дуй отсюда. Адрес Поляковой в журнале резервных доноров. Там же телефон. Но знаешь что? Не звони. Она дома. В лучшем случае – одна. В ещё лучшем – у неё гости. Тем быстрее расставятся точки над «і». – Пётр Александрович был против

обыкновения очень серьёзен. – А я устал немного. Посплю, пока есть возможность.

– До свидания, Пётр Александрович. И спасибо.

– Не за что.

– Есть за что. Вы верите в любовь с первого взгляда?

– Дурак ты, Евгений Иванович. Стал бы я... Впрочем, достаточно! Идите, молодой человек. Идите, не сворачивая. Всё в ваших руках. Мудрость – главное оружие воина. А она – бесполо, как апрельский ирис в пустыне, что скрывает пирамиду от глаз смертных. Всё. До завтра.

Женька спустился в подвал, в раздевалку для интернов, – тесное, заваленное старой мебелью затхлое помещение между вечной лужей и дырой перехода в главный корпус. Ученики – сродни послушникам. Никто и никогда не будет создавать им комфортные бытовые условия. Честно говоря, врачебная раздевалка особо не отличалась от ученической. Она и врачебной-то не была. Раздевалка персонала.

И санитарки, и акушерки, и медсестры, и врачи меняли цивильную одежду на ритуальные белые халаты и разноцветные пижамы в похожем, чуть большем помещении, где плотными рядами стояли пеналы, разной степени перекошенности, похожие на детсадовские шкафчики, только без ёжиков и клубничек. На большинстве висели замочки. Там, в призрачной недоступности, находилось личное пространство, куда на время работы укладывались верхняя одежда, уличная обувь, головные уборы и не только. Туда же летела всё ещё студенческая сумка-баул Чуприненкова. С ней он после дежурства нёсся на рынок, закупать картошку и прочую нехитрую провизию. Давно сидел «на приколе» ритуальный плюшевый зверь-оберег Поляковой. Здесь же прятал спасительную поллитру анестезиолог Потапов.

Во врачебных шкафчиках почти всегда можно обнаружить «запасную» маску, бахилы, зачатки вечно дефицитной бумаги формата А-4, клей-карандаш, разнофасонные шариковые ручки, иногда протекавшие, в лучшем случае, на рабочую одежду, в худшем – на дорогостоящие, как правило новые, джинсы; руководство по акушерским кровотечениям и последний приказ Минздрава, размноженный для изучения, но так ни разу и не прочитанный. И если в тёплые времена года в шкафчиках ещё удавалось навести хоть какой-нибудь порядок, то в холодный период, весьма длительный в наших широтах, аккуратистами оставались единицы. Рано или поздно смирялся любой и накануне закрытия родильного дома на плановую помывку просто-напросто выгребал из шкафчика всё. Или не выгребал. Чтобы, вернувшись после отпуска, обнаружить покрытую штукатурной пылью бумагу, флазелиновый чепчик с запахом шпатлёвки и пачку памперсов из гуманитарной помощи, выпрошенной у старшей медсестры детского отделения для новорождённого племянника, уже месяц тому научившегося проситься на горшок.

Официальным правом переоблачаться более-менее цивилизованно обладали лишь главврачи и начмеды – у них были собственные кабинеты, удалённые от лечебно-диагностических отделений. Негласно в своих же кабинетах, расположенных непосредственно под юрисдикцией санитарно-эпидемиологического режима, раздевались и заведующие.

В любую погоду шумно топал в свою почти домашнюю нору, хаотично заваленную бумагами, книгами и дипломами, Бойцов. Вешал мокрую от снега куртку прямо за холодильник – у него у единственного стоял всегда полный личный персональный рефрижератор, где запотевшая бутылка водки соседствовала с флаконом плазмы.

Напевая, изящно мягко проникал на территорию родильно-операционного блока Зильберман в элегантном шерстяном пальто на монолитной норковой подкладке. Там, как раз напротив родзала «номер два», и находился его кабинет. Там, посреди эстетского, хорошо продуманного беспорядка опытного сибарита, он по-кошачьи пластично менял мягкие туфли на бесшумные тапки. Стягивал брюки, попутно наливая неперенные утренние пятьдесят грамм хорошего коньяка, подмигивая развешанным на стенах стильным фотографиям и картинам, лично презентованным весьма известными современными художниками. И, оставаясь в трусах и рубашке, поднимал бокал «в мир» – в сторону окна, – выпивал, знаменуя начало рабочего дня.

Деловито шагал в стильной кожаной куртке через патологию беременности в помещение центра экстренной и неотложной помощи Некопаев. Незаметно проскальзывал через коридорчик реанимации новорождённых в свой игрушечный кабинетик «детский» заведующий.

Главная акушерка и старшие отделений также пользовались этим негласным правом – в отличие от врачей пусть даже высших категорий, у них были свои кабинеты. Это было не привилегией, а необходимостью. Кабинеты хозяек среднего персонала представляли собой хранилища не только документации, но и медикаментов. Они были лицами материально ответственными, и радости в их и без того несладкие жизни это не добавляло.

Врач же, попытавшийся проникнуть в ординаторскую в верхней одежде, был бы не только пристыжен, а и нелеп – ни переодеться, ни хранить что-нибудь в ординаторской возможности не было. Ординаторская – помещение, полное столов и телефонов (иногда – шкафов, стендов, плакатов), была местом проходным. В любое время туда без малейшего намека на стук входили и выходили. И не только врачи и персонал, но и беременные, роженицы, родильницы самых разнообразных настроений и душевных состояний – от благодарно-возвышенных до раздражённо-ненавистных.

Последних почему-то всегда было больше. Видимо, спокойное состояние в компании не нуждается. Также в ординаторскую имели доступ не в меру ретивые родственники, не дождавшиеся врача в приёмном покое или решившие

заглянуть на минутку, раз уж они тут, чтобы спросить: «Глаше можно кушать?» или «Зачем Варе колют антибиотики? Это же вредно!» Согласитесь, скакать на одной ноге с полуобнажённым задом, приветствуя коллег и отвечая на вопросы страждущих, не очень удобно. Потому что врачу пристало «... прилично держать себя чисто, иметь хорошую одежду и натираться благоухающими мазями, ибо всё это обыкновенно приятно для больных» . [67] Вот врачи и держали всё своё в подвальных тумбочках, там же хранили одежду и «благовония».

Иногда, в моменты наибольшего скопления тел, спешащих в разные стороны, запахи дешёвых дезодорантов и дорогих духов, смешиваясь с запахом пота и намертво въевшихся в кожу давно работающих в стационаре дезрастворов, создавали совершенно фантазмагорический обонятельный коктейль, отдельные компоненты которого не вычислил бы самый опытный «нюхач», как не выплывет даже марафонец, переплывший Берингов пролив, из цунами. А также скакали на одной ноге, приветствуя друг друга и интеллигентно отворачиваясь от пожилой старшей родзальной Семёновны с её трусами, из которых Поляковой можно было бы сшить халат.

Сама же Семёновна, нимало не смущаясь молодых мужчин и женщин, грузно сев на полумёртвый стул, каждый раз агонизирующий, истошно скрипящий под ней, любила делать замечания, неспешно надевая допотопные добротные нитяные колготы:

– Полякова, даже если нету сисек, женщина должна носить лифчик, а то вон у Александрыча гномики в трусах палатку ставят.

– Марьсемённа, вы полагаете, прикрой Полякова срам какой-нибудь изящной штучкой, гномики бы заленились? – смеялся анестезиолог, натягивая зелёные штаны.

– Тьфу на вас, бесстыдники! – деланно сердилась акушерка.

– Ну да, она тут расселась, комментирует, а бесстыдники – мы, – добродушно ворчала Маша.

– Мария Сергеевна, в моём возрасте я даже голая не вызову никакого желания, кроме как пойти и повеситься.

– Да ладно вам, вы ещё очень даже ничего! – Потапов всегда был вежлив с дамами любого возраста и носившими бельё любого фасона. – Наверное, в возрасте Поляковой вы были ого-го и разбили не одно мужское сердце, не говоря уже о... «гномиках». Ей наверняка даже не мечтать о таком успехе!

– Да ну тебя, Серёжка, – отмахивалась довольная Семёновна. – В возрасте Поляковой у меня уже было двое детей и муж-пьяница. Это она у нас финтифлюшка, никак не обзаведётся.

– Да я, Марьсемённа, никак не могу приличного пьяницу разыскать, – улыбалась Маша в ответ.

Эти маленькие глупые диалоги на самом деле привносили элемент чуть ли не

семейной сплочённости в их жизни, такие разные за стенами роддома. Что знает о работе «в команде» и о «тимбилдинге» юная поросль менеджеров, читающая Филиппа Котлера и его последователей? Что тогда-то надо улыбнуться, а тогда-то – посмотреть в глаза? Поставить себя вот так, а представить – вот эдак? Невозможно предать того, с кем ты стоял у одного операционного стола, у истекающего кровью тела, с кем ты шутил, прыгая на одной ноге, путаясь в залатанной пижаме. Можно обидеть. Можно обидеться. Поскандалить, помириться, полюбить, разлюбить. Предать – невозможно. Если это называется «работа в команде», тогда море можно смело именовать просто «клоханью с солёной водой».

Женька собрался переодеться, но вспомнил, что он уже почти двое суток в роддоме. Ему безумно хотелось видеть Машу. Просто оказаться рядом, не отягощённым конкретными целями или планом действия. Но принести с собой на кончиках пальцев флюиды экстирпации матки, резекции кишечника и прочих стигм лекарского ремесла означало бы разбавить «запах женщины» [68] привкусом коллеги. Как бочку мёда – ложкой дёгтя. Может, идя к ней, и стоило бы взять плеть, [69] но энергию, сгенерированную в нём urgentным оперблоком главного корпуса, – точно не стоило брать с собой. У неё наверняка достаточно собственных, впитанных «излучений». Ему остро захотелось постоять под струями воды – и чем мощнее и прохладнее, тем лучше.

Вода – сакральная субстанция мира. И не только потому, что смывает пот и грязь, она – универсальный адсорбент ненужного, лишнего, привнесённого извне. Являясь носителем информации, она же помогает избавляться от её излишков...

Жалкая пародия на «сень струй», что старчески отрыгнулась из смесителя санкомнаты оперблока, явно не дотягивала до статуса «источника жизни». И ведь не обманешь детей в том, что касается чуда. Только продуманный, и можно даже сказать ожидаемый, алгоритм приводит к венцу чайний. Поэтому душ следовало принять неспешно, терпеливо и в правильном месте. А «правильные» места, как известно, лежат в стороне от троп, коими мы бродим повседневно. Посему домой за «водою живою» Женька не направил свои стопы. Собрав свои вещи и не переодеваясь, отправился в главный корпус, в отделение физиотерапии. Там его неплохо знали ещё со студенческих времён и вряд ли отказали в такой малости, как жестокая обильная очищающая вода.

Ему повезло – всю кочегарила сауна «для сотрудников». Так что Женька, намеренно сдерживая свой порыв – быстрее бежать по адресу, – нарочито правильно, медленно попарился, в очередной раз вызвав серией отжиманий на верхней полке парной восторги окружения. Тётя Аня даром слова на ветер о физкультуре не бросала – это она в своё время записывала Женьку подряд во все спортивные секции. А позже он и сам втянулся. Полузапрещённое каратэ, полуподвальный культуризм, полузамёрзшая полынья в парковом пруду и все

прелести фитнеса начала «развала-передела». Слов таких, правда, ещё не слыхивали на советских просторах, так что ногами размахивали и «железо» тягали без особых идеологий – сами по себе, и сами для себя. А дань моде платили единственно тогда доступным способом – драками. И оставшиеся стоять – ещё твёрже упирались ногами в землю, молча оценивая красоту происходящего.

Лично себя Женя Иванов красивым не считал. И если совсем уж откровенно – не считал, не писал и не говорил. Но мама Леночка, тётя Аня и особенно бабушка восторженно ахали и подобострастно охали, предвещая ему груды разбитых женских сердец. Женька был высок, широкоплеч. Фигура у него была идеальная, как в силу природных качеств, так и благодаря физическим нагрузкам. Бабушка, глядя его по роскошным густым волосам (хотя голову он мыл обычным хозяйственным мылом, а стригся в ближайшей парикмахерской за углом) и вглядываясь в славянские, несколько тронутые «татарщиной», черты лица, отчего-то плакала. Дамы и правда дарили его вниманием. Иногда даже слишком назойливо, вспомнить хотя бы преподавательницу с кафедры нормальной анатомии, чуть не изнасиловавшую прекрасного, как античный бог, первокурсника... Ну, не стоит – о дамах или хорошо, или ничего – таков был Женькин принцип. Он был действительно привлекателен и не понимал женского ажиотажа вокруг своей персоны. Видел, оценивал, но не понимал и не пользовался. Его куда больше привлекал собственный внутренний мир, хотя и от жизненных удовольствий он при случае не отказывался. Из чего можно заключить, что в садах его чувственности не хлестали осенние ветры надрыва – в отличие от Маши Поляковой, – а был лишь голый функционализм, не лишённый эстетства и положенного протоколами джентльменства, позволявший ему до сих пор, что называется, выходить сухим из воды. Ещё у него была анафилактическая реакция на любую попытку затащить его в ЗАГС или каким-либо другим образом «усерьезнить» отношения. Говоря по правде, своими домашними женщинами он пользовался порой, как щитом. Если не в меру резвая постельная партнёрша пыталась спуститься с галёрки в партер, он тотчас знакомил её с семьёй.

Одной порции коктейля из молчаливо поджатых губ мамы Лены и пламенных отвязных речей тётки Анны обычно хватало для того, чтобы дамочка успокаивалась, посчитав Женьку маменькиным сынком. А заодно бабушкиным и тётушкиным. Самцовая хитрость, увы, присутствовала. Даже бог, не говоря уже об ангелах, в чём-то – просто обычные мужчины. Иначе как выжить среди обычных женщин, когда уже не так совершенны небо и земля и всё воинство их ? [70]

* * *

– « Жене сказал: умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рождать детей... » Знаете ли вы, Елена Николаевна, откуда

это? – спросил Пётр Александрович Зильберман у молоденькой ординатора Елены Николаевны Ситниковой.

– По всей видимости, из Библии.

– Вы совершенно правы. А если быть точным – из Первой Книги Моисеевой Ветхого Завета, глава вторая, начало стиха шестнадцатого. Но комсомольцам не пристало читать такие книги, не правда ли?

– А разве вы не атеист, Пётр Александрович?

– Что ты имеешь в виду? – Он прищурился. – Если традиционное понимание атеизма, как ментально-мировоззренческой установки, программно альтернативной теизму, то есть основанного на отрицании наличия трансцендентного миру начала бытия, однако объективно изоморфного ему в гештальтно-семантическом отношении...

– Чего?!!!

– Издеваюсь, Лена, издеваюсь. Цитирую тебе философский словарь. Разве ты не изучала на первом курсе философию?

– Изучала. Марксистско-ленинскую. У нас её вел маленький, жутко недовольный окружающим миром аскет-интеллектуал-алкоголик, ставивший зачёты лишь по факту полного ничтожества всех, кроме него. Включая ничтожество самой философии.

– Кстати, с последним утверждением я спорить не буду... Ну, так вот, если под моим личным атеизмом ты понимаешь отрицание существования бога, каких-либо сверхъестественных существ или сил, то я не атеист. Ибо силы эти – вот они. Здесь и сейчас пронзают всё и вся этого мира. И лишь о небольшой части оных современная наука слагает смешные по сути сонеты. Если же форму отрицания религиозных представлений и культа – то да, я атеист. Но в хорошем, как мне кажется, прогрессивном смысле. Я отрицаю навязанное, надуманное, но принимаю к сведению ясное, даже добытое из-под покрыва тайного. А что касается Библии, я люблю мистерии. И Библия – один из лучших её образчиков. А любая мистерия – есть лишь утверждение самоценности бытия бесконечного мира. Самоутверждения. Не для того, чтобы не забыть, а скорее для поддержания порядка и дисциплины. Впрочем, ладно... Я тебе, как атеист атеисту, скажу: «Бог с ними, с мистериями, философиями, религиями, а также пустословием на эти темы». У нас с тобой есть куда более прозаическое занятие – сделать Анне Романовой заливку. [71] Если ты обязуешься вести себя корректно, я позволю тебе выполнить процедуру под моим чутким руководством.

– Обязуюсь. Я не скажу ей ни слова!

– Слова, Елена Николаевна, как раз придётся говорить. И слова эти не должны быть ни грубыми, ни хлесткими, ни раздражёнными, ни раздражающими. Слова эти должны быть корректными, успокаивающими, поясняющими и проясняющими. И не только в данном конкретном случае, а всегда. Запомнила?

– Запомнила! – зло сказала она, и Пётр Александрович понял, что Лена Ситникова никогда не будет ни корректной, ни спокойной, ни проясняющей.

Её своевольный характер всегда останется при ней и там, где другого буду ценить по факту всего лишь слова доброго, Елене Николаевне придётся быть в разы профессиональнее многих, стоящих у раскрывающихся каналов и принимающих изгнанных в этот мир. Что-то – наверное, всё же не опыт, а дар предвидения – подсказывало ему, что именно так всё и будет с этим сверхъестественно женственным существом.

Простоватая на вид, округлая от природы и состояния, как те самые булочки, которые она выпекала, девушка Аня взобралась на кресло в процедурном кабинете и, похоже, решила быть мужественной. Этой характера тоже явно было не занимать. Она не дёрнулась, когда не совсем ещё умелые руки Елены Николаевны вставили два больших лопатообразных зеркала – книзу и кверху – в то самое место, что воспето и унижено, возвышено и оболгано, хотя ни в чём само по себе не виновато.

Она не ойкнула, когда всё та же Елена Николаевна нечаянно («Я надеюсь, ты это случайно?») – тихо шепнул ей Пётр Александрович), но быстро исправив, защёлкнула пулевые щипцы на одно деление больше, чем было надо, на верхней губе шейки матки. А затем, хладнокровно-профессионально промокнув ватно-марлевым тампоном выступившую из отёчной ранимой слизистой кровь, приступила к выполнению процедуры. По желобоватому зонду ввела в канал шейки матки иглу, проткнула плодный пузырь, присоединила к игле шприц, втянула в него равное неделям гестации количество околоплодных вод, отсоединила шприц, присоединила последующий с гипертоническим раствором. Ввела. Удалила иглу и зонд, последовательно сняла щипцы, извлекла зеркала, обработала влагалище дезраствором.

– Всё. Сейчас вас переложат на каталку и отвезут в палату. В течение нескольких часов начнется родовая деятельность. Если захочется «по большому», зовите акушерку или меня. Ни в коем случае не идите в туалет и не тужьтесь, сидя на унитаза. Не ешьте.

Не успели за увозимой пациенткой закрыться двери, как Лена громким шёпотом сказала Петру Александровичу:

– Будем надеяться, что он родится мёртвым и акушерке не придётся его топить в ведре.

– Лена, зачем?

– Что, зачем?

– Зачем ты это делаешь? Так нельзя, Лена.

– Да она не слышала!

– Слышала. И ты прекрасно знаешь это, потому что сказала лишь для того, чтобы эта несчастная девочка услышала. Лена, иногда врач должен быть жёстким, но никогда! – никогда! – он не смеет быть жестоким. Побойся бога,

какой бы атеисткой ты ни была.

– Чёрт с ней. И с тобой, если не веришь, что я не специально.

– Я не верю. Я знаю, что ты нарочно. И я не понимаю зачем? Во имя идеи? Тебе претит детоубийство? Мне тоже. Мы просто работаем. Просто акушеры-гинекологи. Просто рутина. Просто профессия. Просто ремесло... Всё, Лен. Всё, я сказал!

– Пойду, покурю! – Ситникова разозлилась на себя. Но никогда бы никому в этом не призналась.

– Иди, покури. Потом приходи в родзал. Там – обратная сторона медали. Надеюсь, со временем ты поймёшь, что и сторон-то нет. Нет добра и зла, света и тьмы, и особенно нет преступления на девочке Ане и карающего меча у тебя в руках. Есть щелчок, раскручивающий плоскости в объём, включающий в себя всё.

Леночка Иванова, чьё имя, фамилия и история родов сохранились в архивах лечебного учреждения, но никак не в памяти врачей, спокойно прошла весь первый период родов, именуемый «периодом раскрытия». Второй же период – «период изгнания» ей пройти помогли. Помог Пётр...

Шок от внезапности сотворения немного иного, незапланированного, мира прошёл моментально. До родов Леночка Иванова даже представить себе не могла, как это – мальчик? Что это – мальчик? Сейчас же она была так счастлива, что родился именно мальчик. Мальчик! Мужчина!!! Она создала мужчину! Она, серая мышь, не умеющая двигаться и говорить, лишь не приметно передвигаться, молча, на бумаге, переводить тексты с одного языка на другой, создала совершенно новую форму жизни – не подобную ей, бесподобную, мужскую! Да она переплюнула Творца – ей даже ничьё ребро не понадобилось. Она сотворила его из себя. Из своего тела. Сотворила и создаст для него, её мальчика, Рай! О плодах древа познания добра и зла, воткнутого ироничным господом нашим всемогущим прямо посреди эдемского сада, Леночка Иванова в тот момент как-то и не вспомнила.

Зато на следующий день она вспомнила о соседке по палате – Анне, однофамилице последней русской императрицы.

– А что с девочкой, что лежала со мной в палате? Романовой? – спросила она у акушерки, которая обрабатывала ей швы на промежности.

– Не знаю. Я только смену приняла. Родила, наверное. Все рано или поздно рожают.

– Ей искусственные роды должны были вызывать.

– А, эта... Кто она тебе, родственница, подруга?

– Просто соседка по палате. Вчера и познакомились. У меня схватки начались, она доктора позвала.

– Нормально всё с твоей соседкой. В палате интенсивной терапии она.

– Где?

– В реанимации. Кровопотеря большая была. Но, как любит говорить один наш доцент: «Лучше без матки на Красной площади, чем с маткой – на кладбище». Жить и любить будет. Рожать и менструировать – уже нет.

– А что случилось?

Акушерка опомнилась, что сболтнула лишнего.

– Кровотечение вроде, – строго сказала она. – Точнее у доктора спросишь. Мне некогда. – И добавила, закончив обработку: – Что в родзале сказали, помнишь? Денёк-другой кефир, «по большому» – после клизмы. Швы снимать Пётр Александрович пораньше любит.

– Откуда вы знаете, что Петр Александрович роды принимал?

– Ну, во-первых, он вчера был ответственным дежурным, а во-вторых, кроме него, никто эпизиотомию в обе стороны не делает.

– Чего не делает?

– Промежность на немецкий крест не разрезает. – Вроде бы зловещую неуместную шутку медработница произнесла умилительно. – Говорит, что это только днём у главных врат пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к древу жизни. [72] А ближе к пяти, под утро, когда херувим крепко спит, всегда найдётся сторож с ключом, путь к древу жизни открывающий. В общем, многие считают, что он немного не от мира сего. А я тебе говорю, что он отличный крепкий земной мужик с чувством юмора, с женой, двумя детьми, да ещё и влюблённый.

– В жену? – уточнила Леночка.

– Говорю же тебе – влюблённый. Где ты видела мужика, влюблённого в жену?

– Да я вообще мужиков немного видела, – усмехнулась Леночка.

– Я поняла, – хмыкнула дама в белом халате. – Да и на фиг они нужны? Зато ребёнок теперь есть. У Романовой твоей теперь вот ни мужика, ни ребёнка. Кого родила-то?

– Мальчика, – гордо сказала Леночка.

– А хотела кого?

– Мальчика и хотела... – уверенно ответила та и, как ей самой показалось, не солгала.

– В общем, главное для тебя и твоего мальчика, что Зильберман специалист, каких мало. Так что повезло тебе, Иванова.

Средний персонал не утруждал себя «выканьем», но Леночка не обижалась. «Тыканье» было уместным, делая отношения «персонал—пациентка» немного домашними.

С врачом Леночка поговорила, уверив, что интересуется лишь потому, что у соседки по палате нет никого, кто бы позаботился о ней. И он отчего-то, в нарушение деонтологии, рассказал, что случилось. Выяснилось, что у Анны Романовой оказалась редчайшая патология – истинное приращение плаценты. [73] Сделай она аборт вовремя – до двенадцати недель, – всё было бы

нормально. А в случае искусственных родов, исключительно по механизму своего вызывания и преследуемым целям, называемых искусственными, но никак не по биомеханизмам происходящего во время и после, всё уже гораздо сложнее. После рождения плода – с этим у Анны всё прошло нормально, и акушерка, куда более опытная и равнодушная, чем начинающая горячая врач Ситникова, молча приняла мёртвый, убитый внутриутробно растворами плод, незаметно положила его в почечный лоток, и опытная же санитарка молча и незаметно вынесла его куда надо.

Послед не отделился ни через пять минут, ни через пятнадцать. Через двадцать пять акушерка позвала Петра Александровича. Потому что вместо признаков отделения последа присутствовали все признаки нарастающего гипотонического маточного кровотечения. [74] Был вызван анестезиолог. Ни ручные, ни инструментальные манипуляции эффекта не дали.

Было принято решение выполнить лапаротомию [75] и с тактикой определиться интраоперационно. Предварительный диагноз – плотное прикрепление – сменился диагнозом: «приращение». Единственно возможное лечение в этом случае одно – хирургическое: удаление матки. Никак иначе это кровотечение не остановить. Иначе – женщина истечёт кровью. Диагноз позже был подтверждён гистологически.

Откуда у Анны Романовой, двадцати двух лет от роду, ни разу в жизни не делавшей аборт и начавшей половую жизнь ровно за двадцать две недели до описываемых событий, появились дистрофические изменения в слизистой оболочке матки? Это же противоречит единым нормам анатомии и физиологии человека!

А я утверждаю, что если бы человек был единое, то он никогда не болел бы, ибо, раз он единое, ему не от чего будет болеть. А если даже и будет болеть, то необходимо, чтобы и исцеляющее средство было единым. А между тем их много, так как много есть в теле таких вещей, которые, действуя друг на друга против природы, разогреваются или охлаждаются, высушиваются или увлажняются и производят через это болезни. [76]

– Мы можем гадать как и что, задавать пустые вопросы в пространство, чтобы так и не дожидаться ответов. Можем страдать в сослагательном наклонении, мол, вот доноси твоя соседка беременность, и был бы ребёнок. А смысл потрясать крохотной погрешкой отчаяния над равнодушной громадой бездны? Когда есть неоспоримые бытийные факты – она жива и вскоре будет здорова.

– И что, у неё никогда-никогда не будет детей? – в отчаянном ужасе прошептала Леночка, ещё не отошедшая от эйфории ощущений богоравности сотворения и жаждущая счастья всему человечеству.

– Если ты имеешь в виду под «детьми» некие биологические, генетически подобные «производителю» сущности, то в обозримом будущем у неё их не

будет. Возможно, когда-нибудь медицинская наука придёт и к этому.

– Но это же ужасно!

– Кто тебе сказал? Почему ты решила, что счастье женщины в детях?

– Ну, я так чувствую. Сейчас.

– Умница. Хорошо формулируешь. Но ключевые слова нашей жизни отнюдь не «чувствую» и «сейчас». А «знаю» и «всегда». Я, например, знаю, что Ане Романовой, как и любому из нас, всегда приятна конкретная, пусть и малая, забота, а не вселенская огромная скорбь. Через два дня ей захочется чего-то большего, чем больничный стол номер ноль, и что-то более вкусненькое и домашнее, чем жидкая манная каша. А родственников и даже друзей, которые бы о ней волновались и заботились, у неё нет. Что скажешь?

– Да-да! Вы правы! Конечно же. Вот я глупая.

– Ты не глупая, Леночка Иванова. Ты – просто обычный человек. Обычный хороший человек. А вот Анна Романова очень даже ангел. Быть может, и хранитель, не смотри, что у неё нет крыльев и обращающегося огненного меча.

Всё-таки он был очень удивительный и странный, этот доктор Пётр.

– Мама, тут девочка со мной лежала. Ей матку удалили. Она из деревни, работает на хлебзаводе, живёт в общежитии. Мать её ничего не знает. Принесёшь на её долю бульона куриного и чего-нибудь ещё, а?

Леночкина мама, навсегда переименованная в Бабушку, несмотря на всё то, что стороннему наблюдателю могло показаться недостатками, обладала целым рядом исключительно женских, или скорее даже, человеческих достоинств. Люди, в конце концов, не так уж плохи. Это даже Бог признал. Не буду больше проклинать землю за человека, потому что помышление сердца человеческого – зло от юности его; не буду больше поражать всего живущего, как Я сделал. [77] А уж если Господь покаялся... Когда Леночка рассказала матери об Анне Романовой, решение было принято моментально – после выписки девочка отправляется к ним погостить на какое-то время, чтобы «прийти в себя».

Анна задержалась у них на несколько лет. Бабушка прописала её в квартире, заставила заочно поступить в Технологический институт («Не вечно же тебе в техниках-технологах прозябать!»). Характер у Анны был ужасный, на язык она была невоздержанна, но она одна уравнивала не в меру сентиментальных, не совсем приспособленных к жизни вообще и, тем более, к жизни с младенцем, дам. Пока бабушка и мама Лена в панике выискивали в справочниках признаки несомненно смертельных заболеваний и вызывали «скорую», тётя Аня уже ставила клизму, растирала водкой и убаюкивала самым древним тупым эффективным способом – ношением на руках. Пока они спорили, что «из классики» поставить младенцу Евгению для успокоения и развития музыкального вкуса, тётя Аня трусила его чуть ли не вверх тормашки и пела сомнительного эстетического достоинства частушку: «Самолёт летит, мотор работает, в кабине поп сидит, картошку лопают» – и Женька весь

рассыпался в смешливом, уже обаятельном агуканье. В три года он прямо в самое сердце поразил созванных на его день рождения академических, библиографических и романо-германских дам стихотворным опусом, произнесённым с табуретки чистым искренним проникновенным голосом:

Кудри вьются, кудри вьются, кудри вьются у блядей!

Отчего они не вьются у порядочных людей?

Оттого что у людей денег нет на бигудей,

Потому что эти люди тратят деньги на блядей!

Тётя Аня так хохотала под аккомпанемент бабушкиных оправданий: «Боже! Я же только вчера читала ему замечательные стихи Заболоцкого!», что все за столом помимо воли начали улыбаться, хихикать и вообще ужасно развеселились, не пойми почему. И стали обсуждать «а что есть красота» не в самых, прямо скажем, академических выражениях. А ещё все поголовно с высшим образованием!

– С тоски с вами сдохнешь! – любила говаривать тётя Аня, слушая заумные беседы мамы Леночки с бабушкой на предмет Женькиного воспитания или содержания последнего номера «Нового мира».

Те в ответ лишь благодарно улыбались. Женечка и Анна наполняли дом жизнью. Последняя – ещё запахом и вкусом свежего хлеба в виде мягчайших невесомых булочек, бубликов, рогаликов, кренделей, пончиков, батонов, «круглых» и «кирпичей». А также дефицитным овсяным печеньем, «лимонными дольками», гречневой крупой, туфлями-лодочками, итальянскими зимними сапогами, французскими духами, «статусными» по тем временам книгами – дефицитнейшим собранием сочинений Жюль Верна и («О боже, где ты это достала?!») томами Жоржа Сименона и Агаты Кристи, которые сама никогда не читала, а также детскими колготами не только старушечьего цвета.

Позже она получила квартиру от завода и съехала. С жилплощади, но не от них. Она часто приезжала в гости, иногда оставаясь ночевать – места в трёхкомнатной «сталинке», доставшейся бабушке от героического отца, хватало. Брала Женьку к себе, в куда менее помпезную, но добротную кунцевскую новостройку «подышать воздухом», если только не была погружена в пучину очередного романа.

А однажды, движимая совершенно иррациональным, но мощным, как атомный взрыв, импульсом, сорвалась с работы прямо в халате, не переобувшись, схватив из сумки лишь ключи от квартиры своих родственников-друзей. И застала восьмилетнего Женьку, с интересом и без страха наблюдающего за разгорающимся на ковре костром. Мама Лена была на службе в бюро переводчиков ТАСС, а бабушка решила выйти в магазин ненадолго и встретила старую приятельницу. Мальчик обиделся на маму Леночку. Прочитав писанину сына, она мимоходом заметила: «Ну, тоже мне пробы пера!» и, взяв ненавистную ему красную ручку, быстренько исправила единственно верные

неповторимые рифмы на классические, правильно-размерные. Он решил сжечь свои творения, раз они недоступны пониманию глупого мира. И себя заодно, раз он не понят, не нужен, не оценен.

– Что случилось?! – закричала бабушка, появившаяся на пороге спустя час, увидав неурочно материализовавшуюся в квартире Анну в рабочем халате и тревожно принюхиваясь к запаху дыма.

– Случилось то, что вы – тупые пёзды, – мрачно ответила Анна, уже весьма хмельная от принятой водки, хранившейся в этом доме для неё же, помахав у носа бабушки мокрой тряпкой. – Сперва насрали человеку в душу, а потом оставили одного. Да не просто человеку, а мужику! Мужику с генами «поджигателя».

– О чём ты говоришь?! Где Женечка?! – Бабушка выронила сумки и начала сползать по дверному косяку.

Огня она боялась более всего на этом свете. И на том. Парадоксально, но Ад ей, не верящей ни во что после смерти, представлялся почти классически: огненным замкнутым пространством, полным заживо полыхающих человеческих тел, что хотят, но никак не могут отойти в небытие. В бабушкином Аду люди горели от горя, а не за грехи.

– Не вздумай тут свалиться в инфаркте! Собственноручно добыю, чтоб не мучилась. Он у себя в комнате. Жив-здоров. Я его оценила. Ремнём по жопе. Так что мысли о вселенской несправедливости его временно оставили, уступив место почёсыванию задницы. Лучший способ излечения от боли душевной – боль физическая, уж поверь мне. Сейчас твоя дочь приедет, я ей позвонила. Запрёмся на кухне – я вас буду оценивать по матушке, а после лекцию по прикладной педагогике читать, курам безмозглым.

Надо ли говорить, что Анна, и до того любимая этим семейством, стала после «эпизода пожаротушения» [78] для них, прожжённых, простите за неуместность аллюзии, атеистов, если не богом, то как минимум объектом религиозного культа и неистового языческого поклонения.

Они на неё молились. Она их хранила. Особенно в смутные времена, неизбежно наступившие вслед за развалом аббревиатурной империи. Пока бабушка и мама Леночка экзальтированно цитировали стихи о посещении сего мира «в его минуты роковые», тётя Аня доставала еду, стиральный порошок, занималась приватизацией жилья и удачно использовала внезапно открывшиеся возможности приобретения в собственность, акционирования и прочие, недоступные пониманию бабушки и мамы Леночки.

Она же нашла маме Леночке новую работу, потому что относительно стабильное, хотя и прежде никому не нужное, дело перевода материалов съездов и пленумов на иностранные языки с 9.00 до 18.00 умерло естественной смертью. В гиды Леночка Иванова не годилась, в силу врождённого дефекта коммуникативных способностей. А вот переводить ранее неведомую

инострannую литературу в тиши собственной комнаты – самое оно. К тому моменту, как Женя закончил институт, фамилия его матушки была напечатана во многих и многих книгах мелкими буквами: «Перевод с... Е. Ивановой».

Мама Леночка с утра до ночи стучала по клавишам, обложенная всевозможными словарями, записками и заметками. Мир французских и английских современных детективов захватил её. Да и оплачивался достойно.

Бабушка тихо доживала свой век, всё больше погружаясь в мир снов, уютно шуршащих страницами памяти.

Тётка Анна жила ярко и бесшабашно, сочетая бездушный доходный бизнес, страстную, полную радостей и разочарований безысходную личную жизнь и нежнейшую одухотворенную любовь к своей единственной родне – бабушке, маме Леночке и Женьке.

* * *

Женька вышел из отделения физиотерапии обновлённый, как земля к первому дню первого месяца шестисот первого года. [79] Со спокойным знанием того, что всё будет... Нет – даже не так. Что всё уже есть.

Он поступил по-мужски банально – и кто скажет, что это плохо? – купил бутылку хорошего виски, букет ирисов (перекур с анестезиологом был весьма информативен), некоторый пул провизии и отправился по известному адресу. Ведомый волной необычной внутренней ясности, он по геодезической [80] протаранил город насквозь, ни на мгновение не заплутав во дворах, интуитивно зашёл в подъезд и, не задумываясь, поднялся на нужный этаж. Время было позднее – стрелка приближалась к девяти.

«Она уже должна была выспаться...»

Дверь открыл... Некопаев. Впрочем, Евгений Иванович знал и это.

– О, интерн! Привет. Заходи. У нас тут как раз дружеские посиделки с видом на субботу. Потому что, как говорит твой учитель Зильберман, – Виталик наморщил лоб, – наблюдай день субботний, чтобы свято хранить его, как заповедал тебе Господь, Бог твой. [81]

– Вообще-то это сказал не Пётр Александрович, а Моисей. Вернее – ретранслировал. – Женька улыбнулся и дружелюбно пожал Виталику руку. – А у Вольтера в одной из философских повестей еврей, придворный банкир Дом-Иссахар, поделил с инквизитором одну даму на дни недели. Еврею достались понедельник, среды и субботы, а христианину – все прочие. Так вот, Виталий Анатольевич, как и в любой сделке, без ссор не обошлось. Они спорили из-за того, должна ли ночь с субботы на воскресенье принадлежать Ветхому Завету или Новому. [82]

– Зильберман, Моисей, Вольтер, Иванов... Все грамотные, что ли? – Виталик демонстративно сморщил нос, совсем как его жёнушка. – Гомер, Мильтон и Паниковский. [83] М-да... Не важно, кто что сказал, главное, что мы его скоро будем наблюдать, этот субботний день. Если, конечно, кто-то из нас не

свалится, потому что мы уже очень даже в кондиции. Пусть вопрос о полночной трещине между иудейским и христианским миром наша Кунигунда [84] решает самостоятельно. Я тоже когда-то был грамотный, смекаешь? Пока не женился. Однако, невзирая на этот прискорбный факт, я смею надеяться, интерн, на твоё великодушие, и мы не будем устраивать петушиных боев, не так ли?

– Ну что вы, Виталий Анатольевич! Я слишком уважаю вас, а уж как я отношусь к Марии Сергеевне, вы, по всей видимости, догадались. Сделок не будет. Избиения кролика единорогом не предвидится, – усмехнулся Женька.

– И кто из нас кто, молодой человек?

– Я же сказал, не предвидится, Виталий Анатольевич.

– И всё-таки?

– Вы наверняка знаете ответ – вы старше и опытнее.

– Виталик, кто там? – раздался из кухни голос Маши.

Слышались смех и голоса. Компания действительно была навеселе.

Кухня располагалась прямо по курсу. Одна достаточно большая комната, сразу налево из маленькой прихожей. Направо – ванная. Следующая дверь – туалет. «Что за глупость, нужник рядом с очагом? – до сих пор ворчала тётя Аня, давным-давно горожанка, так и не утратившая разумного крестьянского подхода к жизни. – Кофе пьёшь под запахи и звуки!»

– Это, Машенька, вчерашний интерн.

– Скажи вчерашнему интерну, что он уже сегодняшней, а дальше, как карты лягут. И скажи ему, что я очень рада и совсем не удивлена. Пусть проходит.

– Мария Сергеевна, он разувается. Сейчас сама ему всё скажешь. Он с цветами и с бутылкой. Джентльмен, блядь!

– Не матерись всеу! И да... Интерн! Я сама тебе сейчас всё скажу! Я знаю, с какими ты цветами, и даже с какой бутылкой. И то, что ты джентльмен, знаю. Точнее – мужик! Слово «мужик» куда точнее отражает истинное божественное предназначение «яйценосящих», нежели выхолощенное «джентльмен», да простит меня Зильберман за плагиат. Просто я выпила и отчего-то стесняюсь. Поэтому несу чушь. Хотя вообще-то я не стесняюсь никогда, а чушь несу регулярно. Светка, подвинься, – сказала она кому-то, – я хочу, чтобы интерн, которому я рада и совсем не удивлена, сидел рядом со мной.

– А я? – пробормотал себе под нос Некопаев.

– Здравствуйте все! – сказал Женька, зайдя, наконец, в кухню в сопровождении немного погрустневшего Виталика.

– Знакомьтесь, дамы и господа! Это Евгений Иванов, врач-интерн, прошу любить и жаловать! Виталий Анатольевич, будьте добры, достаньте тарелку, вилку и рюмку для Евгения Ивановича. Пока я его знакомлю с нашим милым, несколько извращённым дружеским кругом. Светлана Анатольевна Златова, моя подруга, врач акушер-гинеколог первой категории и временами

прекрасный человек. Кстати, левша, со множеством вытекающих из этого факта талантов. Ассистировать ей непривычно. Зато у неё есть дар предощущения аномально расположенных сосудов. Она сапёр. Её скальпель замирает именно там и именно тогда, когда ничто не предвещает, и смещается в неположенное «топографической анатомией» место, где недисциплинированная жизнь расставила свою убийственно кровоточивую ловушку. Как она это делает – большой секрет. Даже для неё самой. И левша, как ты. Ах, да. Уже говорила. – Маша действительно была немного смущена и очень обрадована. Ей не удавалось этого скрыть под привычной накидкой из разудалого излишне многословного ироничного цинизма. – И бытовой алкоголик, как я. А ещё мы обе достаточно несчастливы. Только я сама по себе, а она – с мужем.

– Здравствуйте, Евгений Иванович, – салютовала Женьке стаканом, удерживаемым действительно в левой руке, хорошенькая ухоженная брюнеточка лет двадцати пяти – сорока, полная Машина противоположность.

– По левую руку от неё – чтобы удобнее было, сам понимаешь, как левша левшу, тактильно нежничать, правша Вадим Георгиевич Нечипоренко, как проба мочи по автору [85] – легко запомнить. Тем, у кого память плохая, – хихикнула Маша. – Врач высшей квалификационной категории, неонатолог. Да не просто неонатолог, а заведующий всем детским отделением с физиологией его, обсервацией и реанимацией. Если я когда-нибудь буду рожать, то пользоваться моего младенца будет именно он. Не смотри, что он красив, – впрочем, ты, Евгений Иванович, честно скажу, красивее...

– Да, весьма хорош собой! – вставила Светка.

– Ты на мужика этого глаз свой этот самый не клади! Так, на чём я остановилась?

– Ты сказала, что я красивее и что Вадим Георгиевич будет пользоваться нашего младенца, – спокойно сказал Женька, намеренно включив своё обаяние на полную мощность.

– Каков наглец, а? Я вам говорила! – счастливо рассмеялась Маша.

– Чем таким ты её купил, интерн несчастный? Ведь она штука дорогостоящая, – пробурчал Виталик. – А давайте выпьем за знакомство!

– Подожди. Я ещё не всё и не про всех рассказала. Имей терпение.

– Я уж давным-давно так заимел своё терпение...

– Что волосы на ладошках выросли? – поинтересовалась Светка.

– Выросли и выпали уже! – ничуть не смутившись, продолжил тему Виталик.

– Это ещё не повод насиловать чужое терпение, – бросила ему Маша. – Тем более – лысыми ладонями. Наливай, Виталик, не отвлекайся. Так вот, Женя, не смотри, что Вадим Георгиевич красив, он ещё и умён. Так бывает. Он любит Свету, Света любит его, Светин муж любит себя, вот так вот они все и живут в любви и почти согласии...

– Машка – жопа! – беззлобно вставил Вадим.

– А я люблю тебя, – проворчал Виталик.

Маша только отмахнулась. Атмосфера между тем была самая что ни на есть развесёлая, совсем не напряжённая, как можно было предположить, учитывая *anamnesis vitae* [86] присутствующих.

– Рядом с Вадимом сидит Людмила Николаевна Лось. Люда. Она – легендарная личность, не смотри, что молода и красива, а по совместительству – старшая акушерка отделения обсервации, жуткий сноб, нахалка и самодур.

– Самодура! – вставила Людмила Николаевна, весьма эффектная женщина с несколько высокомерным выражением лица.

Впрочем, подобную иллюзию рождало скорее своеобразное сочетание черт, нежели истинный характер. Пухлые губы, задранный нос, презрительный (от близорукости) прищур глаз.

– Да! Но зато у неё золотые руки и доброе сердце. Первое позволяет ей обдирать родственников и даже врача как липку, а второе – она тщательно скрывает от мира людей за первым, демонстрируя при свете дня показушно-саркастическую наивность Маленького Принца. Но как только сумерки – предвестники ночи – стирают грань между её истинной близорукостью и людской пронизательностью, она щедро дарит своё сердце бездомным свекровям, собакам и друзьям и, вооружившись шваброй великодушия, прибирает, как может, их засранные по жерла вулканов планетки.

– И в этом мы с Марией Сергеевной сёстры, – прокомментировала Люда.

– Двоюродные. У меня, правда, нет свекрови-собаки. У меня, Евгений Иванович, даже кактус засох...

– Он не засох. Он наоборот – захлебнулся, утонул. Дело в том, интерн, что в какие-то из наших текильных посиделок кактус решил покончить жизнь самоубийством и прыгнул с подоконника вместе с горшком. Мария Сергеевна решила его реанимировать, погрузив его коренастое тело в стакан с водой. Да и уехала на конференцию. А что жителю средней полосы хорошо, то пустынному – смерть. Так что труп кактуса, похожий на иллюстрацию к учебнику судебной медицины, был со всеми почестями спущен в унитаз. Это я так, чтобы ты знал, как наша дивная «красотка Мэри» относится ко всему живому.

Женька внимательно смотрел на Виталика, чуть насмешливо склонив голову набок.

– Ну, Виталия Анатольевича Некопаева ты уже знаешь, – продолжила Маша, – он мне друг, товарищ и брат, но как в Древнем Риме. Я ему – последний всплеск уходящей за горизонт юности. Возможно, когда-нибудь он напишет в стол автобиографию под названием «Жизнь и смерть Суккулента», где откроет сам себе давно известную всем остальным истину: «Каждый кактус – суккулент. Но не каждый суккулент – кактус».

Виталик недовольно скривился.

– Поэтому не свистите, и освистаны не будете, дорогой Виталий Анатольевич. – Машка показала ему язык. – Итого, в нашей тёплой, во всех смыслах, компании не хватает только Сергея Александровича Потапова, который влюблён в одну из старших акушерок наблюдательной родильной смены Анжелу Джуриную. И одной из старших акушерок наблюдательной родильной смены Анжелы Джуриной, что осмысленно отдаёт себя бесконечной работе, интуитивно – бесцельно Потапову и регулярно – бессмысленные карточные долги своего мужа. Но они сегодня дежурят и наверняка во время перекуров на кофе уже успели просветить тебя, кто тут кому кто или даже что. Вот, собственно, и всё. Я так долго и сложно говорила, что, пожалуй, протрезвела. Так что пришёл тот самый момент, когда нам всем надо выпить и быстренько сразу налить ещё. И снова выпить. Говори, Евгений Иванович.

– Да-да, говорите, красавец доктор. Что-нибудь высокопарное о том, как вы рады с нами познакомиться. – Светлана Анатольевна закурила.

– Не слушай их, эти две кого хочешь заболтают, ехидны. – Вадим привстал, пожал Женьке руку. – Добро пожаловать в наш клуб. Что-то...

– Наверное, опыт!!! – хором грохнули все.

– ...подсказывает мне, что вы задержитесь с нами надолго.

– Пока всё не выпьем, – мрачно пошутил Виталик.

И он, и Женька всё ещё стояли. Светка тем временем передала его прибор на другой конец стола, где сидела Люда Лось.

– «Федя, иди к почкам!» [87] Понял, не дурак. Мария Сергеевна гулять изволят.

– Виталик, не бурчи. Давай, иди. Тут близко. Сейчас будем праздновать твою окончательную отставку. Или я тебе не мила?

– Мила, Людмила Николаевна, мила. Ты мой единственный свет в конце этого бесконечного тоннеля. – Некопаев покорно сел. – Король умер, да здравствует король!

– Так! Евгений Иванович, ты будешь говорить тост?

– Я соблюдаю субординацию. В смысле жду, когда умолкнут старшие товарищи.

– Всё-всё, молчим! – уверили «старшие товарищи».

– Ответьте мне, нужен ли нормальному человеку, пусть даже и с проблемами, – а кто без проблем, – психотерапевт? Ответ однозначный – нужен. На тот случай, если совсем уж больше не с кем поговорить. Так давайте выпьем за то, чтобы психотерапевт нам никогда не понадобился. Кроме того, что один на всех, разумеется. Но ведь это неизбежно, не правда ли? Итак, в свете Вольтеровских аллюзий, за фатальный оптимизм, что ли!

– Отлично сказано! Молодец, Евгений Иванович! – Вадим даже присвистнул от восхищения. – Талантливый.

Все выпили и разом загомонили. Женька сел рядом с Машей и весь вечер вел себя настолько естественно, как будто знал всех давным-давно. Они говорили о какой-то ерунде, обсуждали больничную жизнь, беззлобно сплетничали. Маша улыбалась чему-то невидимому на стене, и друзья, после очередного тоста за «своевременность всего происходящего» почуяв, что становятся лишними, стали собираться.

– Пошли, «умерший король», тащи урну со своим прахом в обитель королевы-матери, наследников и как то бишь её? Королевы-тёщи, вот! – подтолкнула хмельная Людмила Николаевна расстроенного Некопаева, никак не желавшего ни замечать, ни принимать очевидного – он был лишним. И раньше, и уж тем более теперь.

– Никакой я не король! Я для Машеньки был халиф на час! – вдруг утробно завыл Виталик.

– Ну-ну-ну, не хватало ещё, чтобы сорокалетний... – громко и внятно акцентировала Людка, – женатый мужик...

– Отец двоих детей! – подхватила ехидная Светка, за что тут же получила по заднице от коленапреклонённого Вадима, застёгивающего ей сапоги.

– ...разрыдался тут, как мальчик, которому на Новый год не подарили железную дорогу, – закончила Людмила Николаевна.

– Блядскую железную дорогу! – хихикнула Машка.

– Подарили, подарили!!! – по-бабьи подвывал Виталик. – Подарили, а потом отобрали!!!

– Ну, бывает, бывает. Дед Мороз ошибся адресом. Чужое брать нельзя. Поиграл – отдай! Зато у тебя дома под ёлкой голубь с ключиком в жопе, не плачь, Виталичек. Тоже очень хорошая забавная штукавина. Если нечасто заводить, – серьёзно успокаивала его Люда, хотя в глазах у неё плескался еле сдерживаемый смех.

Что до остальных – они давно уже прыскали, хрюкали и утыкались в воротники.

– Не хочу голубя с ключом в жопе!!! Это нехороший голубь, самозаводящийся, он всё время жужжит. Жу-жу-жу... Жу-жу-жу... Жу-жу-жу... А железная дорога, она тыгдым-тыгдым... тыгдым-тыгдым... тыгдым-тыгдым... Музыка сфер... Не отдам!

И тут всех согнуло в безудержном приступе хохота. Виталик, воспользовавшись тем, что Людкин захват ослаб, вырвался и рухнул перед Машкой на пол:

– Мария Сергеевна, я прошу вас стать моей женой!

– Любимой! – пропищала Светка, тут же получив от Вадима подзатыльник.

Маша сделала самое что ни на есть серьёзное выражение лица, на которое в данный момент была способна, и со всем «приличествующим моменту» достоинством, почти без ехидства, ответила:

– Право, это очень лестное предложение, Виталий Анатольевич, но сделай вы его даже тогда, когда я имела честь считать до трёх в ваших объятиях, я вынуждена была бы ответить отказом. Что же говорить теперь, когда я «шагнула за изгородь».

Женька на мгновение закрыл глаза, вдох – выдох где-то там, в диафрагме, в солнечном сплетении, никто ничего не заметил. И положил руку Маше на плечо.

– Друзья мои, я имею честь представить вам моего будущего мужа, Евгения Ивановича Иванова. Ах да, как его зовут, вы уже знаете. – Она накрыла его ладонь своей ладонью.

Столько нежности, столько ласки, столько единения было в этом незамысловатом жесте, совершаемом тысячью людей ежечасно. Но именно этот был каким-то особенным. Творящим. Сотворившим. Вечным. Любовью.

Но люди не могут видеть. Человеческое зрение – всего лишь одно из чувств.

И увидел Бог, что это хорошо. [88]

Нежность. Ласка. Единение.

На пару мгновений воцарилась тишина. Каждому стало отчего-то беспричинно хорошо. И захотелось застыть, просто задержаться в этом запахе весеннего ветра. В этом ласковом утреннем тёплом море. В этом гало [89] из новогодней хвои, где твоё лицо смешно отражается в шаре с блестками. В уютной постели, хорошей книге и тарелке сухарей с изюмом. Рядом с толстым, шерстяным, пахнущим ванилью щенком и ландышами. Внутри кофе по-ирландски с односолодовым виски и плова, приготовленного на открытом огне таджикским поварёнком в двенадцатом поколении. Запутаться в расчёсанной гриве породистой кобылы и застыть, как ястреб, царственно восседающий на проводах. И закружиться, как первый снег, и приземлиться вечерним туманом на томный летний луг.

И увидел Бог всё, что Он создал, и вот, хорошо весьма. [90]

Он проводил гостей, закрыл дверь и стал прибираться на столе.

– Я сварю кофе, а ты пока сходи в душ.

– Да, пожалуй. Просто постоять под водой, а потом просто выпить горячий кофе, просто лёжа в постели, просто смотря какое-нибудь глупое смешное кино. И просто спать, обняв тебя. Завтра... Вернее, уже сегодня суббота, и мы с тобой будем целый день дома. Будем обниматься, целоваться, разговаривать, пить, курить, заниматься любовью. В общем, знаешь...

Знаю...

что я Тебе снился

Ближе к пяти, под утро,

Что как раз отражает статистику

Времени самого тонкого...

Я в Тебя до глубин провалился,

Я дошёл до начала нетронутого...

Где ж Ты была, родная?..

– Чур тебя, – демоны шикают... —

Я была в прошлом... у Рая,

Но не шагнула за изгородь... [91]

Часть вторая Изгнание

Жизнь коротка, искусство обширно, случай шаток, опыт обманчив, суждение трудно. Поэтому не только сам врач должен употреблять в дело всё, что необходимо, но и больной, и окружающие, и все внешние обстоятельства должны способствовать врачу в его деятельности.

Гиппократ. «Афоризмы. Первый отдел»

– Плодоразрушающая, Евгений Иванович? Открывать набор?

– Да, Людмила Николаевна. Надеюсь, инструменты не заржавели. Звоните анестезиологу, пусть бригада спускается. Я выйду в приёмное. Вы подходите через пару минут. – Ответственный дежурный врач, заведующий наблюдением отделением Евгений Иванович Иванов встал и отправился к дверям родильного зала.

– Жень, тебе кофе на крылечко вынести? – спросила вдогонку старшая акушерка смены, она же – главная акушерка отделения наблюдения.

Какая, к чертям собачьим, субординация ближе к пяти, под утро, когда вам привозят запущенное поперечное положение с выпадением ручки?!

– Выноси.

– С коньяком?

– Да, немного.

В приемном покое светил неяркий свет. Испуганная новенькая акушерка сидела за столом. На стуле напротив неё молодой мужчина судорожно всхлипывал, уткнув лицо в сжатые кулаки.

– Вы муж Маргариты Вересовой? – нарочито жёстким официальным тоном уточнил вошедший Евгений Иванович. Собственно, больше тут никого и не было, но мужика надо было привести в себя. – Я ответственный дежурный врач.

– Да! – Парень подскочил.

– Я – ответственный дежурный врач. Евгений Иванович Иванов. Ответственный – значит принимающий ответственные решения. Курите? – чуть мягче спросил Женя.

– Да. А можно? – Трясущимися руками тот достал из кармана пачку сигарет.

– Можно. Пойдёмте на крыльцо. Я тоже курю, хотя это и вредно.

– Доктор, что с ней?

– Вас как зовут?

– Алексей. Что с ней?!

– С ней, Алексей, роды. И роды эти были на дому, что бы она и вы тут ни

лепетали персоналу о том, что только-только вот так сразу получилось. У вашей жены нет обменной карты, и ни в женской консультации, ни у какого-либо другого врача она не наблюдалась во время беременности.

– Мы ходили на курсы...

Евгений Иванович прервал его жестом:

– В мою задачу никоим образом не входит чтение лекций взрослому, успешному и интеллигентному, судя по одежде, зажигалке, марке обуви, сигарет и автомобиля, мужчине. В мою задачу входит спасение жизни, а по возможности, и репродуктивного здоровья вашей жены, Маргариты Вересовой.

– А ребёнок? – Алексей Вересов судорожно затанулся.

Речь, тон и, главное, спокойная уверенность врача структурировали ментальные процессы, но тот хаос, что вихрем сметал сейчас его душу, унять было сложно.

– Ребёнок... плод мёртв. И, судя по всему, уже давно. Воды, с правдивых наконец-то слов вашей жены, – извините, я вынужден был на неё некоторым образом надавить, сказав, что с ней будет, если она не перестанет врать, – отошли уже тридцать часов назад.

– Боже! Мы так хотели этого ребёнка! Она два года ходила по врачам, лечилась. Потом, наконец, забеременела, и у неё снесло крышу. Я был против, верите? Я был против!!! Но она напрочь рассудка лишилась. Какие-то подружки затащили её в эту секту. Возлюби ребёнка своего, помолись Вселенской М – Да, мозги они промывать умеют. Но вам это непростительнее, чем Маргарите. Вы-то не беременный были. Так что от меня индульгенций не ждите. У меня просто нет нотариально заверенного права их продавать.

– Боже, что я наделал?!!

– Бог вам не ответит. Алексей! Возьмите себя в руки. Не буду же я взрослого мужчину хлестать по щекам. Этого ребёнка уже не будет. И я должен получить ваше разрешение на проведение плодоразрушающей операции. Ваша жена не совсем адекватна. Для освидетельствования прямо сейчас я ей психиатра не найду. А чем быстрее всё будет закончено, тем больше шансов на удачный исход. Я, конечно, заручусь и её подписью, но нужна ещё и ваша, как самого близкого родственника, для гарантии. Простите, но я вынужден максимально обезопасить себя, коллег и администрацию. Потому что с лечебными и особенно родовспомогательными учреждениями в последнее время судятся куда чаще и охотнее, чем со всякими сектантами, аферистами и прочими «духовными» людьми. Де-юре аспекты – неотъемлемая земная часть моей работы.

– Да. Перед уходом эта тварь сказала, что если обратимся в суд, то пойдём, как соучастники, а не пострадавшие.

– Оставьте подробности для юриста. И кстати, действительно было бы хорошо к нему обратиться. Вам это уже не поможет, в данной конкретной ситуации, но

других легковерных может оградить от беды. Мы, врачи, бессильны что-либо сделать. Сосредоточьтесь, Алексей. Позже, если захотите, мы поговорим. А сейчас мне нужна от вас подписанная бумага об информированном согласии на плодоразрушающую, – он намеренно акцентировал, – операцию.

– Да-да, конечно. Я всё подпишу. А ей не будет больно?

– Больнее, чем было, ей уже не будет никогда.

– А почему плод... Боже, как это ужасно звучит. Что это такое вообще? А нельзя её разрезать и вынуть его, ребёнка? Может, он ещё жив. Вдруг вы ошиблись?

– К моему огромному сожалению, Алексей, мы не ошиблись. Плод мёртв. Этот очевидный для стетоскопа факт подтверждён целым рядом инструментальных, аппаратных и лабораторных исследований. Все они запротokolированы в истории родов. Извлечь его путем операции кесарева сечения невозможно. Вернее возможно, но тогда уже с удалением матки. Безводный период в тридцать часов означает инфицирование и риск акушерского сепсиса. Особенно при проникновении инфекции в брюшную полость. Этого при полостной операции не избежать, даже если идти внебрюшинным доступом, что в такой ситуации крайне сложно и ненадёжно. Матку в этом случае придётся удалить. А если я правильно понял, то беременность и роды у вашей жены первые и детей нет. Акушерский же сепсис означает, кроме всего прочего, ДВС [92] – синдром. Внутрисосудистое свёртывание крови с массовым образованием тромбов, которые проникают в мозг, в сердечные камеры, в паренхиматозные внутренние органы – в печень, в селезёнку, в почки. Что с высочайшей долей вероятности означает неизбежную смерть. В настоящий момент ваша жена начинает, говоря грубо и наглядно, гнить заживо. Пока заживо. Потому что внутри неё труп. И труп этот уже начал разлагаться. И никакие жертвоприношения никаким богам не изменят этого обстоятельства. Только наши руки. Считайте, что боги для того и создали наши руки, чтобы вас спасти. «Я посылал за тобой три лодки...» Старый анекдот. Да... – пробурчал последние слова себе под нос Женька. – Извините. Промедление превратит в труп и вашу, пока ещё живую, жену. Плодоразрушающая операция – это ряд манипуляций с целью расчленения мёртвого тела, потому что извлечь его целиком из вашей жены не представляется возможным. Не по частям – только с маткой. Я достаточно ясно излагаю, простите за жестокость? Я хочу, чтобы до вас дошло – если мы срочно не выполним то, что должны, – ваша жена умрёт. А мы не выполним это без вашего информированного добровольного согласия. И я, в отличие от «друзей», что помогли вашей жене, Маргарите Вересовой, прийти в такое состояние, не могу, задув свечи, собрать вещи и уйти в никуда.

– Да, доктор. Хорошо. Что надо подписывать? А это страшно? Вот это вот... плод... разрушающая.

– Разве что для врача, Алексей.

– И уж точно не страшнее глупости! Эх, не на ту пятую ярлык первого греха повесили! – На пороге появилась Люда с двумя чашками кофе в руках, намеренно громко захлопнув дверь в приёмной ногой.

– Людмила Николаевна! – укоризненно посмотрел на неё Женька. – Алексей, зайдите в приёмное, акушерка покажет вам, что и где подписать. И возьмите себя в руки. Вы мне нужны действующим мужчиной, а не хнычущей размазней. После операции мы вам вынесем список необходимых лекарств, так что, пожалуйста, спиртным себя тоже раньше времени не оглушайте.

– А что мне сейчас делать? Я же с ума сойду!

– Молитесь, если умеете. «Отче наш» знаете?

– И бог услышит и поможет? – горько усмехнулся Алексей. – Зачем Ему молиться, если Он допустил такое?

– Он ничего такого не допускал, и со слухом у Него всё отлично, поверьте. Молитва нужна вам. Это всего лишь определённый ритм, что изгонит вашу теперешнюю бесноватость и нормализует токи крови и прочих жидкостей организма. Кто-то танцует, а кто-то жуёт пейот. Молитва – не самая худшая разновидность душевного фитнеса. Особенно когда надо не разогнаться, а напротив, притормозить. Остановиться. Убить демона. В него очень сложно попасть, хаотично передвигаясь и рассыпая в пространство трассирующие на малейший шорох и сполохи огня. Надо сосредоточиться. Не знаете молитв, читайте стихи. Считайте спички, наконец.

Вересов вряд ли слышал слова, которые говорил ему этот широкоплечий в зелёном, как его там? Иванов. Разве запомнишь такую фамилию надолго? Это не фамилия, это – анекдот. Он не слышал, хотя и слушал. И удивительным образом успокоился.

– Где, вы сказали, надо подписать?

Врач показал рукой на дверь приёмного покоя.

Парень решительно потянул её на себя и скрылся за порогом.

– Зильберман не прошёл для тебя даром, ни в каких смыслах, – уважительно сказала Людка.

– Он ни для кого из тех, кто хоть на мгновение соприкоснулся с ним в этой временно изгнанной из Рая жизни, не прошёл даром. А в моём случае, ещё и синхронно лёг на природные склонности, не будем именовать их громким словом «предназначение». Это ведь не тётка Анна, а он, Пётр, отвёл меня за руку в приёмную комиссию медицинского института, чтобы я не блуждал вечно, словно странник в непролазных словесных чащах. Отвёл в тот самый момент, когда наложил на мою буйную голову ложки акушерских щипцов, замкнул замок и стал совершать тракции. Пётр Александрович был профессионалом из божественной команды «Альфа» – архангелом. А мы кто?

Никто из нас не может сказать, что он не знает Бога. «Познай самого себя», вот ведь... Хорош свистеть и курить, пошли работать.

– Всё равно, убивала бы таких, как эти, на дому, в стогу, в канаве рожающие идиотки! Зла не хватает!

– Людка, ну уж ты-то! Мне самому хочется дать этому мужику под дых, а потом ещё поплясать на бездыханном теле и увешать все фонари вокруг роддома трупами собственноручно удушенных «духовных акушерок». Я столько сил потратил на... эманацию собственной дикости, что я тебя прошу, не воскрешай моих демонов из бессмертного небытия. «Заплаты глаз, души изъян на всех предметах. И дьявол ненавистью пьян перед рассветом» [93], – как я когда-то написал для моей обожаемой жены, когда она очередной раз, пылая, возжелала крови. Кровь кровью не смывается. Кровь смывается иными растворами. Дезинфицирующими. И заляпавшиеся должны просто отмыться. Запятнавшиеся – покаяться. Мы, Людмила Николаевна, честно выполняем свою работу. В любое время. Даже в самое тонкое, то, что «ближе к пяти под утро». Мы – ассенизаторы, сторожа, наблюдатели, группа поддержки. Но не судьи и не палачи.

– Да. Согласна. – Люда грустно вздохнула.

С минуту они молча курили.

– Женька, ты ведь никогда не делал плодоразрушающих?

– Не делал. Один раз видел, как Петя делал. Причём именно декапитацию. [94] И он мне дал выполнить самый психологически сложный этап. Технически это не так уж и трудно. А хирургического опыта у меня достаточно.

– Ага, психологически несложная для роботов операция.

– Это просто утилизация останков, Людмила Николаевна.

– Ты сейчас меня или себя уговариваешь, Евгений Иванович?

– Я констатирую факт. Ладно, пошли.

– Елена Николаевна с ума не сойдёт?

– Я ей не звонил. Что она сделает? Она на конгрессе FIGO [95] в Южной Америке. Ну, покричит через океан в сотовое пространство. Да и не хочу я лишний раз её тревожить. Она и так баба нервная, и ей сейчас ох как непросто и без всего этого. Когда начмед вернётся, я надеюсь, эта Вересова уже выпишется. Ментов вызвали?

– Вызвали, Жень, как ты и просил. Только я не пойму зачем?

– Затем. На синюю морду фасона «упала с лестницы» принято вызывать, а на такое – нет?

– Да они приедут и все нервы нам вымотают. Тебе в первую очередь.

– Ничего. У меня нервы крепче стальных канатов. Если что – принесу извинения в лучшем виде. Менты – тоже люди. Ласку любят. Чем большим количеством бумаг мы запасёмся, тем надёжнее защищён наш зад. Придёт в себя эта Маргарита, да и подаст на нас в суд, мол, живого ребёнка на куски искромсали. А у нас, кроме историй родов и перинаталки, протокол милицейский: «Поступила тогда-то потому-то». Вызови дежурного врача и

бутылку коньяка получше у меня в кабинете разыщи в шкафу.

– Да они любой бутылкой не побрезгуют.

– Сказал, возьми получше. Не обеднею. Всё, пошли. Дежурному объясни, что, если милиция приедет, а я ещё в родзале буду, пусть предложит им кофе-чай и мужика этого, Алексея Вересова, нежно опросить в ординаторской. Не допросить, а опросить. Пусть его переоденут. Менты пусть так идут, подотрём после. Люда, интерны вменяемые на дежурстве есть?

– Есть какие-то, откуда я знаю, вменяемые они или нет?

– Парни?

– Есть двое.

– Пусть их позовут. Такое они вряд ли где-то увидят. А поскольку «домашние роды» и прочая на всю голову «духовность» становится всё моднее, то, боюсь, им придётся овладеть навыком этой операции. Как мне в такие моменты не хватает Зильбермана! Да и вообще мне его очень не хватает. Мы привыкли к тому, что придёт могущественный Пётр Александрович, и всё разрешится по мановению его рук и вибрациями его души.

– Нам всем его не хватает, Евгений Иванович. Но тебя он выучил этому великому искусству.

– Да я, как акушер, мизинца его не стою.

– Не этому. Не акушерству. Хотя и ему тоже. Он научил тебя спокойно решать проблемы.

– Ситуации...

– Что?

– Выходить из ситуации, а не решать проблемы. Смешно. Принимаешь это всё в себя и понимаешь – поздняк метаться. Надо успокоиться. И успокоить.

Звать-то больше некого. Ни срочно в родзал, ни о вечном поговорить. Ты один в поле, Аника-воин. Ладно, Людка. Пошли уже мыться.

Евгений Иванович тщательно намылил руки, смыл, ещё раз намылил, ладным, изящным кошачьим движением расправил на плечах хирургический халат, поданный санитаркой, надел перчатки:

– Табурет!

И рахмановка, и табурет были уже совсем другими. Функциональными, модерновыми. Выбитыми Ситниковой из каких-то фондов, грантов и просто благодарных толстосумов.

– Интерны, становитесь справа, только свет не загораживайте и в обморок падайте куда подальше.

– Да мы, Евгений Иванович, всё время учебы в институте работали!

– Был тут у нас такой. Тоже работал. А наложение акушерских щипцов воочию увидел – и сполз по стеночке, прикрыв глазоньки. – Женька хмыкнул в маску.

Интерны осуждающе зафыркали, мол, они-то уж не кисейные барышни.

– Не кисейные? Шёлковые барышни? Ну что, Сергей Алексеевич? – Он поднял

глаза на анестезиолога.

– Можно работать, Евгений Иванович.

– Спасибо, Серёжа. Ну, доктора, что я сейчас должен сделать?

– Плодоразрушающую операцию? – неуверенно промямлил один из интернов спустя мхатовскую паузу, во время которой Евгений Иванович произвёл ещё одно внутреннее акушерское исследование, перебрался парой негромких слов со старшей смены, стоявшей рядом в хирургическом халате, маске и стерильных перчатках, и, обработав наружные половые органы и влагалище дезраствором, ввёл зеркала.

– Что это? – спросил он, показав им какую-то белёсую кожаную плеть. Интерны сделали сосредоточенные лица, заглянули и ни черта, признаться, не поняли.

– Ручка плода. Запущенное поперечное положение, господа, с выпадением ручки. Результат работы «духовных акушеров» не то из «Люльки», не то из «Ляльки», даже знать не хочу. Вам бы не мешало выучить, что следует делать в таких ситуациях.

– Так! Отошли подальше! – безапелляционно прикрикнула на них Людмила Николаевна.

Не из-за санэпидрежима и не потому, что они загораживали свет. А потому, что они не знали! НЕ ЗНАЛИ!!! Не знали даже теоретического алгоритма.

– Евгений Иванович, когда был интерном, наизусть учебники и руководства излагал! – гордо сказала она.

– Ладно вам, Людмила Николаевна. Моей заслуги в этом нет. Ребята будут читать, куда они денутся. Если хотят этим заниматься. Просто смотрите пока и слушайте. Я буду рассказывать. Чтобы выполнить плодоразрушающую операцию декапитации, должны быть соблюдены следующие условия. Первое: полное или почти полное раскрытие маточного зева, и тут оно есть. Второе: отсутствие плодного пузыря – тридцать часов безводному периоду, так что пузыря нет, оболочки разведены, а вот риск инфицирования есть, поэтому на полостную операцию не идём, чтобы сохранить матку, а органосохраняющая в подобных случаях невозможна. Третье: достижимость шеи плода для исследующей руки – сейчас узнаем. – Он извлёк зеркала и ввёл во влагалище сначала два пальца левой руки. – Я левша, – пояснил для интернов, – но в акушерстве априори не существует левшей и правшей – задержавшиеся и успешные становятся амбидекстрами, только если ситуация позволяет – действуй той, что удобна. Четвёртое: отсутствие абсолютного сужения таза, при котором плод невозможно извлечь и после декапитации, – тут такого не наблюдается, нормальный женский таз без всяких сужений и костных экзостозов.

Людмила Николаевна захватила выпавшую из влагалища ручку мёртвого плода и оттянула её к низу. В это же время Евгений Иванович ввёл всю руку в

родовые пути.

– Шея плода достижима. Теперь мы должны ввести и разместить декапитационный крючок Брауна. [96] Выполнить собственно декапитацию и, наконец, извлечь расчленённый плод.

Один из интернов вдруг сказал:

– Что-то тут жарко... – и стремительно выбежал из родзала в коридор, даже не закрыв за собой двери.

Послышались характерные для регургитации [97] желудочного содержимого звуки. Санитарка, презрительно крикнув ему вдогонку: «Холодной водой умойся и не жри в следующий раз перед дежурством!» – тихо прикрыла двери.

Происходящее после было оставшемуся зрителю непонятно. Хотя Евгений Иванович перечислил все этапы операции:

– Сначала надо вывихнуть шейные позвонки, затем рассечь мягкие ткани, после чего – извлечь туловище, а после – захватить и удалить головку.

Вторая акушерка подала Евгению Ивановичу длинный, устрашающего вида крючок – видимо, тот самый, Брауна, и он ввёл его туда же, вслед за рукой.

– По руке, интерн, вводим, по руке. Тактильная чувствительность в акушерстве, да и в медицине вообще, одна из самых важных. Акушер видит не глазами. Акушер «видит» руками.

Старшая акушерка, отпустив ручку плода, зачем-то схватила в горсть – как показалось неопытному парню – низ живота женщины, [98] а руки хирурга, плавно и неспешно покружив, извлекли из лона женщины ощутимый неприятный хруст. После чего доктор подтянул к себе нечто, похожее на мацерированную, как после долгого пребывания в воде схватиться за шершавую поверхность, кожу и стал это валикообразное нечто рассекать длинными ножницами с закруглёнными краями. Спустя пару минут ножницы и крючок вернулись на инструментальный столик. Ассистирующая акушерка пошевелилась.

– Люда, я сам. Фиксируй, пожалуйста, головку пока ещё. – Евгений Иванович, потягивая за ручку, извлёк из родовых путей женщины... обезглавленное младенческое тело – тот самый мацерированный валик с неуместно-трогательными отёчно-белесоватыми ручками и ножками.

Как заведующий обсервационным отделением извлекал двузубыми щипцами отделённую от тела головку, оставшийся в родзале интерн уже не видел.

Он обмяк и грузно сполз под стеночку в спасительный обморок.

– И ты знаешь, Жень, я могу его понять! – вздохнув, сказал анестезиолог. – У меня у самого тут ЧСС [99] участилось, а АД [100] упало.

– Главное, чтобы у пациентки было нормальное. Люда, я сейчас ручное [101] сделаю, а ты родовые пути после осмотришь, хорошо?

– Хорошо, Евгений Иванович.

– Сергей Алексеевич, друг мой, не жадитесь на наркоз. С вами достойно

рассчитаются, да и с меня бонус – лучшая водка в этом паскуднейшем из миров – контрабандный «Аквавит». Осмотр, ушивание шейки пусть тоже в полной отключке. Выводите, когда уже всё будет закончено. Всё, до последнего стежка, катетеризации и обработки. Это, – он кивнул в лоток, – на гистологию, естественно. Наташа, с грамотно написанной, со всеми анамнестическими деталями для патанатома, а не сикось-накось, как обычно, сопроводилкой, – обратился он ко второй акушерке.

Некоторое время он сосредоточенно изучал истерзанные ткани изнутри. Извлёк послед. Осмотрел.

– Хороший малыш был. Жаль. Теперь никак не назовёшь. Что там эти апологеты «естественных» родов говорят? Мать не хотела, не любила, потому и умер? С чего они решили, что знают хоть что-нибудь о промысле Божьем. Был бы тут Зильберман, он бы обязательно сказал что-нибудь вроде «Бог с тобой, когда ты – с Ним» , [102] и всем бы стало спокойно, и все бы поняли... вспомнили, что смерти нет, а только вечная жизнь. А теперь его самого нет. И у меня такое чувство, что я расчленил сам себя. А ведь «чувство» – неправильное слово. Правильное слово – «знание». Всего десять лет назад я стоял по правую руку от Петра Александровича в этом самом родзале и думал: « Это не может быть правдой. Нельзя рождаться несколько раз в сутки. Нельзя умирать при каждой удобной возможности. Нельзя шутить на краю бездны и рассказывать анекдоты, падая в пропасть... » И что я могу к этому добавить спустя вечность? Что я теперь ещё извлекаю младенческие трупы по кускам из живых женских тел?

Он поднялся, с ожесточённым треском сорвал перчатки и швырнул их в таз, стоявший на полу. Людмила Николаевна ногой отодвинула табурет и встала на его место.

– Матка сократилась? – обратился он к ней после того, как санитарка помогла ему снять халат.

– Сократилась.

– Не кровит?

– Не кровит.

– Гемодинамика, Сергей Алексеевич?

– Стабильная. Вместо сердца пламенный мотор. Артериальное давление в норме.

– Вот и всё, что я могу к этому добавить, проведя под этими сводами десятилетие. Ну, кроме того, что слово «своды» [103] вызывает у меня теперь не небесные, не архитектурные, не литературные, а исключительно женские анатомические ассоциации. Нет во мне того прямого ощущения непрерывного потока, что было в моём учителе. Нет во мне Машкиного дара предвидения. Баба жива, и то хлеб. Будем надеяться, что всё хорошо закончится. Антибиотики ввели?

- Лошадиную дозу, Евгений Иванович, – заверил его анестезиолог.
- Антикоагулянты?
- Жень, обижаешь.
- Плазму прокапайте сразу. Дежурный заказал. Лаборантку вызовите cito, [104] пусть тут, при вас, Сергей Алексеевич, кровь по стеклу палочкой размазывает. А начнёт возмущаться – сразу ко мне на аудиенцию направляйте. Я ей вставлю. Гонор на его законное место – у параша. И в интенсивную Маргариту эту, а не на этаж, надеюсь, поняли?
- Всё, Жень, вали пока отсюда. Покури, выпей грамм пятьдесят. А то ты мне Бойцова напоминаешь. Я закончу и направление на гистологию сама напишу. Не волнуйтесь, Евгений Иванович.
- Спасибо, Люда. Всем спасибо. Эй, интерн, очухался? Иди, подыши воздухом. Чуть позже напишем историю родов, протокол операции и распишем положенную антибактериальную, инфузионную и прочую терапию.
- В дверь родзала просунула голову акушерка из приёмного:
- Евгений Иванович, там милиция приехала, вас просят.
- Сейчас приду. Слушай, Людка, Серый, вы меня извините... Десять лет, а как вчера, да? – Он устало улыбнулся.
- О да, античный бог с русской фамилией Иванов и татарской харей, что пришёл, увидел и это самое, саму Машку Полякову! И все обалдели! А потом вообще всех сделал. Пока, на короткой дистанции, – заржал необидчивый Потапов.
- Идиоты! – беззлобно сказала Людмила Николаевна Лось.
- Ну что там?
- На девять [105] небольшой разрыв шейки. А потом шёлковой штоккой займусь. Эти ваши неменяемые Зильбермановские разрезы в обе стороны...
- Людка, хочешь, сам ушью, а?
- Иди уже отсюда, поворчать нельзя!
- Евгений Иванович, а зачем вы так эпизиотомию делаете? – вдруг спросил окончательно пришедший в себя интерн.
- Чтобы целее было.
- Так же наоборот – рана больше.
- Вся наша жизнь наоборот, дорогой врач-интерн. Жизнь – парадоксальная штука. Хочешь, чтобы было целее? Режь наотмашь. Хочешь быть здоровым? Каждый день ощущай мышечную боль. Хочешь любить? Проникнись равнодушием. Хочешь жить? Прими смерть. Хочешь что-то приобрести? Потеряй всё.
- А можно мне ушить разрыв шейки матки? – спросил интерн, решивший, что Иванов не от мира сего.
- Ты для этого пока недостаточно целостен. Просто смотри. Собирай детали и учись видеть во тьме.

* * *

Небольшой разрыв в десять лет ничтожно мал для истории человечества, но достаточно весом для истории отдельного человека. Конечно, когда ещё не начались времена, что никогда не закончатся, люди пребывали в своей земной ипостаси чуть дольше, чем сейчас. Адам прожил девятьсот тридцать лет, не дотянув какой-то смешной семидесятник до почётного «миллениума». Родил сына Сифа на сто тридцатом году своей жизни. Сиф жил восемьсот семь лет и стал отцом раньше – всего-то в возрасте ста пяти лет. Сын Сифа и внук Адама Енос прожил восемьсот пятнадцать лет, познав радость отцовства в вовсе смешном возрасте – какие-то мальчишеские девяносто. Каинан, переплюнувший своего отца в сроке земной жизни на двадцать пять лет, родил Малелеила и вовсе в семидесятник. Иаред, Енох, Мафусал и Ламех тоже на продолжительность жизни не жаловались и детей клепали в несолидном возрасте. Потом родился Ной и, то ли осмотрительно предохранялся, то ли сил не оставалось после возделывания земли, проклятой Господом, на всякие глупости, но отцом он стал, в отличие от легкомысленных родственников, в весьма солидном возрасте – пятьсот лет. Зато выдал на гор? сразу и Сима, и Хама, и Иафета. [106]

Представляете, как они все друг другу за столько лет, вернее сказать – столетий, надоели? А уж если учесть то обстоятельство, что и жило всё это семейство, рожавшее не только сыновей, но и дочерей, бок о бок, со всеми своими трудовыми буднями и бытовыми дрызгами... Волей-неволей начнёшь понимать истинные причины Вселенского Потопа. А Ною Боженька строительство Ковчега поручил, видимо, за трудолюбие и обдуманый подход к делу воспроизводства себе подобных. Но это уже совсем другая история, а люди сейчас столько не живут. Хорошо это или плохо? Не знаю. Знаю, что раньше жили – сколько заповедано. Теперь – сколько сможешь.

Евгению Ивановичу Иванову к моменту описываемых событий было хорошо. Всё так же хорошо, как в тот вечер «с видом на субботу». Ему исполнилось всего тридцать четыре года. И у него была обожаемая красавица жена Маша Иванова, чудесная семилетняя дочь Анечка Иванова, отдельная трехкомнатная квартира в почти историческом центре города. За истекшие десять лет он успел стать врачом высшей квалификационной категории, защитить кандидатскую диссертацию на сложно выговариваемую тему по специальности «акушерство и гинекология» и утвердиться в должности заведующего наблюдательным отделением родильного дома.

Жена его, Мария Сергеевна, некоторое время назад ушла из клинической медицины – ей там стало слишком. Слишком много всего. Она была так счастлива, что чужие жизни перестали быть ей интересны, даже в качестве ремесла. Недолго она работала в фармацевтической фирме, но кое-что ей там было ох как не по вкусу, не по характеру и не по убеждениям. Позже у неё

обнаружились, вернее развились, иные таланты. Они не помешали ей стать руководителем отдела комплексных проектов в солидной фирме «Вестфалия», эксклюзивно торговавшей медицинским оборудованием от самых известных производителей по всему миру.

Глава компании очень ценил Марию Сергеевну Иванову за медицинские «лейблы» – кандидатом медицинских наук она всё-таки стала, а также за умение уговорить любого покупателя, порой даже не раскрывая рта. Что делало её работу настолько коммерчески эффективной, что и зарплата, и бонусы со сделок регулярно росли.

Маша стала ещё сногшибательнее красива, что оказалось не так уж и бессмысленно во всё ещё преимущественно мужском мире бизнеса. Причём на уровне исключительно визуального воздействия. Как тут не согласиться с тем, что красивые люди действительно более успешные! Не зря же, в конце концов, их такими создали! Её пожизненное детское беспокойство никуда не ушло. Просто приняло более конструктивно упорядоченные формы. Поэтому в свободное от работы время она... писала.

Её первый роман «Вестфалия», – ну как тут не вспомнить старика Вольтера, [107] – вышедший под псевдонимом «Евгений Иванов», имел весомый читательский (читай всё тот же «коммерческий») успех. Материал был её, иные мысли – Женькины, рукопись в издательство отнесла мама Лена, сначала поправив стилистические ошибки, орфографические огрехи, пунктуационные неполадки и «на автомате» переведя её на английский и французский, что чуть позже оказалось очень кстати.

Некий E. Ivanov (ходили слухи, что на самом деле это женщина) в англоязычной и франкоговорящей ипостасях издавался куда тиражнее, чем на родине. Его язвительные, легко читаемые антиутопии вызывали восторг как «интеллектуальной», так и широкой публики. Первые были довольны «глубиной метафизического подхода», вторые тем, что «вроде и не детектив, а интересно».

Главный инженер компании как-то раз даже привёз всем, в том числе Маше, в качестве сувениров из заграничной командировки по экземпляру «Westfalen» в карманном формате, мол, смотрите, какой казус, книга называется, как наша компания, а автор – однофамилец Марии Сергеевны. Говорят, на что-то там номинирован, но автор – таинственная личность, отказывается давать интервью и даже рукописи в издательство передаёт через посредников.

Сотрудники долго спорили, что такого не может быть, а главбух сказал, что бухгалтерия издательства наверняка знает всё и, было бы у журналистов желание и настойчивость, можно выяснить, кто этот Иванов. Маша принимала самое активное участие в обсуждении таинственного однофамильца. Всё это её ужасно забавляло. Говоря по правде, не только мысли, но и сюжеты и целые абзацы текста были исключительно Женькины, но они так давно ничего не

делили... Как можно что-то делить между собой и... собой? Женька же был настолько гениален, что совершенно утратил когда-то едва зародившийся интерес к типографскому воплощению своего словотворчества. Что должно остаться в потоке времени – останется. Например, известняковая ограда...

...покрыта патиной из мхов.
С неё столетьями смывала
Вода слоями прах следов
Рептилий, древних раков, рыб,
Застывших позже в недрах глыб,
Которых человек рукою,
Каменотёсною киркою
Облёк в кирпич, и в стены клал.
Затем воитель разрушал,
Беря кирпич хранить колодцы,
Что рыл для войска своего.
Но войны – прах.
Сменив господство,
Мир возвращался к ремеслу
Строительству и скотоводству.
Мельчало семя.
В землю камень
Входил и порастал бурьяном.
И вот уже пустое племя,
Глядишь, окрестными холмами
Ведёт эпохи праздный счёт...
Лишь стен гряда, покрыта мхами,
С потоком времени течёт. [108]

Потому Женя радовался, глядя на Машины забавы, гордился её успехами, как гордятся родители удачами честолюбивых детей, но сам предпочитал ремесло. Те, кому он помог и ещё поможет прийти в этот мир, родят новых, а те – новых, как Адам родил Сифа, Сиф – Еноса, Енос – Каинана, и ему было достаточно этой сопричастности потоку. И камни – смертны, что уж говорить о рукописях, книгах и манускриптах, что в большинстве своём не только легко воспламеняют, но и воспламеняются. Лишь люди бесконечны, пока Бог не распорядится иначе. Но тогда не станет и Его.

При одной мысли о таких пространственно-временных категориях уши закладывает от якобы бессмысленности человеческой жизни, от её изначальной конечности. Но монолит здания складывается из отдельных кирпичей, как бесконечность человечества – из отдельных жизней. А отдельные жизни – из минут, часов, дней, годов, десятилетий...

Наверное, стоит рассказать историю конкретного десятилетия Ивановых

сначала. Чтобы привести человеческий вестибулярный аппарат в состояние анатомо-физиологической нормы простой смертной прозой.

Итак...

Вначале Женька проснулся и сотворил Машке кофе.

Машка же спала, пуская счастливые слюни; и уже больше нигде не носилась неприкаянно над водою.

И сказал Женька: «Машенька, просыпайся, деточка. Кофе уже готов». И стали они пить кофе.

И увидела Машка, что кофе хорош; и не стала отделять его от сигареты.

И потом они целый день сотворяли друг другу всякие приятности и нежности; в общем, вели себя, как два любящих кретина, и было им не просто хорошо, а прямо-таки замечательно.

А после они поженились.

Сначала, конечно, подали заявление в ЗАГС и пошли знакомиться с родителями.

К Машиным родителям они попали лишь потому, что нужна была какая-то замшелая бумажка вроде свидетельства о рождении, по неосторожности оставленная в отчем доме. Маша Полякова не поддерживала отношений с мамой и папой не потому, что была нехорошей дочерью, а потому, что не любила тратить огромное количество усилий в никуда. Коэффициент полезного действия механизма, носящего название «выяснение отношений», стремится к нулю, хотя по сути своей вечен.

Именно поэтому она съехала со своей «детской» жилплощади ещё в самом начале второго курса, – бездетная тётка отца, уйдя на заслуженный отдых, уехала «доживать» на родину, глубоко под Казань, и сделала Машке царский подарок – однокомнатную однушку на окраине, – и у родителей она почти не появлялась. Поздравить с днём рождения, забежать в канун Нового года. Вот, пожалуй, и всё. Если удавалось уйти без скандала – это была удача. С отцом она изредка перезванивалась, а вот с матерью... Вечно поджатые губы, непременные упрёки. Машина мама гарантированно была бы довольна дочерью только в том случае, если бы та не выросла вовсе, всю жизнь будучи трёхлетним обаятельным пупсом в кружавчиках – маминой живой говорящей куклой. Собственностью.

Естественно, в этом мама не признавалась и самой себе, но от этого факт не менялся. Маша же не только росла, но и была слишком своенравна, слишком личностна, хотя до поры до времени это скрывала, принося положенные пятерки и занимаясь во всех положенных секциях, кружках и школах. Когда она после очередного скандала с матерью ушла из дому, та предрекла ей все ужасы падения в бездну пьянок, гулянок, брошенного вуза и окончания безалаберной жизни на панели.

Несмотря на имеющие место – будем справедливы – пьянки и гулянки,

институт Мария Полякова закончила с красным дипломом, да и с панелью как-то не сложилось. И она никак не могла понять, рада матушка или разочарована, что её пророчества не сбылись в полном объёме. Мужчин своих под крышу родительского дома она никогда не приводила. Зачем? Она и Женьку-то не хотела туда вести, но так уж вышло, что он был слишком мужчиной, чтобы отпустить её одну в неблагоприятную, судя по всему, среду.

– Может, ты меня тут, внизу, подождёшь? Я быстренько раскопаю это свидетельство о рождении и вернусь. Ты даже соскучиться не успеешь.

– Мы пойдём вместе. И не потому, что «это же твои родители». Мне, честно говоря, абсолютно наплевать, какие они, твои родители, «приличные» ли они люди или вокзальные бомжи, есть они у тебя или ты вообще сирота. Но ты трусишь при одной мысли, что нужно подняться в квартиру. Значит, тебе там неприятно. А туда, где тебе неприятно, ты без меня не пойдёшь. Лучше, конечно, вообще не ходить, но если уж надо, то мы пойдём вместе.

Предчувствия Машу не обманули. Дверь открыла мать. В ответ на сдержанное Машино приветствие и Женькино улыбочивое: «Здравствуйте!» – она сквозь презрительно поджатые губы процедила, ткнув в его сторону остреньким подбородком:

– Кто это?

Удивительнейший феномен, известный наверняка не одной Маше Поляковой. Её мать, образованная и очень приветливая с совершенно посторонними людьми женщина, «приятная во всех отношениях», была удивительно нелюбезна с близкими. Что же касается Маши, стороннему наблюдателю могло показаться, что та её ненавидит. А между тем любила же.

Но «странную любовь». Выяснить, что к чему и как, Маша уже более никогда не собиралась. Двери всегда открыты. Но лишь для тех, кто не будет заходить в грязных сапогах в уютный будуар твоей души, бряцая орудиями морально-нравственных пыток.

– Я – будущий муж вашей дочери. – Женька решительно перебил открывшую было рот Машу. – Очень рад с вами познакомиться.

– Муж, объелся груш. И давно вы того-этого... познакомились? – спросила мать, вложив в слова «того-этого» как можно больше сарказма и включив функцию «жестикоуляция» для большей убедительности, чтобы никто не сомневался, что конкретно имеется в виду.

– Да пару часов назад, – соврал под удивлённые взгляды Маши всё сразу понявший Женька.

– А-а-а...

Далее, пока мама, пытаясь упасть в обморок, изрыгала суровые бесстрастные обвинения вкупе со страстной, во всех смыслах, характеристикой в адрес его будущей жены, Женька выудил притаившегося в дебрях многокомнатной квартиры папу и с его помощью сам нашёл в каких-то коробках требуемый

документ.

На всё ушло минут пять. Как только искомое было найдено, он тут же решительно схватил Машу, отпускающую колкости в ответ на чудовищные обвинения родной матери, за шиворот, сказал всем: «Прощайте, родные!» – и, выскочив в подъезд, зашёлся в хохоте. Мария Сергеевна, еле успев перевести дух от быстрой смены обстоятельств, выпалила:

– Ты самый прекрасный мужчина на свете!

– Я знаю.

– Вот нахал. Но это действительно было красиво.

И практически безупречно эффективно! Мне бы она могла бумаженцию и не отдать. А то и вовсе порвать. Не драться же с родной матерью?

– Ну, на этот случай всегда есть архивы.

– Да я не только об этом. Один-единственный раз за всю свою жизнь я привела домой парня. Смешно, но это был даже не мой парень. Просто одноклассник проводил домой, потому что время было позднее, а я пригласила «зайти на минутку» из вежливости. На него набросились так, как будто он меня обрюхатил и бросил. Мальчик, по-моему, даже не понял, что к чему. Честно говоря, он был в шоке. Вместо: «Здравствуйте! Не хотите ли чаю?» – на него с порога начали орать. Самое милое, что сказали в мой адрес: «Проститутка!» Я тогда вообще ещё девственницей была. Хотя моя милейшая матушка полагает, что я занимаюсь этим самым лет с тринадцати. – Машка вздохнула. – Как противно. Я в этом доме всё время должна что-то доказывать. В доме, где близкие люди должны меня любить только по факту моего существования. Это грустно, но уже совершенно не важно. Но как вспомню лицо этого несчастного студента...

– Охотно верю. Но я не боюсь насекомых. Мне противно, но не грустно. И уж точно ни одно из них не может привести меня в шоковое состояние. Хотя, не скрою, в первые минуты столь трепетного знакомства у меня было желание придушить твою мамашу. Но смысла в этом нет. Пусть живёт себе. Кроме того, «не убий» и всё такое. Хотя грешок гневливости за мной водится, дорогая супруга, должен заранее тебя предупредить.

– «Заранее» было раньше. Теперь уже поздно. Огласите весь список ваших недостатков, Евгений Иванович!

– О, у меня их так много, что я не осмеливаюсь вас так сразу пугать! Кроме того, что я подвержен припадкам гнева, я ещё и дьявольски хитёр, бесконечно ревнив и считаю вас, Мария Сергеевна, своей собственностью. И то, что вы с этой минуты полная и окончательная сирота, – лишь добавит шарма при распределении ролей.

– Собственностью? Ролей?! Маньяк! И это замечательно. Быть собственностью – не вопрос. Вопрос в том, где найти хорошего собственника.

Они шли по улице, держась за руки, как дети. Вернее, как взрослый и ребёнок.

Человеческое летоисчисление, в том числе возрастное, порой так мало значит. Частенько встречаются шестидесятилетние мальчишки на манер Машиного папы, что, не спросясь жены, лишний раз за хлебом не выйдут и пива не выпьют. По миру бродит огромное количество тридцати-сорокалетних младенцев обоих полов, коим до сих пор не перерезали пуповину, что связывает их с родительским домом. Женька же считал, что родителям нужна скорее дружба, чем бесконечное поклонение и подчинение. Парнем он был наблюдательным, да и с аналитической функцией у него всё было в порядке, потому к своему достаточно молодому возрасту он понял, что мужчины и женщины в их чистом виде, такими, как их задумал Господь, встречаются достаточно редко. Мир полон навязанных ролевых игр. Женщина-мать пилит своего «неразумного» мужа-сына и упорной филигранной шлифовкой доводит его, рано или поздно, до совсем уж «короткоштанного» состояния. А если ещё и природные склонности имеются... Страшно представить, что может получиться. Настолько страшно, что уже никто не удивляется, наблюдая подобное вокруг себя каждый божий день. Женщина-дочь, находящаяся под пятой властной мамочки, редко поднимает бунт, позволивший бы вырваться на волю. Она до конца жизни звонит родительнице каждый вечер, отчитываясь, как прошёл день. А та, демонстративно устало (или болезненно) сопя, выслушивает, перебивая внезапными выплесками из ушата, полного ледяных комментариев. «Сынишка» лет тридцати пяти отчитывается маменьке, «поел ли он первое» во время дежурства, попутно в тысячный раз доказывая, что не так уж плоха её невестка. Во всяком случае, куда лучше первой. «Да-да, – соглашается та, – эта хоть пыль по утрам протирает. Первая твоя вообще была...» – подумайте сами. На самом деле невероятно просты отношения «мужчина и женщина», «родители и дети», но люди так любят всё ненужное, так запутывают тонкие нити дружбы, что связывают или не связывают их в действительности, а не в надуманной системе «долгов», «заботы», «уважения» и чёрт знает чего ещё...

– Если ещё и с твоими знакомство будет таким же... – Маша прервала Женькины размышления.

– Поверь, это не так. Может, пройдут годы, и ты вдруг скажешь: «Я хочу посмотреть на женщину, что принесла в этот мир тебя, любимый!» К тому же если ты не хочешь, то мы можем не знакомиться с ними вовсе.

– Ну, это как-то неуважительно.

– Ты не можешь уважать или не уважать незнакомых людей. Ты можешь быть к ним равнодушна. Ничего страшного в этом нет.

– Но это же будет для тебя... не очень удобно. Неприятно, наверное?

– Маша, я знаю тебя насквозь. Это не значит, что я не вижу то, что люди склонны называть «недостатками» или «достоинствами». Я вижу тебя и принимаю всю. Если ты чего-то не хочешь делать: знакомиться с моими

дамами, варить борщ, обсуждать с мамой Леночкой последний детектив или идти со мной в кино – ни лучше, ни хуже ты не станешь. Ты останешься такой, какая ты есть. Какой задумана и пришла в этот мир.

– Ты сейчас очень напоминаешь Зильбермана.

– Да, он забавный.

– Забавный? Да он...

– Тихо, тихо... – Женька притянул её к себе. – Никто не покушается на твоих «священных коров». Он забавный в самом лучшем смысле этого слова. У него хватает мудрости забавляться этой жизнью. Забава – хорошее слово.

– Да? Ну, тогда ладно. Тогда ты тоже забавный.

– И я забавный. А ты – очень забавная. Потому что твоя мудрость – начальная. Не привнесённая. Пётр Александрович сам рассказывал, как ему приходилось и приходится избавляться от шелухи так называемой «взрослой мудрости». От эмоций, что захлёстывают по факту событийных рядов. От бесконечного анализа...

– Да-да-да. «То, к чему я так долго шёл, у тебя уже есть по факту рождения». Помню.

– Кстати, да. Я могу сказать тебе то же самое. То, к чему я так долго шёл, у тебя уже есть по факту рождения.

– Я, между прочим, старше тебя. Мне целых двадцать...

– Только не говори никому. Не поверят. – Женька засмеялся.

– Я так хорошо выгляжу?

– Ну я, между прочим, тоже неплохо выгляжу. Но дело совсем не в этом. Ты относишься к тому редкому типу женщин, что, несмотря на все знания, весь жизненный, прости господи, опыт, навсегда останутся детьми. Не в смысле – неспособными себя обслужить или принять решение неразумными карапузами, а детьми, что не утратили непосредственность восприятия мира. Они не на берегу с калькуляторами и планами, они – в потоке. Они просто плывут. Купаются. – Женька вздохнул, – Словами это достаточно сложно донести, хотя я с самого детства тренируюсь в искусстве вербальных формулировок.

– У тебя неплохо получается. – Маша улыбнулась. – Короче, знаешь что? Я уже хочу с ними познакомиться, и не годы и годы спустя, а как можно скорее. Что скажешь?

– Скажу, что я доволен и что они у меня вполне безобидные и, главное, приветливые. Я так понимаю, приветливость для тебя фрукт экзотический. Бабушка наверняка будет путать тебя с какими-нибудь литературными персонажами. А ещё говорят, что интенсивная умственная деятельность гарантирует длительную отсрочку старческого маразма. Ну, наверное, простое прочтение книг интенсивной не считается. Так что она слегка заговаривается, но во всём остальном ещё молодец. Навыки самообслуживания не утрачены, и она не путает книжный шкаф с туалетом, а платяной – с холодильником. Мама

Леночка знает в совершенстве пару-тройку иностранных языков, но... совершенно не умеет на них разговаривать. С реальной жизнью даже на родном языке она предпочитает общаться в письменной форме. Она живёт с книгами и компьютером. Переводит современную детективную лабуду на русский. Специалисты утверждают, что иные её переводы в литературном смысле куда лучше оригиналов. При этом написать деловое письмо или, ужас-ужас-ужас, общаться с редактором лично для неё – сущий кошмар. Она моментально становится косноязычной и никак не может подобрать нужные слова. «Простите, а когда я получу аванс?», «Извините, а вы не узнаете в бухгалтерии, собираются ли они выплатить мне деньги в этом месяце?», «Мне так неловко вас беспокоить, но не могу ли я узнать, привезёт мне курьер авторские экземпляры книги, что вышла три месяца назад, или мне самой подъехать? Авторских не будет? Прошу прощения, видимо, мне говорили, но я забыла». Однажды у неё брали интервью, так она двух слов от волнения связать не смогла. Журналист спросил в конце: «Это вы перевели все эти книги?» Она замолчала и стала пунцовой. И что он должен был подумать? И, наконец, тётя Аня. Вот она – забавный человек. Мудрый и сильный. И при этом абсолютный ребёнок. Ребёнок, что тащит на своих плечах двоих «старых» малых детей – бабушку и маму Леночку. Я, слава богу, уже взрослый мужик, и ей стало полегче. Хотя, может, и посложнее. И знаешь, в чём парадокс?

Маша покачала головой.

– Первые мои две дамы «играли» в якобы понятие и принятие моей свободы, а сами всю жизнь трусили, пока одна не стала ближе к растительной форме существования, а другая не нашла себе дело по душе. Тётка Анна же, таскавшаяся за мной чуть ли не до первого курса по пятам, действительно всегда признавала мою свободу. Свободу от всех. В том числе – от себя. Если я позволял себе уйти в безобидный юношеский загул, впад в эгоистическое, чего греха таить, беспамятство, бабушка и мама Леночка охали, ахали, глушили валериану, звонили в больницы и морги, чтобы потом, по возвращении, возрадоваться, возблагодарить и устроить вокруг меня ритуальные пляски с борщом и рассолом. Анна всегда шестьсот шестьдесят шестым чувством вычисляла, где я. Исключительно для того, чтобы кинуть мне ёмкое: «Мудак!» И ещё у неё есть удивительная способность – она не волнуется. Она точно знает, что со мной. Бабушка и мама Леночка не знают. Потому волнуются. Она знает – и не волнуется. Понятия не имею, как это у неё получается. Анна просто видит, в опасности я или нет.

– О, я её понимаю.

– Знаю-знаю. Пётр Александрович поделился со мной тайной ваших талантов, Мария Сергеевна. Но отличие между тёткой Анной и тобой состоит в том, что она принимает свой дар безоговорочно, не пытаюсь алгеброй анализа проверить гармонию непознаваемого для человеческого разума. Она – простая женщина.

Временами мне кажется, что она и не подозревает, что у неё какой-то там «дар». Дышишь себе и дышишь. Дыхание – дар? Ей нравится, что трава зелёная. И, в отличие от подрастающих детей, она не задаёт глупых вопросов «почему?!» Хлорофилл? Может быть, может быть... Так почему эта – зелёная, а та – синяя? «Другой» хлорофилл? Ну-ка, ну-ка, что нам даст разница в формуле? От неё синяя позеленеет, а зелёная пожухнет? Нет, она пожухнет лишь со временем. Хотя и этому есть исключительной достоверности биохимическое объяснение. Вопросы плохи порождаемой друг другом бесконечностью. Ответы – бесконечным несовершенством. Компьютерный анализатор может разложить запах на молекулы, но он не в силах его элементарно понюхать. Точно так же устроен человеческий мозг. С той разницей, что он может ещё и понюхать. И породить ещё целый воз вопросов, на которые нет окончательных ответов. Что толку спрашивать: «Почему море солёное, а река – нет?», если в них можно просто плыть, купаться, учтя особенности. Вот тётка так и делает. Слишком душно? Открой форточку. Слишком ветрено? Сиди дома. Причём принимает, не страдая и не гордясь своей одарённостью. Наверняка сегодня вечером придёт в гости. Просто почует. На самом деле она мне не кровная тётка. В семье даже есть глупая маленькая легенда, мол, она – мой ангел-хранитель. Маме Леночке некий Пётр, сейчас я на сто процентов уже уверен, что именно Александрович и именно Зильберман, что-то такое сказал. Скорее всего, просто, чтобы успокоить или сподвигнуть на куриный бульон для несчастной девочки. Потом это оказалось правдой. Подтвердилось, но лично мне не надо никаких подтверждений, что тётка Анна – ангел. Я это и так знаю. Как мне не надо знать состав вдыхаемого воздуха. Я им и так дышу, без газового анализатора улавливая разницу атмосфер леса и проспекта мегаполиса.

– Зильберман, Женька, никогда ничего просто так не говорит. Даже если несёт откровенную чушь. Если такое случается, значит, эта «чушь» призвана заставить тебя почувствовать, задуматься, спровоцировать на действие или бездействие. Последнее очень важно иногда уметь. С его же слов. Лично я, увы, совершенно неспособна к бездействию и дров иногда ломаю гораздо больше, чем требуется для отопления.

– Ещё научишься. Хотя это и сложно.

– Ой-ой-ой, какие мы мудрые.

– Машка, не начинай. – Женька ущипнул её за попу.

– Что не начинать?

– Про возраст и про мудрость. Не паскудничай, короче. Хотя что-то...

– Кхм...

– Ага, и он тоже... подсказывает мне, что милое детское паскудство пребудет с тобой во веки веков. Что ж, придётся просто запастись ремнями. Аминь!

– Да ну тебя. Так что там за история с твоей некровной тёткой Анной?

– Давай зайдём в кафе, расскажу. Да, и собственно, это вся моя семья. Мужиков у бабушки и мамы Леночки отродясь не было, кроме разовых, а у тёти Ани их было так много, что она уже давно перестала их считать.

– За мужиков?

– И это тоже. И все трое, разумеется, уверены, что я – божество и ни одна женщина на свете недостойна меня.

– Ой! Но я всё-таки женщина. И, боюсь, до вечера мне не успеть сделать операцию по перемене пола, – засмеялась Маша.

– Ты не женщина. Ты – ребёнок. Я настаиваю. Дети – существа бесполое, как ангелы.

– Да? Что-то я не заметила, чтобы ты относился ко мне, как к бесполому существу. Очень и очень даже не как к бесполому! К тому же я уже вполне самостоятельный врач с правом принятия решений, в отличие от некоторых. – Маша показала ему язык.

– Бывают очень талантливые дети. То, что ты в некоторых местах женщина, – Женька хитро прищурился, – так это бонус. Ты могла оказаться, например, старым негром. Но даже в этом случае мне было бы не невозможно любить тебя. Сложно. Но не невозможно. Я как-нибудь напишу об этом поподробнее. А вот и кафе. Я называю его «Полуяпонской кофейней Случайного Города». Тут тихо, и в это время почти не бывает людей. Очень удобно для посвящения тебя в мои маленькие семейные тайны. Прошу вас, Мария Сергеевна... – Женька распахнул дверь.

Как это ни парадоксально, но тётка Анна Машу полюбила с первого раза. Хотя первый взгляд её, брошенный на девушку, был оценивающим.

– Красивая. Слишком красивая. Таким, как ты, Женька, нужна невысокая, нестройная, неброская серая мышь, чтобы весь остальной мир вздохнул спокойно. Потому что спаренные красавцы вызывают недовольство толпы. Красивая женщина имеет право любить богатого или хотя бы умного мужчину, ни ростом, ни фигурой, ни лицом не вышедшего. Красивый мужчина имеет право любить нефасонистую самку, потому что ему так удобнее, и к тому же она хорошо готовит, правильно гладит брюки и отличная мать. И все друзья, приятели и просто знакомые разной степени случайности будут понимать, сочувствовать и одобрять подобные союзы. Два вызывающе красивых человека, любящих друг друга, будут оскорблять всех окружающих одним лишь фактом своего сосуществования. А если это ещё и достаточно долго продлится... В общем, не завидую я вам. Вы всегда будете одиноки в толпе. Наплевать. Лишь бы вы не были одиноки вместе.

Знакомство в Женькином доме было очень семейным. Мама Леночка немного пометалась, пытаясь накрыть стол в гостиной. Тётка Анна огрела её парой ласковых слов, и они устроились на кухне. Даже бабушке налили стакан вина. На некоторое время к той даже вернулась ясность восприятия и изложения, и

она огорошила всех осмысленной законченностью не книжной фразы:

– Господи, благодарю! Наконец-то на нашем корявом генеалогическом чахлом женском древе произрастёт плод полноценной семьи. Я даже не спрашиваю вас, любите ли вы друг друга, это настолько очевидно, что цветы пахнут сильнее в вашем присутствии и жемчуг начинает светиться. Это тебе! – Бабушка сняла со среднего пальца массивное кольцо с натуральной жемчужиной и положила на стол. – Возьми, прошу тебя, – обратилась она к Маше.

Та открыла было рот, чтобы отказаться от столь щедрого подарка почти незнакомого человека, но тётка Анна прошипела:

– Даже не думай! Придушу!

Мама Леночка молча улыбалась, утирая счастливые слёзы, Женька довольно расхохотался, и Маше ничего не оставалось, как сказать «спасибо» и надеть кольцо на средний палец левой руки.

После бабушка снова «выключилась» и строго запрещала всем играть со спичками, курить вблизи горючих жидкостей и экстатически прочитала пару стихотворений о любви. Её отправили спать. Мама Леночка, рассыпаясь в извинениях перед всеми, отпросилась за любимым компьютер, и они остались втроём – Женька, Маша и тётя Аня. Последние так напринимались горячительного на радостях, что Женька еле разнял их и разложил по койкам.

– Ой, я вас так боялась, тётя Аня! – пьяненько признавалась Маша. – Все думают, что я такая смелая, прямо как Аркадий Гайдар, и с шестнадцати лет полком командую. А я – трусиха. Во-первых, я боюсь темноты, поэтому сплю с плюшевым мишкой. Во-вторых, боюсь ответственности, поэтому вынуждена всё время что-то решать и решать, решать и решать. Ещё я очень боюсь квитанций, всяких заявлений и справок. Как только мне надо что-то заполнять, я так сильно пугаюсь, что вынуждена делать вид, будто мне любая бумажка по плечу. Когда я получала загранпаспорт, меня три раза отправляли за недостающими документами, и в четвёртый раз я устроила такую показательную истерику с требованием начальника над всеми начальниками, причём исключительно от ужаса, что у меня, наконец, приняли все бумаги и заполнили за меня анкету. Я только расписалась. В-третьих... А что там было во-первых и во-вторых?

– Было, что ты – трусиха. Это сразу видно. Но я тебя тоже боялась. Этот змей подколодный... – Тётя Аня кивнула на Женьку. – Эй, змей подколодный, чего не наливаешь?!

– Девочки, может, вам уже хватит?

– Дай напиться спокойно хоть раз в жизни! И вообще, ты сегодня мальчик на разлив! Не мешай взрослым женщинам разговаривать! О чём я? Ах да! Этот змей подколодный позвонил нам и сказал, что задержится на работе, а потом пойдёт не домой, а к невесте! Старой – уже на всё с прибором, Ленка – тоже

ничего не сообщает. Для неё что «невеста», что «кобыла» – всего лишь слова, нуждающиеся в правильном переводе. А мне-то каково? Я же тут единственная в здравом рассудке! То он баб презирал, как класс, пользуя, как дырку...

– Тётя Аня!

– Что, тётя Аня? Чего я, вру? Сколько у тебя девок было, ты хоть одну невестой назвал?

– Ну, «дырками» я их тоже никогда не называл, не выдумывай.

– Что не называл, сути не меняет. Заткнись! В общем, то у него ничего серьёзного, то – нате-пожалуйста – невеста. Я ему: «Что за невеста? Откуда вдруг? Тронулся, как бабка с мамашей?» А он мне: «Я вас скоро познакомлю!» – и трубку бросил, скотина.

– Не бросил, а положил. И кстати, сказал тебе: «До свидания!» Просто ты не слышала. Ты орала.

– Я ещё три дня орала, пока вы там это самое. Как наш Женька в этом самом? Не подкачал?

– О, он самый лучший на свете в этом самом! – горячо заверила её Маша. – А какая у него фигура!

– Да, фигура у нашего Женечки, ах! Это самое же ещё в детстве обещало быть самым-самым.

– Дамы, дамы! Я жив, здоров и, между прочим, присутствую, пока вы тут меня обсуждаете, как мешок овса в базарный день! – наигранно строго прикрикнул на них Женька.

– Какой он талантливый, тётя Аня!

– Можно подумать, я не знаю! Да я сама всегда говорила этим дурам: «У Женечки литературный талант! Его надо развивать!» Однажды даже сама надавала ему ремнём по заднице за то, что он сжёг свои стихи.

– Ой ли? – Женька сиял, как новый рубль. – Мне помнится, ты тогда кричала что-то вроде: «Паскуда паршивая! Вьетнамский ковёр испортил! Я за талон на него у едва знакомого завмага отсосала! Чтоб ты сдох, ты же мог сгореть заживо, задохнуться!»

– Ковёр!!! – всхлипнула тётя Аня. – Беж нежнейшего оттенка, длинный и толстый ворс, крупные розовые и голубые цветы, салатовые листья. Добросовестные маленькие узкоглазые человечки ткали, тётя Аня с трудом достала, денег стоил, кроме всего прочего. Прожёт, тварь, прожёт! Палил на нём свои дерьмовые вирши!!! Что я кричала? Всё ты врешь! Я такого кричать не могла! Запомнил, блядь! Тебе же всего восемь лет было. Ах да. Маша, вы знаете, что у нашего Женечки феноменальная память? «Куры» наши называют это «невъебические способности».

– Мнемонические, тётя Аня.

– Они! Точно! Мнемо... вот это самое...ические.

Маша и Женька хохотали до слёз.

– Да, с ним, видимо, надо быть осмотрительнее в словах.

– Это точно! Ну, дети, совет вам да любовь, остальное тётя Аня поможет купить! Что она немного старше, ты и не смотри!..

Женька шутливо-обречённо махнул рукой.

– ...Во-первых, рядом с бабами такой наружности мужики быстро стареют, а во-вторых, – она заговорщически наклонилась к Маше, – наш Женечка такой зануда временами, что кажется, ему уже сто лет в обед. Правильный бывает, как диетическое питание. Тьфу! А ещё он психопат!

– Так какой же он, тётя Аня? – уточнила уже совсем плохо соображающая Машка. – Правильный или припадочный?

– Одно другому не мешает, дорогая.

– Слыхала? А теперь – всем спать! – рявкнул Женька.

И она действительно им помогла. Спустя некоторое время тётка Анна построила дом за городом. Современный и огромный. Хлеб действительно всему голова, и его не перестанут, выражаясь современным кургузым языком, «потреблять» никогда. Так что председатель совета директоров и один из главных акционеров крупнейшей хлебобулочной компании Анна Романова могла позволить себе такую роскошь, как загородное имение. Только кто же там будет жить, если дела требуют постоянного присутствия в мегаполисе и командировок «на места»? Не чужого же человека нанимать, чтобы он все это охранял, холил и лелеял, включая приобретённую кавказскую овчарку и персидского кота? И ещё пару-тройку беспородных хвостатых собратьев, мимо которых Анна не смогла просто так пройти, а на сучку с умильной мордой чуть было не наехала на МКАДе, но вовремя затормозила. Настолько резко, что высказать горячую идиоматическую речь о несправедливости мироустройства нашлось кому. Предварительно, конечно, загрузив испуганную сучку в кожаный салон.

– Страховку получу и продам этот драндулет. Ты, дура, знай, прежде чем под колёса кидаться, – говённое это дело, какой бы жизнь ни казалась. Хотя, не реши ты свести счёты с жизнью, так бы и прозябала на помойке в грязи, голоде и холоде. По весне сношала бы тебя стая кобелей. А теперь будешь вся в шоколаде у меня. Я ведь, дорогая собака... Кстати, да, дорогая. Машинка-то у меня недешёвая. Впрочем, забавно было посмотреть в лицо этого гондона на «жигулях». Нельзя так пугаться, хотя с виду я и злобная. И вообще – соблюдай дистанцию, и будет тебе счастье на дороге. Так вот, дорогая моя собака, я ведь тоже когда-то того... решила: «Выпишут из больницы, и я под первые же колёса!» А тут приходит эта мышь Леночка Иванова. С куриным бульоном, фрикадельками и мамашей своей. Я и давай белугой реветь. Собака, ты когда-нибудь слышала, как режут белуги? И я нет.

Испуганная сучка перестала трусить и понимающе смотрела тётке Анне прямо в глаза. Вернее, в те глаза Анны, что были в зеркале заднего вида. И не было в

бесконечности этих отражений ни мрака, ни чудовищного ужаса. Лишь понимание и приятие. Глаза, исполненные пониманием и приятием, и глаза, пониманием и приятием наполняющие. Между ними – зеркальная гладь. Прозрачная, призрачная, всего лишь стекло, покрытое амальгамой, и... эфемерная в своей непреодолимости... Потому что – вот оно, всё понимающее и всё приемлющее живое существо. Вот запах её шерсти и невероятно умные глаза. В мире людей нет такого понимания и приятия. Если есть Рай, то один из его интерьеров выглядит именно так. А зеркало... Что зеркало? Всего лишь возможность смотреть. Видеть мы можем и без него.

– Леночка, тебе всё равно, где торчать за своим монитором. Кстати, за городом ты сможешь воткнуться в него и на свежем воздухе – на веранду проведено электричество, комаров и мошек глушит какая-то охуенно дорогая хрень. Бабушке уже давно безразлично, где находиться, лишь бы постель, миска, книги и противопожарная безопасность. Так что давайте, собирайте манатки. Да и детям будет лучше в центре трёхкомнатной, а не в Машкиной однушке на окраине.

Маме Леночке действительно было всё равно, где «торчать за своим монитором», и она с радостью собрала нехитрые «манатки», прихватила бабушку и отъехала за город. Повозмущалась, что Анна наняла всё-таки чужого человека – тишайшего таджика, незаметно и бесшумно стригущего газоны, подметавшего двор, кормившего и убиравшего за живностью. При всей доброте и человечности Леночки, не будь его, собаки и коты могли бы скончаться от голода и по уши увязнуть в собственных экскрементах. Не потому, что она была ленива, а потому что, погрузившись в сладостный мир очередного перевода, напрочь забывала об окружающей реальности. Он же ухаживал за бабушкой, выходявшей из своей комнаты при полном параде, – «светские» навыки она не утратила до самой смерти и в неприглядном физиологическом уходе не нуждалась, – собиралась на службу, чтобы, вспомнив, что уже давно на пенсии, переставлять и переставлять книги на полках.

Две, каждая по-своему, полубезумные дамы, свора собак и банда котов просто бы не выжили без его заботы, щедро оплачиваемой тёткой Анной. Та же появлялась в собственном доме наездами, когда одна, а когда и с шумною толпою. И тогда дом оживал, тихий таджик готовил плов в мангале. Все тёти Анины знакомые, приятели, друзья и половые партнёры знали, что шутки в адрес двух странных женщин позволены только ей.

Женька и Маша тоже были достаточно частыми гостями в этом доме, но компаний сторонились. Мария Сергеевна, попав в шумное малознакомое сборище, обретала прежнюю злую язвительность. Женька же не любил, когда милая и нежная жена снова примеряла давно ненужную «лягушачью шкурку», которую он так и не решился спалить.

Долго ли, коротко ли, бабушка, наконец, покинула юдоль земных печалей.

Тихо и неприметно. Как обычно, она спустилась утром в столовую, выпила приготовленную таджиком чашку чёрного кофе. Села в кресло с томиком Вольтера и умерла. Что характерно, мама Леночка не сразу это заметила. Она как раз мучительно вспоминала некую, важную для работы, цитату и, подойдя к матери, заметила отчёркнутое карандашом: «Ну хорошо, мой дорогой Панглос, – сказал ему Кандид, – когда вас вешали, резали, нещадно били, когда вы гребли на галерах, неужели вы продолжали считать, что всё в мире к лучшему? – Я всегда был верен своему прежнему убеждению, – отвечал Панглос. – В конце концов, я ведь философ, и мне не пристало отречься от своих взглядов... и предустановленная гармония всего прекраснее в мире, так же как полнота Вселенной и невесомая материя» . [109]

– О, спасибо, бабушка! Это то, что я искала! – сказала Леночка Иванова и, поцеловав в уже остывающий лоб свою матушку, взяла книгу из уже восковеющих рук и отправилась наверх, в рабочий кабинет, возмущённо ворча: «Я была уверена, что эта дамочка, Элизабет Джордж, [110] переврала старика Вольтера! Надо бы съездить домой к детям, найти его на французском!»

Обнаруживший ближе к вечеру окоченевшую бабушку таджик предпочёл позвонить тётке Анне и Женьке. Те попросили его не беспокоить маму Лену до их приезда.

Похоронили её рядом с орденоносным отцом, и эта заслуга тоже была целиком и полностью тёти Анина. Хотя вряд ли старушка хотела покоиться рядом с тем, кто оставил её одну в нежнейшем из женских возрастов, лишив мужской заботы и ласки, не позволив тем самым стать действительно женщиной, а не библиотекарем, матерью и бабушкой. Впрочем, рано или поздно мы все становимся трупами, праху же всё равно, где покоиться. Всё просто и давно написано – прах к праху. Что происходит до того, как наши души обретают плоть, не помнится. Неоспоримая бесконечность нашего духа – предмет извечных споров, никак не рождающих мало-мальски достойную истину. Люди похожи на детей, встретившихся после летних каникул. Они делятся фантазийными впечатлениями, правдивыми лишь отчасти.

Похоронили и похоронили. Сдержанно всплакнула мама Леночка. От души порыдала тётя Аня. Грустно помолчали Женька и Маша. Последняя была уже на сносях и после поминок почувствовала себя дурно. Женька позвонил Зильберману и повёз Машку в роддом. Надо ли говорить о том, что роды у акушера-гинеколога не могли пройти гладко? Не из воздуха появляются сентенции «Сапожник без сапог». Родовой деятельности так и не началось, потому никто не узнал, стал бы анатомически узкий Машкин таз клинически узким [111] или обошлось бы. У Маши Ивановой, врача акушера-гинеколога первой квалификационной категории, кандидата медицинских наук, на удивление здоровой, спортивной молодой женщины, вдруг сбесилось артериальное давление, моча стала напоминать хороший мясной бульон с

содержанием белка, голени распухли на глазах, и Зильберман, сказав Женьке: «Презклампсия. И ты знаешь, друг мой, что через полчаса приставка уже утилизируется, несмотря на всю нашу интенсивную терапию», [112] дал команду разворачивать операционную. Женьку туда не пустили. Нет, он не нервничал, не суетился, не кричал, но его видимое тупое спокойствие было страшнее всяких истерик. Он не расслабился даже после того, как Вадим Георгиевич собственноручно, не доверив детской медсестре, вынес запелёнутого пупса в коридор и предложил пройти с ним в реанимацию новорождённых.

– Я спокоен. Девочка?

– Она.

– Ну, хоть раз Виталик не ошибся. Это хорошо, что девочка. Чувствую себя Реттом Батлером. [113] Вадим, почему в реанимацию?

– Просто понаблюдать, – соврал тот.

В реанимацию дитя Ивановых отправлялось в связи с чрезвычайной вялостью рефлексов.

– Почему она не кричала? Или я отсюда не слышал?

– Она очень серьёзная девочка. Пришла в мир молча. Да пищала, пищала, успокойся. Сейчас обслужу её и к тебе вернусь. Или лучше ты ко мне заходи. – Вадим Георгиевич быстро вышел из родзала.

Женька пришел в себя лишь после того, как Зильберман вышел из операционной. Он собственноручно завершил кесарево. Хотя ассистировали ему Златова и Некопаев, а уж специалистов такого уровня можно было оставить на послышное ушивание после основных этапов.

– Пойдём, всё будет в порядке.

– Я хочу её видеть.

– Ну, глянь. Только у нас пролонгированный наркоз, так что она тебя не увидит.

– Зачем? – В Женькиной памяти всплыли все ситуации, требовавшие пролонгации бессознания, и ни одна из них благоприятной, мягко говоря, не была.

– Затем. Ты не доверяешь мне? Или ты не доверяешь Потапову? Скажи, кому из бригады, состоящей из твоего учителя и твоих друзей, ты не доверяешь? Или Маша кому-то из нас дорога меньше, чем тебе?

– Вам она дорога. А для меня она – всё. Она – это я.

– Вот и замечательно. Пойдём, накатим по сотке за твою новорождённую дочь. Ты не находишь знаковым, друг и ученик мой, что и тебе, и твоей дочери помог прийти в мир один и тот же человек? Что-то, наверное опыт прошлых жизней и смертей, подсказывает мне, что это не просто случайность и может пригодиться, как Ивану-Царевичу мышка-норушка.

– Серый волк, – бесцветно поправил его Женька.

– Пойдём, серый волк. Заглянешь к Маше через полчаса. Всё будет хорошо.

С Машей действительно всё было в порядке, хотя послеоперационный период она перенесла более тяжело, чем принято в обычной женской популяции. Во многом знании – многие сами знаете что.

Евгений Иванович с Петром Александровичем так «напринимались» на радостях, вернее, для снятия стресса, что перешли на обоюдное «ты», и спустя некоторое время Женька – наверное, глупо писать «по памяти» – запис – ... Мир катится в пропасть тысячелетиями.

– Да, но с одной оговоркой – в течение этих тысячелетий и даже миллионолетий он уже не раз докатывался до неё.

– Откуда ты можешь знать это наверняка?

– Ну, скажем так, я предполагаю. Хотя, могу заметить, истинное знание всегда верно, поскольку ментальными понятиями не оперирует и не манипулирует, соответственно.

– Ты обладаешь истинным знанием?

– Ирония неуместна. В любом случае я щажу твоё человеческое самолюбие и поэтому говорю, что предполагаю.

– Ладно, пусть так, и что же происходило тогда? Ты хочешь сказать, что человечество погибало и воскресало вновь уже не один раз?

– В контексте нашей беседы важно не то, что происходило, не сам апокалипсис, конец Мира – это отдельная тема, – а что предшествовало этому. Причины, если их можно так назвать.

– И?..

– Я думаю, что общие признаки всегда были типичны, архетипичны, точнее, – только формы менялись вместе с расами.

– Расами?

– Ты задал правильный вопрос – люди не раз возрождались на земле, и каждое новое человечество представляло из себя иной тип в масштабах планеты. Не генетически, конечно. Эта разница скорее сравнима с временами года. Каждое из них по-своему неповторимо, но куст ракиты – и есть куст ракиты, что летом, что зимой. Раса – это просто общепринятый термин. Мы – пятая раса, арийская.

– Пятое время года?

– Ты не иронизируешь, на самом деле, а просто выставляешь напоказ незнание планетарных традиций. Если твоё воображение в состоянии применить подобный сравнительный образ.

– Ну, ладно, ладно. Вот ты говоришь «общепринятый термин»? Кем принятый?

– Книжки читай.

– Да мало ли кто что пишет...

– Пишут достаточно.

– Что-то я ничего не припоминаю такого, чтобы...

– Стереотипы. Мирская слава и известность не шагает, как правило, с истиной

рука об руку. Хотя немало людей достаточно известных, в твоём понимании популярности, несли знание людям – Иисус, Будда, Магомет, пророки, их ученики... Множество людей, на самом деле, если начать перечислять подробно. Писатели, художники, Рерих, Блаватская, Платон...

– Ну, Платон...

– А Иван Иванович чем хуже? Не кажись глупее, чем ты есть, Иванов. Шаблонное мышление, которое нам прививается с детства и усугубляется каждый день, чуть ли не до самой смерти, плюс честолюбие – вот результат. О Платоне ты слышал как о классике, значит, положено знать, дабы не осрамиться, – примитивный ассоциативный ряд. А Блаватскую, например, ты не читал, и никто из твоих знакомых не читал, и этого становится достаточным для тебя, чтобы презирать великие идеи. Ты, как все, исходишь из того, что если не с кем обмениваться мнениями, то незачем и вовсе их иметь. Хотя я, кстати, предпочёл бы Гурджиева [114] – как тонкий сплав восточной хитрости и употребления результатов её деятельности на буквальное процесс познания. Да и Платона ты, скорее всего, тоже не читал: твоими мозгами и эмоциями управляет лишь стандартное представление об образованности и культуре поверхностных людей, извини. Знаешь, как выглядит ярлык, а духовное содержание не главное. Ведь и так сойдёт для окружающих. Вот так всё у вас – «человек для субботы».

– Ты чего заводишься?

– Я не завожусь! Просто поражает наивное и подсознательное стремление людей казаться дурнее паровоза. Ну как же, если поднимать КПД выше, чем у парового двигателя, – это же напрягаться надо.

– Не грузи.

– Я не грузю.

– ...

– Хорошо, давай пойдем простым путём. Ты согласен, что христианские заповеди действительно несут для человека благо?

– В общем да, конечно.

– Что значит, в общем?!

– Да, согласен.

– Хорошо. Вот и назови их мне, пожалуйста. Все.

– Ну, не убий, не укради... не прелюбодействуй... не...

– Всё?

– Нет, подожди... не... не сотвори себе кумира.

– Не напрягайся, а то мы тебя потеряем, как говорится, многие и того не знают или не помнят. Я предлагаю простую схему – на примере заповедей, мы с тобой посмотрим, живут ли люди сообразно законам божьим или духовным, как тебе больше нравится это называть, и определим те самые признаки, о которых я говорил минуту назад. Идёт?

– Давай. Только вот мне всегда было интересно, почему десять?

– Знаешь, есть такой старый анекдот. «Восходит Моисей на гору, неся в руках двенадцать заповедей Господних, написанных на больших и тяжёлых глиняных скрижалях, и обращается к народу: „Народ мой, вот я принёс тебе двенадцать...“, в этот момент уставшие руки не выдерживают, и две скрижали падают на землю и разбиваются вдребезги, „Тьфу ты, десять заповедей“. Сарказм, конечно, неуместный, но не в нём дело. Хорошая история – один увидит в ней лишь кощунство, другой – преодолеет последние барьеры слепого поклонения традициям и святыням и обретёт мудрость. Ибо святость не в храме, она в сердце. Бог посмеётся над злорадством, но примет дух ищущий. Почему десять? Десять чего? Правил? Указаний? Но я говорю – десять верстовых столбов. И между ними шаги, много шагов, и пройти их можно только с сердцем. Нельзя, зажав заповедь в зубах, что есть мочи жить. Кто сколько вынесет. И религия не догма, а руководство к действию, к росту – Завет, понимаешь? Завещание, напутствие. Инструкция для пылесоса, под названием „Человек“. Одному нужно выучить её наизусть, другому достаточно взглянуть на себя в зеркало и применить уже существующую внутри „инженерную“ мысль.

– Почему же тогда их так много?

– Кого?

– Религий.

– Разнообразие религий есть лишь суть разнообразие толкований Духа. Сколько было умных голов, способных на свой лад выразить Дух, столько и мнений сложилось в народах. Да и сама Вселенная приложила здесь руки – разбросала их ключиками по всему белу свету – лишь мудрый, собрав все ключи, поймет, что они... не нужны вообще. Это тебе не форт Баярд.

– А как же противоборство религий?

– Бороться надо со злом и глупостью. Отрицание – слишком роскошный грех. И стоя рядом с вечным счастьем, драться друг с другом из-за мнений могут только дураки. Слово „грех“ в буквальном переводе означает: „не попасть из лука в цель“, то есть совершить ошибку.

– Но ведь среди приверженцев разных религий есть очень умные люди.

– В стаде овец тоже есть ОЧЕНЬ лохматые овцы. Первый грех не даёт людям покоя в счастье земного бытия. Ну, ладно, поехали, Ветхий Завет, вторая книга Моисеева, Исход, глава двадцатая. Во-первых... „Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим“. „Догма!“ – заорёт фанатичный разум. А я слышу: „Да не будет у тебя делителя для неделимого принципа. Да не будешь ты отрицать, а лишь объединять знание о мире. И вот путь тебе – нет ничего, что бы могло оказаться за границей единого. Читай молитву, обращаясь к Магомету, Иисусу или Будде, но не оставляй пути, единого для всего сущего. Ибо Магомет, Иисус, Будда и многие другие – лишь отражение образа Господа Истинного и

Единого – великой силы творящей Вселенную и себя через неё. Да не будет у тебя другого знания, ибо движение в единстве – единственное животворящее движение, всё же прочее – пути смерти“. Вопросы?

– Нет вопросов.

– Постулат единобожия – лишь гипербола великого принципа познания, а не догма для религиозных фанатиков. „...Суд гасит страсть, Правительство – мятеж, Врач гасит жизнь, Священник гасит совесть...“ [115] Не помню, у кого это... Ладно. И что же мы наблюдаем? Люди до сих пор отрывают друг другу головы из-за разного цвета кожи, из-за неравенства в богатстве, из-за дележа власти и чёрт знает из-за чего ещё. Какой уж тут принцип единого познания? – Вселенная отдыхает! Во-вторых, „Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли“. Ну, здесь все делают лучезарные глаза. А как же, не сотвори себе кумира – это ведь так ясно! Конечно, ясно. Особенно далеко ходить не надо за подтверждениями. Но есть нюанс. „Не делай себе кумира и...“, так зачем же то, что после „и“. Как ты думаешь, какое ключевое слово в этой фразе?

– Думаю, „кумир“ или... „изображение“?

– Нет. Думаешь – поэтому нет. Верно, конечно, на своём уровне и то лишь отчасти. „...на небе вверху“ – читай макрокосм, „...на земле внизу...“ – наш мир, „...и что в воде ниже земли...“ – читай микрокосм. Вода – хранящая информацию субстанция. Ключевое слово делать . „Не делай себе...“ А это значит – не поддавайся моторному восприятию мира, не выдумывай, не моделируй. Нечего выдумывать – дух уже и так обладает знанием всего. Дух живёт, а не изобретает; дух воспринимает, а не подстраивается под невежество слепцов, движимых амбициями; духу не нужно ничего делать – он сам есть великое делание... Ну, и последнее по этому поводу, личное. Не сотвори себе кумира, значит: „Не будь с толпой“. Но не будь ни с ней, ни кумиром для нее... Я думаю, что здесь подробные комментарии о состоянии действительности будут излишни – мировая масс-медиа сеть – одно слово чего стоит – сделала свое дело – человечество достигло беспредельных высот в технологиях окумиривания себя самого... Далее, в-третьих, „Не произноси имя Господа, Бога твоего, напрасно...“ Живой Бог – это живой дух человека, а живой дух требует пристального, созерцательного внимания к себе. Или концентрированного действия. Посему пренебрежительно, походя, относясь к собственному духу, мы совершаем грех, то есть ошибку, исходя из буквального перевода с древнего иврита слова „грех“. Помяная всуе имя Бога, мы, на самом деле, приравниваем свой собственный божественный деятельный дух к малозначимым деяниям глупой человеческой воли, разбазариваем энергию и в конечном итоге формируем поведенческую матрицу, составленную из глупых привычек, далёких от реализации настолько, насколько майский жук далёк от идеи мирового господства. Неэффективность – зло. Большое зло. Настолько

большое, что Бог, или, если тебе угодно, высший разум, не преминул напомнить нам об этом в прямом обращении... Итак, неэффективность действий, лишённых духовного намерения, что тут можно сказать? Очевидность этого факта нашей жизни настолько явная, что загонит в глухую тоску любого, хоть каплю мыслящего человека, а выход находится, как правило, всегда один и тот же – довести тоску до крайней степени, опустошить себя окончательно и начать всё сначала. Хочу лишь заметить – количество циклов ограничено... Но кто думает о таких мелочах?! Все собираются жить вечно! Однако есть нюансы – не всем светит!.. Дальше. Четвёртое, „Помни день субботний, чтобы святить его... не делай в оный никакого дела...“ „Что за чушь?!“ – скажет любой трезвомыслящий человек, вот это уж точно попахивает догматизмом. Жизнь не ждёт. Есть неотложные дела – пустое говорить о расписании, правда? Что значит – ничего не делай?! Для любого нормального человека ничего не делать – это значит, отпихнув так называемые обязанности, впасть в сибаритство.

– Ну...

– Баранки гну! Шесть дней Бог творил мироздание, а на седьмой – решил отдохнуть. И по доброте душевной нам, малым детям своим, тоже завещал, так, что ли?

– Мне кажется – это уже вопрос религии...

– Нет никаких вопросов религии! Есть всегда один вопрос – вопрос духа! И здесь тоже. Давай по аналогии – какое ключевое слово?

– Не знаю.

– Конечно же „святить“! Святить, освятить, освящать, быть святым, хоть один день в неделю оставлять дела сущие и обращаться к духу. И только к духу. Заповеди – не закон. Это уговор, мольба, если хочешь. Мольба Великого Сущего к нам, тщедушным его творениям, дабы обогатить нас, сделать сильными. „Заведите себе хорошие привычки, – говорит нам Бог, – если уж совсем не можете отказаться от плохих“. Ведь это здорово на самом деле – памятуя о просьбе Всевышнего, раз в неделю оценивать свою жизнь через чистый дух, через сердце. Обращать взор внутрь себя и радоваться, находя микрокосм равным макрокосму, без кумиров и изображений, а все как есть. Волевым усилием выкидывать своё тело, душу и мозг из непрерывного цикла двуликого функционирования. Это что, плохо?! Это что, не для человека?!

– Знаешь – это всего лишь твой взгляд...

– Да. Это всего лишь взгляд. Но взгляд, который делает меня счастливее и сильнее, чем взгляды скептиков, духовных трусов и крохоборов, погрязших в казуистике нечестных отношений с самими собой. Это взгляд, который светит в темноте, а не запутывает последние тропки в сумерках рассуждений и банальных сопоставлений, которые сводятся только к одному, выяснить, кто кого круче!

– Дальше. В-пятых. „Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле...“ Тут тоже всё непросто, хотя на первый взгляд кажется иначе – уважай людей, приведших твою бессмертную душу на землю и отдавших тебе лучшие годы своей жизни, хоть как-то, но отдавших... А как ты думаешь, что значит „чтобы продлились дни твои на земле“?

– Что здесь непонятного – живёшь по закону Божьему, и в совокупности энергетический баланс на твоей стороне в плюсе. Больше энергии – дольше её перераспределение в течение жизни.

– Это всё правильно, в общем. Но почему именно в этой заповеди говорится о зависимости длительности жизни? Если уж рассуждать, как ты, о сохранении энергии, то „не прелюбодействуй“, пожалуй, должно стать основным активом экономии, а?

– Не знаю, не задумывался...

– Да потому, что родители – это твои первые, хотя, может, и не единственные, кармические друзья в жизни. А в дружбе главное – самоотдача, какими бы они ни были. Непочтительное отношение к родителям приравнивается к предательству друзей. Ведь не сказано: „люби“ или „бери пример“, ни слова про сыновний долг. „Почитай“, почёт – это то, что нужно им, и Бог просит, подсказывает тебе – дай этим людям то, что им действительно нужно. А будучи приведёнными в порядок, отношения внутри кармы реально уменьшают процент кармических коллапсов, приводящих к гибели людей раньше отведённого им Богом срока. Так что сказано – не мути в?ды кармы, и будешь полностью на земле, а в противном случае не сможешь отдать всего себя миру и не станешь сам всем миром. Вот так-то, дорогой.

– Оригинальная интерпретация – постараюсь запомнить. Только я не верю в реинкарнацию, и понятие кармы для меня весьма туманно.

– Карма – это просто опыт твоего духа в масштабах Вселенной, а не в рамках искромётного проявления на земле по адресу: Третья улица Строителей, город Мухосранск! Ты можешь не верить в реинкарнацию, но это всего лишь гипербола, способ сказать тебе о безграничности Духа Мира, бессмертная часть которого живёт и в тебе, и в том майском жуке. И не нужно ничего запоминать – этим надо жить. А чтобы так жить – чаще обращайся к сердцу. Там есть твой собственный путь, и там же ты найдёшь нужные слова, которые не нужно запоминать, они станут частью твоей жизни, и при необходимости, продиктованной сердцем, они будут выходить наружу и вливаться в сердца других людей не своим смыслом, а силой знания, светом...

– Шестое. „Не убивай“. Это просто и понятно любому нормальному человеку, правда?

– Думаю, да.

– Когда жизнь даётся с таким трудом, творить смерть – безумие. Непростительная ошибка перед миром. А что мы наблюдаем? Культ ловкого

убийцы. До нравственности даже дело не доходит – настолько всё складно. И где-то там за кадром грязная сторона дела – отвратительная, беспощадная, как запёкшийся сгусток чужих мозгов на асфальте... Чужих, заметь. Ненависть и месть в глазах мальчишек отражается как рыцарская доблесть. Культ силы, читай „вседозволенности и безнаказанности“, в сочетании с никогда не удовлетворенными амбициями превращает людей в скотов, даже свет не проникает в катакомбы, где по сырым щелям, оглохшие и ослепшие от ужаса, прячутся их собственные души. Промысел смерти не страшен сам по себе. Страшна агония душ, вставших на этот путь. Их жизнь – чёрная дыра. Даже если они решатся испустить в мир свет – тяжесть уплотнившейся тьмы не выпустит его. Никто не услышит их мольбы, никакая весточка не долетит от них до нашей Вселенной. Полная изоляция. В одиночестве может жить надежда, но Чёрная Дыра Духа – это Ад. Кто пожелает себе такой доли?!

– ...

– Седьмое. „Не прелюбодействуй“. Сложная для объяснений заповедь, при всей видимой простоте. Начну с конца – „не кажись“.

– Не понял.

– Поймёшь. Не кажись, не пре– любо– действуй– или буквально не действуй ОКОЛО любви-действуй В Любви. У любви потому и нет определения, что это – состояние. Состояние проникновения, единения. А состояние не определяется – оно познаётся идущим, проживается. И все определения – лишь жалкие обрывки ментальной памяти о пережитом сердцем в духе. Интеллект не способен восстанавливать переживания подобного уровня. И плотская человеческая любовь – лишь слабое, но подобное отражение этого принципа. То есть истинное действие – только проходящее через сердце. Человек всякими хитрыми путями уходит с этой тропы, но желание, как данность, остаётся. Тогда он находит выход – замещает в себе принцип, оставляя только контур, форму, а с формами можно работать, только находясь снаружи. Вот и оказывается – любовь отдельно, а несчастный человек отдельно – вертит кувшин в руках, а напиток не может. Ведь жизнь без сердца – лишь похоть, в широком смысле, как потакание самому себе, без истинных действий и стремлений, то есть ничего, ноль. „Не прелюбодействуй“ не значит: „не спи, с кем попало“. Это значит: „будь собой“. Потому что, чтобы быть собой, требуются дух, сердце и любовь.

– Восьмое. „Не кради“?..

– Что?

– Попробуй ты.

– А что здесь пробовать, не кради ничего...

– Что „ничего“?! Гипербола. Закон Духа – не твоим сердцем выращенное для тебя пользы иметь не будет, а может, и вред. Что толку в фотографиях чужого путешествия, когда твой собственный путь не пройден? „Не кради“ – значит не

подменяй истинное действие изображением, взятым в театре иллюзий. Без комментариев.

– ...

– Девятое. „Не произноси ложного свидетельства на ближнего своего“. А иначе: не бери в руки бразды судьбы, бразды правления Творца. В человеческой воле усмирять гордыню, но не в её власти вершить судьбы. Я уже не говорю о том, что любые построения в царстве лжи смертельно опасны для духа человека и в первую очередь для самого лжесвидетельствующего. Гибнет дух, знающий истину, и человек, свидетельствующий против неё, вознося гордыню или молясь золотому тельцу, остаётся незащищённым перед злом и гибнет сам.

– А на моём веку найдётся масса примеров обратного расположения – оклеветанные, честные люди гибли, а их палачи здравствуют и процветают поныне.

– Ты не понял. Гибель оклеветанного – смерть мученика, дух и сознание его укрепляются в мире, живы и творят. А жизнь палача-лжесвидетеля подобна тюрьме и смерти – выхода нет для духа и неизбежна гибель его. Посему лжесвидетель в первую голову – самоубийца, и нет прощения человеку, добровольно кидающему дар Божий – не жизнь земную, а дух мира, в клоаку смерти и разложения. А жертву свою лжесвидетель, сам того не ведая, возносит и укрепляет в мире.

– Десятое, „Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего... ничего, что у ближнего твоего“. Зависть – вечный спутник гордыни, мрачного и несуразного призрака, живущего в каждом сердце, как напоминание об обратном направлении жизни... Для таких и сказано: „Не желай ничего более, это твоя данность, твоё испытание, отступишь – потеряешь свой путь. По силам твоим и по высочайшему плану дана тебе задача. А не потому, что Господь скаред или азартен в игре людскими судьбами“. Бог есть всё знание и сила мира, и он справедлив уже лишь тем, что безупречен в этой полноте. И условие твоей задачи, читай „жизни“, не взято наобум, а выверено в мельчайших частицах материи и в траекториях движения галактик. Нет более приемлемых условий для тебя, чем те, которые ты имеешь. А весь бред о справедливости нашёптывает мрачный призрак – порождение хаоса. Есть старый анекдот-притча на эту тему: „Жил-был один человек, долго уже прожил он, испытывал разные мытарства и всё день изо дня молил Бога избавить его от непомерного креста и ниспослать более лёгкую ношу. И так он извёл Творца своим упрямством и глупостью, что явился Бог перед ним и сказал: „Хорошо. Пойдём за мной“. И привёл его на небесный склад, а там полным-полно разных крестов, во все стороны света и края не видать. „Выбирай“, – сказал Господь. День ли, год ли провёл человек в поисках ноши по себе, никто не знает. Но однажды в пыльном глухом углу склада попался ему маленький медный

крестик. Он так приглянулся человеку, что, взяв его в руки, он уже не хотел расставаться с ним. Пришёл он к Господу и сказал: „Дай мне его“. Долго смеялся Господь, а когда успокоился, человек спросил его, почему так смеялся он. „Да ведь это твой крест, непутёвая твоя голова,“ – ответил ему Господь...“

На этом запись обрывалась... Потому что тогда в кабинет заведующего вошёл Потапов и позволил Евгению Ивановичу пройти к жене. Там, в палате интенсивной терапии, он и заснул счастливейшим из снов на соседней кровати, предварительно категорически-запрещённо покупив и даже дав Маше, едва отошедшей от народа, затынуться. Зильберман вовсе не был пьян. То есть совершенно. Спустя десять минут он вошёл в палату, погладил одурманенную Машу по лицу и, обратившись инъекцией омнопона [116] к спящему Женьке, сказал:

– Я знаю, мальчик, есть такие женщины, что наркоз не наркоз, а тебя режут по живому. И такие мужчины. В общем есть, интерн, – хотя Иванов давно уже не был интерном, – такие люди, что умирают вместе и воскресают вместе. И у одного из них всегда найдётся стратегический запас мёртвой и живой воды для другого в должное время.

– Вот кретины, Пётр Александрович, да?! – отвлёк его довольный Потапов. – Сюда ещё Светка с Виталиком рвались с бутылкой. Одна Лось умница – вместо бухла принесла конкретные медикаменты, что будут списаны по обсервации. Я им говорю: „Не превращайте мне интенсивную в кабак. Завтра переведу на этаж, вот в блатной палате и гудите до полной и окончательной выписки“.

– Серёжа, ну ты понял, да? Мы об этом нигде не пишем, хотя я, как никто другой, отдаю себе отчёт в том, что это – должностное преступление, и никогда не говорим Иванову.

– Обижаете, Пётр Александрович. О чём вы? Разве что-то было? Все полтора часа гемодинамика была стабильной.

– Вот об этом я и говорю. Кто съел конфеты? Я никаких конфет „Белочка“ не видел! – печально улыбнулся Пётр Александрович.

– Ну, мы же с вами сейчас наедине.

– Прости, Серёжа, я в твоём умении хранить секреты не сомневаюсь. Как и во всей бригаде. Просто у этих детей всё поровну. Они являют собой редчайший пример мировой гармонии. Баланс, доведённый до абсолютизма совершенства. И то, что случается с одним из них, обязательно произойдёт с другим. Рано или поздно, так или иначе. И в созданное ими может рикошетом попасть. Ладно, все мудрствования от лукавого. Истинно лишь простое наблюдение и соответствующее моменту действие.

– Ваша правда, господин Зильберман! Я так выражать свои мысли, как вы или Женька, не умею. Хотите тупой анекдот расскажу?

– Валяй.

– Звонок. „Алё?! Это реанимация? Больной жив?!“ – „Ещё нет“.

– Тьфу ты! Никакого у тебя уважения к охраняемой контрольно-следовой полосе между жизнью и смертью, товарищ „пограничник“.

– Так не вы ли сами, Пётр Александрович, не раз говорили, что смерти нет, что жизнь и есть смерть, и наоборот.

– Мало ли, что я говорил. Слушай больше, ещё и не такого наговорю. Иногда банан, Потапов, это просто банан.

– Знаю. А дефибриллятор [117] – просто дефибриллятор.

У Маши Ивановой на этапе извлечения плода внезапно произошла остановка сердца.

Она настояла на комбинированном эндотрахеальном наркозе. Сказав, что тупо откажется от кесарева сечения и скончается от отёка мозга у них на глазах, если они собираются оперировать её под эпидуральной анестезией.

Искусственная вентиляция лёгких великая вещь. Как опция к дару предвидения.

Минус время на интубацию. [118] Плюс электрический разряд, вовремя пропущенный через электролит.

Надежда на Бога помогает не плошать.

Новорождённая девочка на удивление быстро миновала все сложности адаптационного периода. Вадим Георгиевич тихонечко порвал первую неонатальную [119] историю, чтобы она, не дай бог, никогда не попала на глаза ни Маше, ни Женьке. С этих станется. Иногда диагнозы ничего не значат. В особенности – предварительные. Для людей, имеющих классическое медицинское образование, подкрепленное некоторым опытом, словосочетание: „Множественные кровоизлияния в головной мозг“, подтверждённое ультразвуковым сканированием, могут вызвать...

Судьбы мира, страх без меры

Накатились волною,

И упал Франциско Гойя

Навзничь... [120]

Вадим же был куда опытнее Маши и Жени, – мы все верим в лучшее, если речь идёт не о нас, – и знал, что чудеса случаются. Иногда пупс, рождённый розовым, с оценкой по Апгар [121] в десять максимально возможных баллов, громко орущий миру не то о своём приходе, не то от ужаса, оказывается куда менее жизнестойким, чем раскрашенное в синеву гематом, петехий [122] и экхимозов, [123] молчаливое неприглядное н?что, что, подрастая, становится красивым, здоровым и талантливым. Незачем его друзьям знать то, что знал он – или предполагал, что знал, – в момент рождения их ребёнка. Он достал новый бланк и переписал историю новорождённой наново. Девочка Иванова тарасила на Вадима Георгиевича Нечипоренко свои умные голубые глазёнки, вовсе не мутные, как это частенько бывает у младенцев, – мало чьи души настолько быстро очухиваются от субвселенских „перемещений“, и, как ему показалось,

даже подмигнула, мол, молодец, дядька.

„Переутомился“, – подумал заведующий детской реанимацией. Он действительно всю ночь не отходил от этого кювета. [124]

– Как назовём? – строго оглядела тётка Анна всех собравшихся в гостиной её дома вокруг стола сразу после выписки Марии с новорождённой из родильного дома.

– У меня нет идей, – сказала Маша. – Главное, чтобы вменяемо и более-менее по-русски. Или что-то, имеющее общепланетарное хождение. Вдруг она замуж за иностранца выйдет.

– Только бы не за мусульманина! – вставила мама Леночка.

– Какой замуж, идиотки?! Она всего десять дней назад родилась. И у неё ещё нет имени. Женя, я считала тебя ответственным взрослым мужчиной. Ну, скажи своё мужское слово! Ты у нас всё единственное и единственное, – ехидно завершила Анна.

– Помните ли вы, как звали нашу бабушку? – спросил Женька.

– Конечно, помним. К тому же все документы только-только на покойницу оформляла... – отозвалась тётка Анна и хлопнула себя ладонью по лбу.

– Я помню! Я помню, как её звали! Нашу бабушку звали Анной! – вдруг внезапно бойко выпалила мама Леночка. – Только не кажется ли вам, что этого имени в нашей семье слишком?

– Мы тебе не персонажи романов, мы – живые люди. Не запутаемся. Ну? – посмотрела Анна на Женьку, уперев руки в бока.

– Нареем младенца Иванову – Анной! – примирительно заверил тётку Женька. – Если, конечно, Маша не против.

– Очень даже за. Нормальное имя. Хочешь – Аня, а хочешь – Энн. На украинской мове вот только страшно звучит – Ганна. А по-русски очень даже ничего. Анна. Красивое имя.

– А главное, редкое, – захихикала мама Леночка.

– Цыть! Решено! Крестить будем дома. Тех, кто без яиц, через алтарь не носят, а воды у нас – хоть залейся. Попа привезу.

– Может, не надо? – осторожно спросила Маша. – Вырастет, сама решит.

– Ой, а кто же ей мешает решать-то, когда вырастет? А лишним и вредным крещение не будет.

– Ключи, – усмехнулся Женька.

– Что?

– Ключи от форта Баярд. Пусть будут.

Тётка Анна прослезилась. Спустя неделю она притащила в дом попа, с которым после щедро оплаченного обряда нехило вмазала и потребовала объяснить, есть ли жизнь после смерти. Тот благостным красивым баритоном что-то нёс о милости господней и о всепрощении, чем творение божье Анну Романову совершенно не удовлетворил. Она требовала как минимум рабочих

чертежей Рая и Ада, причём сработанных в графическом редакторе для пушей наглядности.

– Ну вот, превратили молитву в фарс, – надулась Машка. – Крестить надо в церкви.

– Машка, да не будь ты ещё глупее тёти Ани. Какая разница, где и как? Да хоть по всем церквям по очереди её носи, вреда не будет. Перечитай „Простодушного“, [125] там есть хороший фрагмент именно о крещении.

Тётка Анна втихоря от всех написала завещание, где всё своё движимое и недвижимое имущество оставляла Анне Евгеньевне Ивановой. Больше никому ничего не оставляла. В случае смерти Анны Романовой до достижения наследником совершеннолетия опекуном назначался Евгений Иванович Иванов. Случись и с ним, тьфу-тьфу-тьфу, что-нибудь – Мария Сергеевна Иванова. О бумаге знала лишь мама Леночка, потому что совсем уж никому не сказать тётка Анна не могла. Но она взяла с подруги слово хранить молчание. Да и это было лишним, потому что из Леночкиной головы очень быстро выветривалось всё, что не имело непосредственного отношения к текущему переводу с человеческого на умозрительный и обратно.

Анечка подрастала на редкость красивым и здоровым ребёнком. Ничего необычного в ней не наблюдалось. Она была правшой, исключительной памятью не обладала и не тыкала в ужасе пальчиком в сторону кастрюли с горячим рассольником, которая через пять минут сверзится с плиты. Мария Сергеевна и Евгений Иванович любили друг друга. И до сих пор тяжело переносили даже недолгие расставания. Особенно были мучительны Машкины командировки и его ночные дежурства.

* * *

– Простите, господа, что был вынужден вызвать вас в столь неурочный час. – Женька на мгновение почувствовал себя персонажем пьесы Гоголя.

В ординаторской его ждали хмурые дядьки – постарше и помоложе, в штатском и по форме. Они некоторое время возмущались, мол, зачем их оторвали от дел борьбы с особо важной преступностью и каким боком они здесь вообще нужны. Терпения и смирения Евгению Ивановичу было не занимать, потому он дал представителям закона высказаться, а затем мягко и уважительно, но настойчиво попросил зафиксировать факт обращения в приёмный покой родильного дома гражданки Маргариты Вересовой, в сопровождении супруга Алексея Вересова, с запущенным поперечным положением мёртвого плода, возникшего в результате родов на дому в присутствии лиц, не имеющих лицензии на частную медицинскую практику. Мужики принялись было спорить, но, оценив по достоинству некоторую даже приятно-просительную вежливость, обычно нехарактерную для этой белохалатной касты, а также презентованный коллекционный коньяк, смягчились и некую бумажку с печатями и подписями ответственному

дежурному врачу Иванову выдали.

– Только никакой силы эта бумаженция не имеет. Максимум, что из неё можно извлечь, – это сомнительное „неумышленное нанесение вреда“. Да и то, самому себе. У нас в стране, Евгений Иванович, даже рождённые дети – что-то на манер домашних животных, хочешь – бей их, хочешь – не корми, и никто тебя прав родительских лишать не будет. Всем плевать. Менты, простите, тут бессильны, хотите верьте, хотите – нет. Максимум, что мы можем сделать, – это внушение с пристрастием. Ну, понимаете... Да только после такого внушения они дома вообще как звери себя ведут, эти мамы и папы так называемые. Сколько их, бездомных, с пропиской и сирот при живых родителях. И что мы можем? Ну, заберём, в приёмник-распределитель отдадим. Оттуда – снова в отчий, прости господи, дом. И снова на улицу, вокзалы-переходы. А тут – нерождённый. Так что, Евгений Иванович, до этого самого места, которым ты по роду службы занимаешься, тебе эта наша бумажка.

– Пусть будет. Спасибо, мужики.

– И тебе спасибо. А то вечно: „менты-сволочи“. Доброе слово и менту приятно. Бывай. Вызывай, если что.

Женька вклеил бумагу в историю родов. Она же в родзале, хоть история жизни и смерти, хоть болезни – всё равно под грифом „История родов“. После продиктовал интерну запись осмотра, протокол операции и отправил переписывать в операционный журнал. Он вышел в необратимо яркое послерассветное утро и набрал мобильный жены:

– Не спишь?

– Ты же знаешь, зачем спрашиваешь? Я никогда не сплю, если ты дежуришь. Это сильнее меня.

– Строчишь очередной шедевр?

– Если будешь издеваться, я от тебя уйду.

– Ладно. Только далеко не уходи. Я просто так звоню, узнать, как у тебя дела.

– Дела у меня хорошо, я строчу очередной шедевр, как ты изволил выразиться, и если буду уходить, то недалеко.

– Куришь небось как паровоз на голодный желудок?

– Женька, ты балбес. Что у тебя случилось?

– Я одной силой обаятельного смирения выжал из ментов нужную мне бумажку с печатью и подписями, представляешь? Нормальные парни, кстати. Остальное дома расскажу.

– Да уж, приходи скорее. Ты помнишь, что сегодня пятница?

– И мы будем пить. Помню-помню. У нас с друзьями есть традиция, плюс-минус раз в месяц мы собираемся у Ивановых и пьём с видом на субботу, как самые что ни на есть люмпен-пролетарии. Плюс-минус пятьдесят два раза в год. Ужас!

– Хочешь, сегодня отменим все это к чёртовой матери?

– Нет, не хочу. Не хочу нарушать хорошую традицию. Всё, малыш, целую.

– И я тебя.

Он нажал отбой.

– Другая бы за десять лет уже научилась преспокойно давать храпака в одиночестве. – Ну как же, чтобы Лось не выскочила за ним. Почему им всем приятнее курить в компании? Сакральное русское действие „перекур“. Тётка Анна очень удивлялась тому, что таджики работают. Начали – и работают. Отсюда и до заката. Без перекуров. Как они только в живых-то остаются без устрашающе регулярных получасовых посиделок на бревне?

– Поэтому, Людка, она и не другая. Ты сегодня будешь у нас?

– А как же.

– Как всегда одна?

– Такая у меня, видимо, судьба.

– Дура ты, Людка.

– Дура. Только ты, Жень, никому не говори. Всё равно не поверят.

Людмила Николаевна Лось вовсе не была душой. Она была умной. Грамотной, дотошной, настырной. Временами даже упёртой. Упёртой, как лось. Нет, это не глупая шутка, а самая обыкновенная правда. Правда не бывает умной или глупой. А ещё у правды нет ручек, ножек и чувства юмора. Поэтому правда не шутит.

И Людмила Николаевна Лось действительно носила такие имя, отчество и фамилию. Именно так было написано в её паспорте. По иронии судьбы. По мужу. Он и был той самой иронией судьбы. Точнее – кривой усмешкой. Людка была высокой синеглазой фигуристой шатенкой. А он... Росточком не вышел, ручки и ножки были похожи на палочки богомола, а мордочка – не то на печёное яблочко, не то на мартышкину задницу, в зависимости от того, благостен он был или зол.

Он почти всё время был зол. После того как потерял работу из-за интриганов, завистников и прочей нечисти, коей во множестве в обычных жэках, где он и трудился до увольнения всего лишь скромным инженером-электриком. В тоске по несовершенству мира и в обиде на всех и вся он возлёт на диван, да так и лежал в расстроенных чувствах уже пару лет, периодически вставая, чтобы посетить туалет, холодильник и свою маму, люто ненавидевшую Людку неизвестно почему. Свекрови, что правда, хватало ума отговаривать Сергея Лося от развода с Людмилой Лось. Потому что в чей тогда туалет и к чьему холодильнику будет бродить её сын? Нет уж. Пусть Людка, как прежде, заботится о её сорокалетнем неразумном отроке и об отвратительно воспитанной внучке-подростке, до безумия похожей на гадкую Людку. И о ней самой, о маме мужа. Потому что именно Людка раз в неделю заруливала к ней на стареньком разваленном „BMW“, чтобы завезти продукты, лекарства и дать денег.

Никогда! Никогда, сука, не задерживалась больше, чем на полчаса! А старому человеку так мало надо. Всего лишь общение. Всю оставшуюся субботу Людкина свекровь могла метать громы и молнии в бездушную сволочь негодяйку-невестку, сидя с товарками на скамейке во дворе. Те, бывало, проявляли редкостное непонимание и пытались возражать и оспаривать Людкину гадость, потому как из окон своих квартир они имели прекрасную возможность видеть размеры и содержимое пакетов, извлекаемых Людмилой Лось из багажника.

– А почему твой сын не привозит тебе всё это? – недальновидно спрашивали они.

– У мальчика депрессия! Его уволили! А вы – старые, выжившие из ума ехидны, ни дна вам ни покрывки.

– Да его вроде год или два уже как уволили? – прищурившись, уточняла какая-нибудь не в меру пытливая соседка.

– Вы завистливые гадкие твари! – Людкина свекровь поднималась со скамейки и, царственно опираясь на клюку, служившую ей, по правде говоря, исключительно аксессуаром, гордо удалялась.

Старушечки действительно завидовали. Потому что „вот ведь, такая невестка получше иной дочери“.

Людмила Николаевна, кроме того, что была прекрасным администратором, хорошей женой, матерью, дочерью и невесткой, имела невероятный акушерский талант. Золотые руки. Гений структурирования беременных, рожениц и родильниц.

Она только заходила в палату или родзал – и те успокаивались. Она была добрая, но строгая. Властная, но понимающая. Человек-лидер. Но свой лидер. Не из заоблачных врачебных высот, а из соседнего подъезда. Что интересно, она была своей и в докторской среде. Она умела где надо – поддакнуть, где тихо подсказать. Незаметно, кроме непосредственного адресата, отрицательно покачать головой.

Есть такие люди, что называется, „на своём месте“. Вознеси такого судьба к вершинам – у него хватит эритроцитов, чтобы справиться с обилием кислорода свободы. Брось такого к параше бытия – через пять минут он будет другом пахана. Не из-за умения приспособливаться, а потому что такой. Такой. Такой его, этого человека, дар. Быть своим среди своих. Потому, что чужих для него не существует.

– Привет! Меня зовут Людмила Николаевна. Что тут у нас за слёзы? Почему мы нервничаем?

Понимаете? „У нас“. Совершенно особенное „у нас“. Не то идиотское, пролайферское, „у нас пися воспалилась“, потому что „пися“ воспалилась у другого человека, будь он даже твоим трёхмесячным сынишкой. А то „у нас“, которое у нас – у баб. У женщин. У девочек. У невесток и даже у свекровей.

Потому что свекровь становилась свекровью „до“ и „после“. А во время Людки она точно так же, как другие, попадала в ауру „освоения“ её Людмилой Николаевной Лось любого пространства из чужого в своё. И ещё она была... абсолютно несчастной женщиной. Не надрывно страдающей, а по-тихому несчастной.

Сборища у Ивановых она любила, приходя к ним то с дочерью, то с собакой, а то и с той и другой. Но никогда – с мужем. Отчего она с ним не разводилась, было загадкой для всех. Даже для неё самой.

– Зачем он тебе? – спрашивала не в меру дотошная Златова, что уже давным-давно была не Златова, а Нечипоренко.

– Чтоб был. Отстань.

– Нет, ты мне объясни! – настаивала та.

– Что я могу тебе объяснить? За мной очередь не стоит. Прекрасный принц Вадим Георгиевич, придя в роддом, влюбился в тебя, а не в меня. Иванов, только появившись в интернатуре, полюбил Полякову сразу и навсегда. Для Зильбермана я была слишком взрослая и умная. Да и не моего полёта птица. У него жена, любовница и друг Елена Николаевна. Ситникова. Потапова подбирать после Джуриной не хотелось. Впрочем, пока я раздумывала, и его увели. Некопаев так же проржавел на вечном приколе, как и я. А больше в нашем роддоме и плюнуть не на кого.

– Мир не ограничивается стенами родильного дома, Людмила Николаевна!

– Да. Мой мир ещё ограничивается стенами квартир. Своей, маминой, сестры и свекрови. И собачьей площадкой. Где встретить кого-нибудь, кроме семейных или одиноких собачниц, невозможно. Слушайте, я что заметила, одинокие бабы чаще заводят собак, чем одинокие мужики. Холостяки предпочитают вообще никого не заводить. Да и сами из природы, кажется, уже повывелись. Так что, Светка, пусть он себе лежит на диване. У меня есть дочь, собака, друзья и работа. Мне больше ничего не надо, честное слово.

Что до любовников – хлопотно это и неэффективно. Да и „не прелюбодействуй“, в конце концов.

– Именно это ты и делаешь, – бурчала себе под нос Машка.

– Что?

– Да не обращай внимания. Это я так. Зильбермановские штучки.

– Вот за это я вас и люблю. Вы – не такие. Я у вас душой отдыхаю, простите за банальность, необычные вы мои.

– Мы самые обыкновенные, Люда, – говорил Женька, – такие, какими задуманы все.

Утро стремительно приближалось к пятиминутке. За десять лет почти ничего не изменилось. Быть может, антураж, не более. Меняется ли в мире хоть что-нибудь, кроме антуража? Всё те же запахи и звуки сопровождали пробуждение организма под названием „родовспомогательное учреждение“. Всё так же

гремели современными швабрами санитарки. Всё в той же тональности стучал металлом, шуршал ёршиками и хлопал биксами средний медицинский персонал.

Всё теми же тропами бродили по своим делам беременные, роженицы и родильницы в чуть более модных тапках и халатах. Всё то же просили они у телефонов – кефир, сгущённое молоко и памперсы. Да ещё и трусы с прокладками. Против чего все врачи, хорошо знакомые с микробиологией и физикой гниения, были против, но в силу изменившихся условий не возражали. Себе дороже нынче стало эскулапам чужое здоровье.

Всё так же курил в приёмном покое под скрип Колеса Сансары Евгений Иванович Иванов. Уже чуть более врач, чем интерн, – заведующий отделением обсервации.

Бойцов заведовал гинекологией, и в его жизни мало что изменилось. Сын его повзрослел и научился извлекать выгоду из странных отношений между родными. Сам Игорь стал более грузным. Отношения с братом становились всё непримиримее. Им бы расстаться раз и навсегда. Ан, нет... Вечна сага об отношениях.

Некопаев добавил лет, и это, пожалуй, всё, что с ним произошло. Разве что он стал отцом в третий раз. Но, честно говоря, не придавал этому особого значения. Всё его внимание было приковано исключительно к Марии Сергеевне Ивановой. Жаль, что она уволилась, и счастье видеть её выпадало крайне редко. Он не понимал, почему Евгений Иванович позволяет ему приходить в их дом, дружить, готовить на кухне и петь песни своего бесконечного Б Г. Если бы Женька попытался объяснить, что всего лишь позволяет тому просто не сойти с ума, не запирает наглухо в камере казуса безответной любви к Маше, Виталик вряд ли бы его понял.

Рыбальченко ушла на пенсию в шестьдесят пять лет, а в шестьдесят шесть умерла от массивнейшего инсульта, осиротив „вечно больного“ мужа, неприкаянно бродившего теперь в четырёх стенах, никому не нужного, лишённого чрезмерной заботы и опеки. А он к ней за столько лет привык, и никак не мог умереть. Хотя надо бы. Внучка замуж вышла, тяжело с родителями в один санузел ходить.

Семёновна всё ещё работала старшей акушеркой смены в физиологическом родзале. Всё-таки она была на целых пять лет моложе глуховатой покойной подруги, и почётно спровадить её на пенсию после случившегося со Светланой Ивановной опасались. Да и хорошие акушерки стали „произрастать“ куда реже, чем „увядать“. Впору в „Красную книгу“ заносить.

Чуприненков сменил профессию. Ему приходилось кормить семью, что со времён окончания вуза увеличилась на две детских головы, в связи с чем потеряла одного взрослого кормильца. Жена, обслуживающая малолетних детей, обходилась дешевле няньки. Изначальных стартовых благ в виде

собственной московской жилплощади у Сергея и его супруги не было, так что на зарплату врача он никак не мог... вообще ничего. Кажется, он пошёл торговать ультразвуковыми установками для избавления от летних насекомых загородных усадеб „богатых буратин“ и весьма преуспел в этом деле. Даже закончил что-то жутко менеджерское со временем – не то МВА, [126] не то что-то аналогичное отечественное, во множестве расплодившееся за истекший период новейшей истории.

Академик, который действительно помог Машке быстро защититься – сразу после того, как она написала докторскую диссертацию для Ситниковой, – красиво старел, и популяционное большинство так и не разглядело слегка тронутое гнильцой нутро за благообразной внешностью. В конце концов, дорогие сыры, к примеру, очень сильно смердят, но знатоки утверждают, что это признак высокого класса.

Анестезиолог Потапов женился. На девочке, поступившей на прерывание в позднем сроке по социальным показаниям. Искусственные роды прошли успешно, девочка была хороша и к тому же похожа на отъехавшую на ПМЖ в Австралию Джуринскую. И он как-то очень быстро женился на ней, и ещё быстрее зачал и родил здорового желанного карапуза. Всё-таки осложнение, случившееся с Анной Романовой, чрезвычайный раритет, а не популяционная норма.

Почему Джуринская уехала в Австралию? Устала любить. Устала опекать. Устала от надрыва. Продав квартиру и окончательно рассчитавшись с карточными долгами мужа, развелась с ним и отправилась в брачное агентство с одной-единственной целью: найти нового мужа. И такой нашёлся в ныне благополучной стране бывших каторжников и рогатого скота плюс-минус коренное местное население. Брачный контракт оговаривал всё – вплоть до свободных от супружеских обязанностей дней и раздела имущества мужа в случае „если что“. Спустя некоторое время Людмила Николаевна получила от Анжелы восторженное письмо. Она страстно-надрывно влюбилась в бывшего соотечественника, которого занесло в австралийские просторы из стольного града Киева.

Заведующий отделением патологии в свободное от работы время по-прежнему предпочитал заниматься мужскими телами, а не женскими.

Елена Николаевна Ситникова, заслуженный врач РФ, доктор медицинских наук, по-прежнему была де-юре – начмедом по акушерству и гинекологии крупной многопрофильной больницы, а де-факто – главным врачом родильного дома. Была всё так же громогласна внутри коллектива и так же яростно защищала персонал от нападок извне. Она даже узаконила свои отношения с последним „мачо“, потому что он неожиданно оказался хорош не только в постели, но и в жизни. Они решили стареть вместе. Это было как минимум разумно. Тем более сейчас, когда ей стало очень тяжело. Возраст катился к

пенсионному, а тот, на кого она привыкла полагаться значительную часть своей жизни и в радости, и в горе, уже не мог служить ей опорой.

Акушерка Анечка, малолетняя поздняя любовь Зильбермана, вышла замуж. За мужа роженицы. Ну, то есть сперва она, конечно, дождалась его развода. А влюбился в неё незадачливый папаша, ещё держа на руках свежее испечённого предыдущей супругой младенца. Прямо в коридоре родильного зала. „Она прошла, как королева...“ – всего-то и делов. Круговорот мужей в женской замужней природе.

Светлана Анатольевна Златова, то есть уже Нечипоренко, недавно была назначена на должность заведующей физиологическим отделением, с его послеродовым и мощным родильно-операционным блоком, оснащённым палатой реанимации и интенсивной терапии.

Потому что Петра Александровича Зильбермана не стало.

* * *

– Доброе утро, коллеги.

В отсутствие Елены Николаевны Ситниковой утреннюю врачебную конференцию проводила Светлана Анатольевна.

И всё покатило по давно заведённому алгоритму.

Дрожащим голосочком протараторила с листочка отчёт молоденькая акушерка приёмного покоя. Спокойно зачитала журнал родов главная повитуха смены физиологического родзала. Звонкоголосая Лось отчиталась по наблюдению родзалу. Доложила об ответственных беременных отделения патологии хриплым голосом молодящаяся девушка средних лет, бывшая за крепким мужем и работавшая скорее от скуки, чем от нужды или по призванию. Беспрестанно зевая, равнодушно пробубнила о состоянии дел на этаже послеродовая акушерка. Затем скороговоркой рассказала, что творится в наблюдательных эмпириях, тамошняя средняя медработница. Пропищали вести об истекших двадцати четырёх часах детские сёстры. И наконец, синяя от ужаса перед и.о. начмеда медицинская сестра отделения гинекологии пролепетала, сколько аборт и операций там было выполнено.

Что говорить – люди не меняются. Лишь, говоря на профессиональном сленге, ротируются. Как „яблочко по тарелочке“. И лишь тарелочка из века в век показывает приблизительно одни и те же картинки: скандальное бабье, мужиков-сплетников, несчастных юродивых, злых шутов, добрых царей, незамужних похотливых принцесс и остервенелых климактерических королев. И стоит ли говорить о том, что люди не меняются? Если ты „посередине этого разгула“ уже давно как рыба в воде, а, Евгений Иванович?..

Светлана Анатольевна отпустила всех по рабочим местам.

– Евгений Иванович, зайдите ко мне в кабинет!

– Хорошо, Светлана Анатольевна. Только в интенсивную палату зайду.

Физическое состояние Маргариты Вересовой было стабильное. На языке

официальных медицинских документов „удовлетворительное“. В лечебных учреждениях человеку не бывает „хорошо“ или „плохо“. Там его состояние оценивается по шкале с отметками „удовлетворительное“, „средней тяжести“, „тяжелое“ и „крайне тяжёлое“.

Анестезиолог был жизненными показателями пациентки удовлетворён и более держать её под пристальным, интенсивным наблюдением нужды не видел.

– Маргарита, в течение дня вас переведут на этаж – в послеродовое наблюдательного отделения.

– Доктор... – она помедлила. – Ему не было больно?

Евгений Иванович, естественно, понял, о ком шла речь.

– Нет. Он был уже мёртв.

– А до того?

– Маргарита, вы помните, как вы рождались? Вам было больно?

– Нет, но вот там... там мне говорили, что мы всё помним и всё чувствуем и... – Она расплакалась. – Я не знаю, как с этим жить дальше. Он мальчик... был? – Последнее слово далось ей с видимым трудом.

– Да. Маргарита, всё, что я могу вам посоветовать, как врач, это успокоиться и дать организму некоторое время окончательно прийти в себя. А как человек – найти хорошего психолога. Или хорошего священника. Что, по сути, – одно и то же. Ключевое слово: „хороший“. Слава богу, в жизни оно иногда имеет реальные воплощения. Любой из нас вправе на это рассчитывать. Так что всё, что от вас требуется, – это воспользоваться этим правом. Вы ещё молоды – вам и карты в руки.

– Может быть, его ещё можно было спасти?

– Вы, к сожалению, не слушаете меня. И это можно понять. А я, к сожалению, не умею воскрешать из мёртвых. И знаете – это понять, и тем более принять, сложнее. Осознайте факт, что он был мёртв, когда вы поступили в родильный дом. Как долго он был мёртв, я сказать точно не могу. Но когда ваш муж привёз вас в приёмный покой, плод, – он намеренно избежал слова „ребёнок“, – был окончательно и необратимо мёртв. Если вы хотите искать виноватых – здесь их нет. Если вы хотите решить проблему – я вам помогу, насколько смогу. Принимайте, пожалуйста, всю положенную терапию. Ходите на обработку влагалища и швов промежности. Если будут вопросы – обращайтесь к лечащему врачу или непосредственно ко мне, заведующему отделением.

Женщина отвернулась, продолжая всхлипывать.

– Что есть, то есть. Каких ещё банальностей я должен вам наговорить, чтобы вы успокоились?

Женька почувствовал, что глухое раздражение внутри солнечного сплетения готово переродиться в гнев, как оно прожигает дыру в диафрагме и, принеся временное облегчение, погружает в пучину ломки раскаяния. Гнев – слишком сильнодействующий наркотик для человека. Женька не позволял себе его

принимать.

„Отче наш, Иже еси на небесах! Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должникам нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого“.

– Эта „рабоче-крестьянская“ молитва безотказно нормализует энергетические потоки, – не раз говорил ему Зильберман. – Не совсем так же, как перекачивание шариков в ладони или перебирание чёток, но, как и прочие незамысловатые ритмичные действия, – весьма продуктивна. Станет невмоготу, произноси её про себя. Чётко. Время её произнесения как раз укладывается в ещё приличную даже для диалогового общения паузу.

– А чем хуже любая другая молитва или, к примеру, стихи? – интересовался Женька.

– Стихи? Ничем не хуже, если они действительно поэзия мира, а не просто какой-нибудь бездельник поссать вышел. И кроме того, – в смысл ментальных построений ты вдумываешься, а твои внутренние вихри тем временем творят, что хотят. А другие молитвы просто длиннее. Я, например, и вовсе других не знаю. Возможно, тебе, с твоей памятью, будет проще. Но повторю ещё раз – эта молитва самая простая и самая ёмкая и позволяет быстро и эффективно усмирить разбушевавшегося внутри демона, будем так называть то, что не имеет названия, для пущей наглядности. Я уже не раз говорил тебе, что именно ритм, а не слова произносимых молитв или выкатывание яйца лечит всякую „бесноватую“ хворь. Он синхронизирует ставшие хаотичными, в силу тех или иных причин, колебания энергопотоков человеческого тела с мировой гармонией. Если ты будешь внимателен, то увидишь, что маленькие дети и некоторая часть тех, кого даже современная психиатрия считает умалишёнными, раскачиваются, пытаются себя успокоить. Вспомни, что делают с грудными младенцами, чтобы они уснули? Укачивают. Монотонно укачивают. И это тоже лишь синхронизация „длин волн“, если угодно. Молитва – по сути, тот же ритм, – если мы говорим о физике метафизических процессов, прости за иронию.

– Я столько ненормальных наблюдал, фанатично бьющих поклоны, ползающих на коленях, крестящихся на образа и молящихся, молящихся, молящихся, но особой благодати в них не заметил. Не говоря уже о синхронизации с мировой гармонией.

– Я вот, Евгений Иванович, лишь иронию порой себе позволяю, а вы до сарказма изволите опускаться. Физкультура, должен вам ответить, поддерживает тонус. Спорт же калечит. Я уже достаточно узнал твой характер, мой юный талантливый друг и ученик. Так что просто поверь мне... – Женька прищурился, – на слово. Поверь, для тебя „Отче наш“ то, что доктор прописал. А стихи оставь для тех, кому помогает и фармакологический препарат-генерик

[127] . Лично я обеими руками за патентованные средства».

Ох, как же его не хватало!..

– Маргарита, сейчас вам введут обезболивающее и успокаивающее, – сказал Евгений Иванович, погладил её по голове, перебросился парой слов с анестезисткой, вышел из палаты интенсивной терапии и отправился в кабинет заведующей физиологическим отделением, который находился напротив родзала «№ 2».

Он постучал и, не дожидаясь ответа, вошёл. Кабинет мало изменился, поменяв хозяина на хозяйку. Только исчезли картины, оставив на поседевших от времени стенах штампы тёмных квадратов.

Светлана Анатольевна сидела за столом и что-то строчила своей леворукой вязью в очередную историю родов.

– Садись, Жень. Сейчас, пару слов допишу. Кофе сделай себе и мне, ладно?

Кофемолка стояла на старом месте. Новые зёрна покоились в старой выцветшей банке. И даже кофеварка, под чьё урчание Женька пролистал альбом Куинджи, всё ещё держалась подальше от розетки. Так было при Петре Александровиче, и Светка скорее перенесла бы розетку, чем сдвинула хоть что-то с места.

– Она его не забрала. – Светлана Анатольевна кивнула на альбом. – Не заметила. Может, рука не поднялась. Не знаю. – Светка закрыла историю.

Речь шла о жене Зильбермана. После того, что случилось, она мгновенно очистила кабинет от ст?ящих личных вещей. Коллекция картин была его собственностью. Одну из них он всё собирался подарить Ситниковой. Да руки не доходили из кабинета в кабинет перенести. Вот ведь – спуститься с пятого этажа на первый оказалось дольше, чем подняться из шестнадцати в шестьдесят. Всё наше пресловутое «потом». Как будто только мы будем жить вечно. Возможно, так оно и есть, но если есть что-то близкое, родное – как можно не прожить его немедленно!

Женька подошёл к окну. В солнечных струйках пыли ему навстречу выглянула фотография в тонкой багетной рамке, висевшая над кроватью.

– Да уж. Немедленно... – тихо сказал он.

Это фото сделал анестезиолог Потапов у ЗАГСа, после того как Машка и Женька расписались. Они не хотели шумной, изматывающей нервную систему и опустошающей карманы свадьбы и, пригласив друзей к Женьке домой к определённом часу, отправились узаконить свой союз перед Богом и людьми простым оттиском печатей в паспорта. Кеды с кроссовками надевать не стали. Нарядились прилично. На Мане было одеяние, именуемое Женькой «умри грусть», – ничего откровенного, кстати, как мог уже предположить искушённый читатель. Напротив, весьма целомудренное длинное трикотажное платье. В обтяжку. Но почему-то в нём Мария Сергеевна была куда сексуальнее, чем в любой из многочисленных коротких юбочек. Женька с

трудом обнаружил в своём гардеробе одну-единственную пару не джинсовых и не кожаных штанов. И одну-единственную, но весьма приличную и модную рубашку. Откуда они там взялись, он не мог вспомнить, несмотря на все свои мнемонические способности.

– Это «происки» тёти Ани, можешь не сомневаться! – заверила Машка, доставая тряпки из шкафа.

Женя делал серьёзное лицо, а Машка всё время глупо улыбалась, пока сосредоточенная и немного похожая на грозную директрису средней школы тётя с бляхой на пузе произносила речь, желая молодожёнам всего того, чего врагу не пожелаешь. То есть – всего самого наилучшего.

– Я потею, – шептала Маша. – Сейчас на платье уже разводы появятся. Это ужасно! Ты толще меня, а не потеешь!

– Я не толще. Я – больше. Ничего, я буду любить тебя и потную. Мне нравится, как ты пахнешь. И вообще, мы женимся, а ты тут про разводы! Терпи!

Тётка, голося «расписные» мантры, кидала на них укоризненные взгляды. Зато после чёткого выполнения команд: «Обменяйтесь кольцами!» и «Можете поцеловать друг друга!» – их, наконец, отпустили на волю.

В свидетели, кроме Бога и светлого воинства Его, никого не звали. Женька – на всякий случай, засуетился было в последний момент – может, привлечь каких-нибудь посетителей ЗАГСа? Но церемониймейстер заверила, что можно и так. Сказав, что взрослые и психически нормальные, – тут она сделала паузу и поглядела на парочку с сомнением, – имеют право совершать таинство, хоть так, хоть эдак. Как их нормальной психике заблагорассудится. Бог – Свидетель!

– Не догма, и слава богу! – расслабился Женька и послал брачующей нимфе воздушный поцелуй.

Та в ответ даже улыбнулась. А Мария Сергеевна, не обращая внимания на коленца, что выкидывал «натурализованный» супруг, уже прикидывала в уме ближайший кабачок, где она успеет принять спиртного до обусловленного приглашёнными гостями времени «Ч». И тут как вспыхнет! Маша быстро надела тёмные очки, логично полагая, что блики предназначены толстой матрёшке на заднем плане, укутанной в фатин, за которую держался слабеющими руками парень, идеально подходящий для иллюстрации астенического телосложения в учебнике пропедевтики [128] внутренних болезней.

Ан нет! Из-за кустов выскочил Потапов и потащил их к ближайшему фонтану, где уже ожидала вся компания. И Светка с Вадимом, и Люда с Анжелой, и Бойцов, и даже покорный судьбе «рыцарь печального образа» Некопаев. Были распиты пара бутылок шампанского, и фотосессия закономерно переместилась в ту самую «Полуяпонскую кофейню Случайного Города».

Когда они, наконец, дотащились до Женькиных пенатов, развесёлые, как

дворовые хулиганы после удачной вылазки, то застали за празднично накрытым столом в гостиной чопорную бабушку с камеей, приколотой к огромному кружевному воротнику, суетливую краснеющую маму Леночку, уже слегка хмельных Семёновну и Рыбу, приодетых, как на майскую демонстрацию, и яростную тётку Анну, кидающую презрительные взгляды на смазливую Анечку, что без тени смущения растекалась по Зильберману, как сгущёнка по сырнику.

– Где вы бродите, свиньи?! – завопила она вместо положенных поздравлений, едва открыв дверь.

– В кабаке! – честно грохнула компания «свиной».

– Да ну вас! – засмеялась тётка Анна, моментально сменив гнев на милость. – Раз уж на родных вам наплевать, но гости же ждут! Две почтенные дамы и дедушка с внучкой! – И, довольная тем, что, наконец, нашёлся повод высказать давно рвущуюся наружу колкость сомнительного остроумия, весь вечер доброжелательно беседовала именно с Петром Александровичем. Так и не признав в нём того самого врача. За что и была вознаграждена искренней взаимностью – пациенты редко узнают врачей двадцать с лишним лет спустя; а врачи пациентов – тем более.

Когда за столом стало жарко, как в кузне, и чередой циклических возлияний за здоровье молодых, стариков и детей вышла на третий круг, Женька взял слово:

– Помнишь, я обещал тебе написать, что, будь ты старым негром, это было бы сложно, но не невозможно? – Он протянул Мане свернутый в трубочку лист бумаги, перевязанный бечёвкой. – Вот. Я написал. А всем остальным расскажу. К тому же это почти тост. Отчасти и за то, что ты – не старый негр...

К концу этого «тоста» Машка уже рыдала. Не столько от хмеля и усталости, сколько от счастья. Прослезилась почти все присутствовавшие дамы. Слегка нахмурились Бойцов и Некопаев. Радовался, прикрыв глаза, Пётр Александрович. Радовался, что иногда в мире всё просто по местам.

С тех самых пор Машка Иванова, имевшая, в отличие от мужа, ярко выраженную склонность к фетишизму, носилась с этим текстом, «одетым» в рамочку, как с писаной торбой, раз в год перевешивая с места на место. В конце концов, сказанные им слова действительно стоили видного места. Возможно, эти страницы и есть то самое видное место, достойное подобного:

«Если бы я родился китайцем в провинции Шаньдун, у нас оставался бы ещё шанс встретиться... Встретиться. Лишь... Ей не нравятся мужчины с фенотипом кузнечика.

Пришлось бы постараться. Заняться фитнесом, более или менее прилично одеться и выучить несколько фраз абсолютно незнакомого языка, избегая воробьиного акцента. С зарплатой в пять долларов в месяц мне это, конечно, вряд ли удалось. А посему пришлось бы потратить ещё лет пять, изучая Конфуция (в подлиннике, разумеется), медитируя и...

А если бы она в это время разучивала шаманские танцы племени зулусов, вождём которого был её папочка?!

Шанс оставался бы, даже родись она в Якутии в семье почётного алкаша-оленевода. Он оставался, если бы мы встретились. Но... Боюсь, традиции её народа, привитые властной рукой близких родственников, и моя склонность к эстетствующему материализму не дали бы ему развиваться.

Мне страшно подумать, что было бы, родись я пингином на берегах Антарктиды, а она экземпляром редкого вида ночной бабочки на Мадагаскаре... Даже тогда у нас оставался шанс встретиться. Это было бы прелестно – наивно-туповатое любопытство пингина и изящно-скоротечное восприятие бабочки с ярко выраженным суицидальным синдромом.

Да-а... Бог очень постарался, приготавливая нас друг для друга.

Надо отдать Ему должное: Он не стал усложнять нам и себе жизнь, запуская в работу один из вышеупомянутых алгоритмов, вероятность реализации которых сродни неуместной шутке по характеру и чуду по возможности воплощения. Бог не сноб – ему не свойственен циничный сарказм. А что касается чуда, то даже дети знают: безупречная и терпеливая подготовка способна произвести на свет что угодно. Что же говорить о Боге. Когда Он планировал чудо нашей встречи, то делал это скрупулёзно и бесстрастно, за что Ему превеликое спасибо.

Он так и сказал мне тогда: „Заслужил ты счастье земной любви или нет, мне неведомо. Потому как незачем мне ведать подобное. Знаю лишь, в этот раз время твоё придёт, и придёт время той, чьё время придёт для тебя. А посему решаю Я не родиться вам ни пингином, ни китайцем, ни дочерью потомственного оленевода, ни бабочкой. А родиться вам там, где Я, и когда Я. Но сидеть тебе на душевной печи страстей человеческих, и лежать ей (как звать не скажу, и не проси) на дне реки прозрачной в омуте страха и пороков. Но когда время придёт и жизнь ещё пребудет в вас, да будет благо вам“.

Вот так и сказал.

И родился я в нужное время в Москве, людьми и делами их славной, а не пышностью гордой слова „столица“. И, как вы понимаете, родившись, напрочь забыл тот разговор с Творцом всего и всея сущего. И родился я в смраде страстей житейских, в ауре вечного конфликта отцов и детей, с жаждой пить, есть, знать и размножаться. На что с переменным успехом и благословлял то себя, то неплохо натренированное своё тело. И есть у меня подозрение, что пингины, китайцы, бабочки и дочери почётных оленеводов занимались в это время приблизительно тем же, каждый на свой лад.

И всё же спасибо Тебе, Господи, что не наделил меня манерами пингина, а Её скоротечной жизнью бабочки...»

Женька оторвался от фотографии.

– Здесь всё так болезненно напоминает о нём. У меня вообще паскудное

чувство, будто я занимаю не только чужое место, но и чужую спальню. Тут же всё – его. Даже эта фотография. Я его пижаму из ящика не могу вынуть и отдать в «общепароходский» круговорот. Бритвенный прибор не могу выкинуть. Ну кому он нужен, его бритвенный прибор? Ужас. Самое страшное в смерти – это собраться с духом и выкинуть... вынести... я не знаю, раздать, что ли?.. У меня ведь такое уже было, когда родители погибли. Я металась по квартире, пила, курила и выла. То папину рубашку понюхаю, то на мамину помаду наткнулась на полу. И не могу поднять, представляешь? Не могу. Закинь я в стиральную машину отцовскую одежду или подними эту помаду, и мир рухнет. Исчезнет. Превратится в ничто. В пустоту. Так два дня и провыла, пока Вадим не пришёл, пинков не надавал, в душе не омыл, снотворными не напичкал, и спать не уложил. И пока я в отключке была, всё убрал, вынес, вымыл. А я даже какой-то засохший салат из холодильника не могла в мусоропровод отправить. Это же был их салат, понимаешь? Салат, который помнил их живыми... Как будто, выкинув салат, ты убираешь ненужного уже свидетеля того, что они были.

– Света, все эти категории мы присваиваем материальным вещам сами.

– Да знаю я, знаю. Только отчего же так тяжело?.. Ладно. Хорошо страдать. Вечером у вас с бабами пострадаю. А сейчас о работе. Я Ситниковой позвонила, сообщила, что у нас тут плодоразрушающая была. Она даже не сильно истериковала, против обыкновения. Сказала только, кроме рапорта, к главному врачу сходить ножками и устно его в известность поставить, пока слухи не донеслись или родня Вересовой не поднялась в галоп. Ситникова сейчас собственной тени боится. Пенсия не за горами, а на должность претендентов со стороны сам знаешь сколько. Ей и так уже пеняют, мол, на заведованиях у неё сплошные «внутренние резервы», мол, негоже ставить на заведование каких-то собственноручно возвращенных безродных «малолеток», Светлана Анатольевна не очень любила походы к новому главврачу. К Алексею Гавриловичу они уже все привыкли и знали все его закидоны, а также владели тактикой пережидания или форсирования оных. Как обращаться с «новой метлой», большинство сотрудников пока ещё не очень знали. Тонкостями коммуникативных таинств Евгений Иванович Иванов владел куда лучше Светланы Анатольевны Нечипоренко, хотя последняя была и старше его почти на десять лет. Женщины вообще более склонны эмоционально реагировать на обычные рабочие ситуации, что бы там ни пели в миру воинствующие феминистки, мечтающие о повальном оскоплении следовых остатков истины женской и мужской сути.

– Пойду, куда я денусь. – Женька допил кофе. – Только тебе придётся составить мне компанию, как и.о. заместителя главного врача по акушерству и гинекологии Ситниковой. Чтобы по букве. А то он может меня и отправить восвояси, не выслушав. Или не приняв всего лишь скромного заведующего.

Только пообещай мне, что ты будешь, по возможности, молчать, глубокомысленно надувать щёки и односложно, бесстрастно отвечать лишь на непосредственно обращённые к тебе вопросы. Акцентирую. «Бесстрастно», Света, – это значит «без страсти». Как бы он ни повышал голос, ты будешь оставаться официально вежливой и максимально корректной, но и без подобострастия, если он проявит благосклонность к нам, «сирым», договорились?

– Я очень постараюсь.

– Вот и славно. Пойдём, моя боевая подруга.

Они спустились на лифте в подвал. Дружно закурили по сигарете и молча отправились переходом, давным-давно известным до мельчайших неожиданных закоулков, подъёмов и спусков, луж и внезапных звуков.

Чуть позади «точки старта» осталась каморка бессменного завхоза Лукьяныча – мастера на все руки, нетипично образованного для такой должности, учитывая, что эпоха буддистов в котельных и поэтов в дворницких давно миновала. Но с мастеровым сухощавым подтянутым стариком Лукьянычем всё обстояло иначе. В прошлом он был, выражаясь благородно, разведчиком. Порусски говоря – гэбистом с приличными звёздами на погонах.

Неспокойный характер не позволил ему наслаждаться благами заслуженной пенсии на даче в Венках, и он с утра до ночи носился по родильному дому, подкручивая, прибывая, переставляя и пригоняя. Надо сказать, у него отлично получалось. Он мог отремонтировать при помощи такой-то матери не только протёкший кран, но даже высокотехнологичное оборудование и отрегулировать дорогостоящий функциональный операционный стол, к которому недопоставили стратегически важную деталь. Иногда он оставался в своей «рабочей квартире» подвального этажа и на ночь.

Жена его умерла, а детям и внукам он был не очень-то интересен. Здесь же, у лифта, в любое время суток можно было заполучить собеседника, удивить его знанием арабских диалектов и предложить выпить по чуть-чуть из удивительных «командирских» рюмок. Лукьяныч был вроде роддомов?го, и понравиться ему считалось делом чести для вновь прибывших. Последних, впрочем, об уровне интеллекта «пролетария» осведомляли заранее, дабы те не опростоволосились, попав на удочку «Штирлица» в отставке. Любил он развлечься, закосив под пожизненного слесаря-сантехника, столяра-плотника и «ассенизатора, революцией призванного». После этой фразы он обычно прищуривался на новенького, и если тот отвечал: «О! Я тоже люблю Маяковского!», то в последующем он мог рассчитывать на помощь Лукьяныча в починке шкафчика, ящичка и даже внезапно поломанного каблука или севшего аккумулятора. А также в случае чего на психологическую кофейно-коньячную поддержку. Высокомерные же особи, считающие наличие врачебного диплома изначальной богоравностью и не опускающиеся с

заснеженных белыми халатами вершин до перекура и беседы с простым тружеником халата синего, Лукьянычем презирались, и прогнозы, сделанные им в отношении будущего подобных субъектов, как правило, сбывались. Неизвестно было, чем таким он занимался ранее, но людей знал неплохо. Если не сказать – видел насквозь. Зильбермана Лукьяныч боготворил, на похоронах появился при полном параде, а после – три дня пил горькую, не выходя из своей подвальной норы, прежде вбив в стену гвоздь и повесив фото Петра Александровича с традиционной черной траурной лентой наискосок.

– Вы куда с утра пораньше поскакали?! – крикнул он вдогонку Женьке и Светке.

– К главному, Лукьяныч. Приветствую.

Они остановились, и с Женьки корона не свалилась, вернуться и пожать сухую, теплую и всё ещё крепкую руку старика. Светка кивнула и улыбнулась.

– На вручение люлей?

– Скорее, на профилактическую прививку, Лукьяныч! – крикнула Светка.

– Ну, давайте-давайте, топайте! И чтобы без осложнений! – благожелательно напутствовал тот.

Далее бетонный пол делал небольшой, незаметный глазу уклон. Там, в «низине», шагов через пятнадцать собиралась лужица из капающего сверху – чуть пригнуться, – с толстой магистральной трубы, обёрнутой теплоизоляцией. И никакие «помывки» и ремонты не могли изменить этого обстоятельства. В холодные зимние ночи лужица подмерзала, и, если возникала необходимость идти в главный корпус, надо было максимально включать сознание – «поклон» трубе «на автомате», – и ты уже лежишь, поскользнувшись на мини-катке.

Со стороны грузового лифта, находившегося на противоположной стороне, подобных «природных явлений» не было. Правда, иногда сквозь зарешеченное металлическим «корсетом», но дырявое полотно ещё одной двери во внешние миры подвальный коридор заметало сугробами. Так что, если дело было лечебное, в главный корпус в зимнее время принято было топать «с той стороны». Но мало ли какие у кого бывали дела.

Далее справа была раздевалка персонала. Слева – студенческая и интернов. Пройдя ещё немного мрачным подземельем, путник выходил к подземелью ещё более мрачному. Вернее сказать – торжественно-зловещему. У этих «врат» (в виде проёма) в бесконечное бетонное «никуда» сходились пути от лифтов легкового, грузового и пищеблока, не раз выручавших тайных лазутчиков и беглецов. Здесь же обычно ел, грелся и курил безобидный дебил Витёк, возивший на тележке бидоны с больничной снедью из пищеблока главного корпуса.

Еда всё ещё выписывалась на каждую пациентку, но они в большинстве своём бюджетным харчам предпочитали домашние, лишь изредка не брезгуя кефиром или тарелкой овсянки. Акушерки без усталости таскали больничные супы и каши

говорящим, лающим и мяукающим, а санитарки, живущие за городом, – те, что сутки через трое, – ещё и хрюкающим. Витёк собирал мусор и бычки, бурча под нос, как трёхлетний карапуз, которого уже вразумили, что бросать бумажки на пол – это плохо, но не подсказали, что лишь малая часть взрослых исполняет то, чему учит детей.

В зимнее время он на пару с Лукьянычем разметал в пух и прах сугробы лопатой, лепил снеговиков и выписывал прутиком на снегу незамысловатые слова из трёх букв. Местного юродивого не обижали, принося ему из дому то пару брюк, то шоколадку, а то и блок сигарет.

Женька и Светка синхронно бросили окурки в допотопную металлическую урну и вышли на сорокаметровый этап подземелья, над которым под солнцем располагался жиденский парк, где, несмотря на строгие запреты, выгуливали по утрам собак жители окрестных домов, а по вечерам на скамеечках, поставленных для удобства прогуливающихся ходячих больных главного корпуса, собирались окрестные «бронеподрутки» и прочие неблагополучные личности с пивом, плевками и оглушительными матюками. Периодические рейды по их разгону долгосрочного эффекта не обеспечивали, и спустя пару дней эта публика вновь собиралась на шабаши в лесок, окружённый больничными корпусами.

Больничная территория была обнесена неким подобием ограды, но въездные ворота становились доступны сразу после окончания светового рабочего дня, а от дырок в заборах были давным-давно натоптаны тропы – жители микрорайона «срезали крюк», торопясь утром из дома к метро и автобусам, а вечером – в обратном направлении. Ни одно «восстановление целостности» не могло продержаться более суток. Уж в чём в чём, а в упорном сопротивлении общественному порядку нет равных русскому человеку.

По стенам зловещего прохода, напоминавшего скорее межгалактическую тюрьму из триллера, чем хозпомещение государственного учреждения, справа и слева змеились трубы. Звуковых эффектов тоже было достаточно. Гулкое эхо шагов, вздумай ты тут дефилировать не в рабочей бесшумной обуви. Метров через пятнадцать включится жуткий насос, причём сразу за твоей спиной. Что это за насос, каково его предназначение?

Об этом агрегате ходили страшные легенды на манер пионерлагерных чёрных-чёрных рук. И сколько бы лет ты ни ходил мимо него, всё равно вздрогнешь и, нервно хохотнув, невольно ускоришь шаг, чтобы к предстоящей развилке принестись на всех парах. Там, главное, – не забыть притормозить. Пойдёшь мрачными, редко хоженными из родильного дома тропами прямо – в морг попадешь, налево – по грунтовке потрусишь в больничный гараж, а вот направо стелется столбовая дорога в царство главного корпуса.

Евгений Иванович и Светлана Анатольевна направлялись именно туда, где в обустроенных цивилизованных интерьерах административной части здания

располагается приёмная главного врача. Отремонтированная, светлая, полная благ цивилизации и людей, всё это обеспечивающих.

Здесь же, в подвале, трубы справа и слева начинают множиться и становятся похожи на зловещие гигантские техногенные лианы. Больница – организм с множеством «артерий» и «вен». И чем крупнее «орган», тем больше магистральных «сосудов» приносят творящие его жизнь жидкости и уносят отработанные субстанции. Иногда трубы резко уходят ввысь, изогнувшись прямыми углами, и в просветах стен внезапно обнаруживаются двери с замками и без замков.

Иные помещения используются, другие производят впечатление заброшенных. Но это не так. Из них выглядывают любопытные холёные крысы с глазами ироничных старцев и приветливо помахивают тебе длинными хвостами. Ни одна акция по истреблению не приводит к окончательному исчезновению этих животных. Слишком уж они разумны и осторожны. Об их коварстве, живучести и прочих характерных для любого социального общества чертах написано множество томов биологами и зоопсихологами.

Крыса – символ агрессии, гниения, распада, разрушения, бедствия и смерти. Но она же выступает символом мудрости. Крыса всегда выбирает самую лучшую пищу из возможной и первой покидает тонущий корабль. В Древнем Риме белая крыса обозначала удачу, а в Китае родившийся под знаком Крысы считался наделённым очарованием и притягательностью. Но нигде и ни у кого, ни в одной энциклопедии, ни в одном гороскопе не написано, что означает смерть под знаком крысы.

Истекающего кровью Петра Александровича нашёл один из техников, обслуживающих километры жизненно важных больничных коммуникаций. Нашёл у одной из таких дверей из ниоткуда в никуда. «Беги в приёмный главный корпус. Скажи: множественные ножевые, проникающие в брюшную полость, ранение паренхиматозных [129] органов», – с трудом прохрипел тот и даже попытался ободряюще улыбнуться, мол, не дрейфь, парень, не суетись, беги и скажи им, что я велел!

Перед Петром Александровичем в окровавленном белом халате и человеком в синей рабочей униформе стояла... крыса. Стояла на задних лапках, спинкой к Петру, вытянув шею и угрожающе оскалив резцы на обслугу подвального мира. Зоопсихологи сказали бы, что крыса пришла в состояние повышенной бдительности. Она приняла оборонительную позу, угрожает противнику и испускает звук, не воспринимаемый человеческим ухом. Испуганный парень попытался её прогнать, но Зильберман махнул рукой: «Оставь».

Увы, пока под землю спустились дежурные приёмного покоя и хирург, Петра Александровича уже не стало. Если в человеческом теле «прорывает» магистральные сосуды – оно истекает жизнью за считанные минуты.

Крыса отбежала на безопасное расстояние, но не уходила, нервно кружа, пока

его не уложили на каталку и не увезли. Со слов абсолютно не подверженного никакой метафизике заведующего реанимацией главного корпуса, который случайно в ту ночь оказался в приёмном и понёсся в подвал вместе с коллегами, выражение её глаз было абсолютно осмысленным. Но он не мог сказать, каким именно . Отчаянным? Нет. Ей было больно? Нет. Всё сразу. И ничего из перечисленного. И ещё ему показалось, что она плакала. Почеловечески. Роняя слезы на пыльный бетон. Показалось? Наверное, глаза, затуманенные собственной влагой, искривили восприятие реальности.

Убийц нашли быстро. Банальный случай – наркоманы в поисках дозы. Слово «банальный» утратило выразительность вследствие частого повторения. Обычный. Когда один человек убивает другого, мы говорим: «Как обычно». Обычно превратилось в обычай . Или так было всегда? Наркоманы, обычно , часто крутятся возле больниц, и некоторые из них даже знают потайные ходы.

Как правило (ещё один незамысловатый оборотец в контексте), они не агрессивны и на умышленное убийство не способны. Но самые опустившиеся, те, кому уже нечего продать, негде украсть, самые больные, чья жизнь, утрачивая многообразие проявлений и возможностей, сжимается в пульсирующий ад единственной потребности, способны на что угодно.

Человек в белом халате для них по определению – владелец зелья. Объяснить, что это не совсем так, – невозможно. Иллюзии, создаваемые их больным воображением, ночью, в подвале, где им, мучимым ломкой, страшнее, чем ему, идущему по своим врачебным делам и насвистывающему незатейливый мотивчик, привели к фатальному исходу. «Парни, успокойтесь». – Пётр примирительно поднял руки. Жест, в любой психологии означающий готовность к переговорам. Что-что, а «заговаривать» он умел. «Крыса! Смотри, огромная крыса! И она растёт!» Подвал не слишком сильно освещён, а змеящиеся по стенам трубы искажают и без того причудливую игру света и тени. Огромное невероятное создание, порождение тьмы, шло, чтобы уничтожить. Один оцепенел, а второй бросился на тварь и втыкал в неё нож, пока та не съежилась и не стекла по стене. «Ты убил его! Идиот! Ты убил его!»

Неумышленное убийство в состоянии аффекта и абстинентного состояния. Дали им немного. Была какая-то очередная гуманистическая программа под эгидой международных фондов, отмывающих бабки в планетарных масштабах, что призывают быть терпимее к «пользователям инъекционных наркотиков». [130] И тратят на раздачу одноразовых шприцев и постройку одного-единственного хосписа для больных СПИДом (в помещении бывшего коровника) суммы, сопоставимые со стоимостью десятка адронных коллайдеров. [131] Видимо, разница между отчётными и действительно затраченными средствами и есть та самая квинтэссенция гуманизма, предназначенного для отдельной, очень небольшой, части человечества.

Усилили охрану. Если можно считать охраной санитарок в двух-трёх точках

«официального» проникновения в больницу и расхаживающих там же в светлое время суток сомнительно-пузатых или, напротив, чрезвычайно тощей наружности, дядечек в форме. С наступлением темноты они куда-то исчезали, оставляя за стойками вооружённый лишь словом добрым неизменно женский персонал. Вот оно, одно из основных, вкуче с женщиной в оранжевом жилете, достижений суфражисток. Очаг остыл, воин сбежал, и ты сама себе охрана. А между боями перекусишь пластиковыми макаронами и запьёшь порошковым кофе, да не лёжа в постели, а сидя на перекрестке неудобных миров.

В приёмном покое главного корпуса установили решётку, закрывающуюся на амбарный висячий замок, который элементарно вскрывался обычной большой канцелярской скрепкой. В роддоме не было и этого. Лишь так называемые «бронированные» двери главного входа и приёмного покоя. Кроме того, оставались подходы от пищеблока главного корпуса, из здания поликлиники, и при желании в больницу можно было проникнуть через окна второго этажа административного корпуса, к которым легко было подобраться по решёткам окон первого. Больничной гараж, как и прежде, был открыт для всех желающих. Штатный автомеханик пользовался популярностью. Руки у него были, что называется, золотые. Он спасал машины. Руки Зильбермана уже никого не спасут.

Этот участок Светка и Женька прошли молча. Вот и лестница, ведущая в главный корпус. Такая же неприметная дверь, и если не знать, что за нею не очередная подвальная каморка, а выход на свет божий, то можно пройти дальше, в раструб, ведущий к иным «жизненно важным органам» тела огромной многопрофильной больницы. Тут же, в закоулках, были и грузовые лифты, но ими пользовались лишь для транспортировки каталок. Друзья поднялись пешком.

– Слушай, а я ведь специально посмотрела. Он родился в год крысы. По китайскому календарю.

– Ещё один ключ, – пробормотал Женька.

– Что?

– Ещё один ключ от форта Баярд. Который не нужен. Не важно... Пойдём, предстанем перед ясными очами главного врача.

* * *

Объяснение было быстрым и не травмирующим психику сторон. Сначала главный, конечно, побушевал для проформы и утверждения альфа-самцовости на вверенном ему ареале малопригодного для нормальной жизни материка, носящего гордое название «Государственное здравоохранение». Но заведующий наблюдательным отделением родильного дома не возражал, не демонстрировал пренебрежения или излишнего раскаяния. Он был сдержан и корректен, все бумаги были в порядке. Даже милицию вызвал, «какой молодец». Хирурги недавно ох как подставили. Привезли им огнестрельное,

они прооперировали, перевязали, вкололи чего надо, а пациент исчез. Позже менты таскаться начали. Чудак в розыске оказался. «Он кровью истекал, некогда нам было звонить!» Одни они, что ли, на дежурстве? У людей всегда наготове воз и маленькая тележка отговорок и оправданий для своей расхлябанности и безответственности. Или, вон, пацана четырнадцатилетнего в торокальную [132] уложили с проникающим ножевым в лёгкое и мордой всех цветов радуги, так только утром о милиции вспомнили. А его отчим уже протрезвел и смотался. Этот Иванов – молодец. И дело сделано, и документация в ажуре, и кулаками себя в грудь не колотит, что, мол, его дело жизни спасать, он – герой с передовой, а ты тут – крыса кабинетная.

Кто там из министерства звонил? Чьему очередному племяннику это заведование сдалось? Если не очень ранговые, то я за этого Иванова повоюю. Он на своём месте. Да и Нечипоренко вроде ничего, гонор не показывает. Подумаю. Хотя на одну семью двое заведующих – многовато. Муж её специалист отменный, говорят. Такого нельзя терять – его в любой больнице с руками и ногами оторвут, несмотря на переизбыток кадров. Кадров-то всегда переизбыток, а работать некому.

Главврач задумался о чём-то своём, встал и подошёл к окну. Светлана Анатольевна нетерпеливо заёрзала на стуле. Женька поднёс палец к губам, мол, тихо!

– Спасибо, коллеги. Ситуация ясна. Идите по рабочим местам. – Он даже пожал Женьке на прощание руку.

– Как ты это делаешь?! – восхищённо спросила Светка, едва они покинули приёмную.

– Просто. Не суечусь. Не пытаюсь кому-то что-то доказать – это априори лишено смысла. Не выпячиваю своё эго. Последнее вовсе не означает, кстати, что его у меня нет. «Надо только выучиться ждать. Надо быть спокойным и упрямым [133] ... – сделав серьёзное лицо, негромко запел Женька, торжественно обняв одну из колонн, коими был полон холл здания, частично построенного в стиле „позднесоветского псевдоампира“.

– ... чтоб порой от жизни получать радости скупые телегра-а-а-ммы!» – подхватила Светка.

– «Надежда – мой компас земной, а удача награда за сме-е-елость. А песни... Довольно одной, чтоб только о доме в ней пе-е-елось!» – грохнули они хором.

– Хорош! А то ещё увидит кто, как мы тут дурака валяем, заведующие, понимаешь, ты ещё и обязанности начмеда выполняешь. Пойдём работать, а песни вечером петь будем.

– Будем. Нет, всё-таки, как это у тебя получается, а?!

– Как-то так, Светка. Не знаю. Помнишь старый анекдот про профессорскую бороду?

– Не припоминаю.

– Как-то раз студенты спросили пожилого профессора: «Вы когда спать ложитесь, бороду под одеяло укладываете или поверх?» – Женька выдержал паузу.

– И что?

– И то! Впервые за долгие годы профессор уснуть не смог. Так что не спрашивай меня, как я это делаю. Просто пользуйся плодами моей деятельности. Пошли работать, Светлана Анатольевна, солнце ещё высоко!

– Как достала эта рутина!

– О чём ты, Света? – Женька приподнял бровь.

– А то ты не знаешь?! Бесконечная писанина эта, бабы, задающие плюс-минус одни и те же вопросы, и каждая – каждая! – считает, что такой, как она, – больше нет. «Я, Кудин и в жопе один», – как говорила моя покойная бабка.

– Так оно и есть, Светка. Каждая из них – уникальное творение. Синоним слова «работа», кстати.

– Да-да. Та самая, от которой кони дохнут.

– От творения кони не дохнут. Это люди дохнут от бессмысленного нытья. И, что удивительно, на это силы всегда находятся.

– Не дохнут, да? Вот был бы ты белый человек, так по ночам спал, а по утрам – просыпался. Строчил, как Машка или мамаша твоя, пока строчится, а по вечерам и ночами не вздрагивал от телефонных звонков. А сейчас что? Отработал смену ответственным дежурным? Милости просим к продолжению банкета, раз вы заведующий. Пожалуйста, сделайте обход, на плановые сходите и раньше ординаторов не вздумайте домой валить, Евгений Иванович. И вот когда ты доволочёшь домой свои ноги, там будет Машка, подруга моя любимая, что в порыве творческого вдохновения спалила очередную кастрюлю, потому что просто о ней забыла.

– Это, Светка, тоже работа. А Машка да, тут ты права, уж лучше бы у неё никогда не случилось припадков кулинарного творчества. Потому, чтобы сотворить, одного вдохновения мало. Нужна кропотливая, что? Правильно. Работа. Всё, пошёл я на свои галеры, Светлана Анатольевна. А ты гребь к себе. Увидимся ещё сегодня. И много раз, кстати. – Он хохотнул.

– У тебя плановые операции есть?

Не оборачиваясь, он показал Светке левой рукой «козу».

– Две? Да ты лопатой бабки гребёшь, Иванов! – засмеялась та.

Он в ответ лишь махнул всё той же левой ведущей.

Работа, работа, работа... «Работа, дело, делание, занятие, труд, страда, подвиг, упражнение; изделие, поделка, произведение, создание, творение, продукт. Работа изнурительная, кропотливая, тяжёлая, адская, египетская, полевая, усидчивая, чёрная» – рассказывает словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. И словарь не разделяет работу на «рутинную» и «творческую», даже под словом «творение» имея в виду всего лишь работу. Кто

сказал, что в работе писателя, художника или скульптора нет так называемой рутины? Кому в голову взбрело, что в работе врача нет творческого начала. Нет смысла дробить единое. «Рутинка» и «творчество» лишь составляющие части любой работы. Тысячекратные повторения оттачивают мастерство – будь то мастерство написания историй родов или абзацев художественного текста. Оттачивают движения скальпеля и мысль. Не существует совершенного искусства без ремесла, а любое постоянно совершенствующееся ремесло рано или поздно становится искусством.

Женька искусно провернул рутину дневных дел. Первое – плановое кесарево. Затем – обход заведующего в сопровождении толпы ординаторов, акушерок, интернов.

К каждой женщине подход индивидуальный. И не только в лечебно-диагностической тактике. Одной достаточно улыбнуться, другую потрепать по щеке, и она расцветёт. «Ах, молодой, красивый доктор, заведующий, между прочим! – Будут сплетничать с соседками по палате. – Обручалка? Мне санитарка сказала, что у него жена намного старше, у неё отвратительный характер. Наверняка серая мышь, а то и вовсе уродина. Такие обычно невероятными путями женят на себе красавцев. Поперёк у них там, что ли? Она тут работала, а сейчас ушла на повышение. Говорят, у неё денег куры не клюют. Вот на бабках, наверное, и женился!» – Вздохнут, уткнутся в женский детектив и будут ждать своих мужей. «Пусть, конечно, не такой красавец, как этот Евгений Иванович, но тоже ничего, любит меня не за бабки!»

Кто вам сказал, что беременные – не женственны и утрачивают желание нравиться? Хотят. И сплетничают, и психуют. Последнее – куда чаще, чем небеременные. Поэтому где и надавить не помешает. Не накричать конечно же, а просто быть построже. Без экивоков объяснить, что будет, если не прокапать то и не принимать это. Послеродовые уже в других заботах, хотя всё равно кокетство никуда не улечивается. И вроде понимают, что доктора ничего, кроме их состояния, не интересует, и в промежность он заглядывает исключительно из профессионального интереса, и руки во всякие места погружает лишь для того, чтобы проверить, сформирована ли шейка матки, целы ли своды, нету ли гематом... И всё равно причешутся, и губы накрасят, а особо продвинутые ещё и глаза подведут.

– Ой, он меня когда за грудь потрогал, ах! По-моему, он как-то не совсем как доктор трогал. Показалось, наверное... – делится с дежурной акушеркой на сцеживании очередная родильница, ожидая подтверждения.

– Что вы! Он от своей жены без ума. Перед ним хоть строй красавиц с голыми сиськами выставь, у него ни в одном месте не шевельнётся. Ни в душе, ни в штанах. Проверено! – усмехается та в ответ.

– Такого не бывает. Значит, он импотент! – надувалась очередная новоявленная мамаша. – Потому что любовь любовью, а у всех мужиков стоит,

если им что-то показать.

– Стоит у самцов. А настоящие мужики себя контролируют. Господи, какие же вы все дуры набитые! – вздыхает акушерка, засовывая в карман шуршащее «спасибо».

– Больше к этой сцеживаться не пойду! – заявляет дама товаркам, возвратясь с процедуры. – Грубая она какая-то...

Пациентки влюблялись в Евгения Ивановича пачками. Это бывает и с самыми разумными замужними и любящими женщинами, когда рядом появляется симпатичный мужчина. А уж на фоне изменённого беременностью и родами сознания... Достаточно большой сдвиг по гормональной фазе. Чего уж там – полная перестройка. Вначале страх перед родами. Затем боль периода раскрытия и, наконец, финальные муки изгнания, а рядом такой спокойный, такой красивый, такой доктор-доктор, воплощение девичьей мечты. «Евгений Иванович, не уходите! Вы когда мне руку на живот кладёте, мне легче!», «Евгений Иванович, можно я за вас подержусь, а? а? А-а-а-а!!!», «Ой, не режьте, Евгений Иванович, миленький!», «Резьте, Евгений Иванович, родненький!», «Ой, Евгений Иванович, зашейте красиво!» – И глазки, несмотря на боль, кокетливые... Хотя перед тем, как родился послед и начались процедуры осмотра родовых путей, женщина совершенно забывала и о Евгении Ивановиче, и о всех и вся в мире вообще. В то самое мгновение, когда она была Богом сотворяющим. Любовь и только любовь лучилась из неё. А не кокетство, не влюблённость, не страх, не мука, не бабские сплетни и не прочая дурость мирского. За эту радость, за счастье быть рядом в момент мощного выброса в мир чистой квинтэссенции любви, что побеждала страх перед жизнью и смертью, Женька особенно ценил свою работу. Что может быть более творческим, более возвышенным, более искусным, чем акт очищенной любви?

«После обхода вторая плановая. Всё записать. Ещё раз зайти к ответственным. Подписать все истории. Заполнить статистические талоны. Заглянуть к „свежим“ послеоперационным. Просто пройтись по коридорам вверенных этажей. Посетить родзал, перекинуться парой шуток. Дать ценные и ещё более ценные указаниями. Пойти в детское, как там сегодняшние „кесарята“ и что за проблемы с выпиской из третьей палаты второго этажа. Кто-то поступил в родах? Хорошо, успели поймать. Сейчас посмотрю. Всё нормально. Рожайте per vias naturalis. [134] Ну и что, что тазовое? Сегодня ответственный – Владимир Иванович, он, в отличие от вас, бог и царь акушерских ситуаций. Сами ничего не решайте. Зовите его. Кто-то поступает в родзал – с этажей или с улицы, – ставьте меня в известность в любое время. Завтра увидимся. Всем пока».

Евгений Иванович переделался в своём кабинете. Теперь и у него была эта маленькая привилегия. Сомнительная компенсация бесконечной ответственности, какую даёт маленькая табличка «Зав. наблюдением

отделением» на двери. Переобуываясь, Женька усмехнулся, вспомнив, как шипят по углам интерны и проклинаят свои подвальные шкафчики ординаторы. Иногда ему искренне хотелось поменяться с ними местами. Но лишь иногда. Ему нравилось повышение в иерархии касты наблюдателей таинства рождения.

Он действительно искренне любил свою работу, был талантлив, добросовестен, выучен Зильберманом, принимал, а главное – понимал всю степень ответственности подобного профессионального роста. От ошибок никто не застрахован, но грамотный и спокойный рулевой надёжнее нахватавшегося по верхам истерика. К тому же Женька, в отличие от того же Бойцова, не был самодуром. Немаловажное для начальника качество.

Он бесшумно вышел из приёмного покоя и пикнул брелоком. Чёрный массивный джип мигнул фарами.

Жаль, но на зарплату врача, пусть даже высшей квалификационной категории, кандидата медицинских наук и заведующего отделением, такой не купишь. Хотя Евгений Иванович зарабатывал неплохо. И, увы, не всю его заработную плату ему предоставляло государство. Но и вымогательством он никогда не занимался. Неплохо, но не на нулёвый джип текущего года выпуска. Вообще-то это была Машкина «мечта идиота» – изящная блондинка в здоровенной черной машине. Даже умные дамы порой такие девочки! Так что, сложив гонорар и роялти от переводной «Вестфалии» Е. Иванова, прибавив к ней бонус от поставленного в свежестроенную ведомственную клинику ЯМР [135] – монстра от известнейшего в мире производителя медицинской техники, она купила этот «чемодан на колёсах». Чтобы через месяц вручить ключи от него Женьке и усесться в очередное микро. Наигралась.

– Домой, Евгений Иванович? – донёсся сверху мягкий драматический тенор заведующего отделением патологии.

– А куда же ещё, Вов? – Женька задрал голову.

Он любил этого талантливого хирурга и никогда не принимал участия в многолетних дискуссиях о часто меняющихся любовниках Владимира Ивановича.

– К Машке-какашке? – беззлобно захихикал тот.

– А к кому же ещё. Вовка, у меня там в родзале тазовое, возьми на контроль.

– Ладно.

– Только не забудь!

– За кого ты меня принимаешь?! За пидораса, что ли?!

– А за кого же ещё?! – Обмен давно устоявшимися любезностями был завершён. Евгений Иванович сел в машину и вырулил на узкую дорожку, что, замысловато кружа, вела к выезду из больницы.

* * *

Женька открыл дверь своим ключом, зная, что Машка наверняка чем-то занята. И так же наверняка зная, что она прискачет в коридор его встречать. И это не

было ритуалом или милой, принятой обоими, игрой. Он действительно каждый раз искренне не хотел её отвлекать. А она действительно каждый раз радостно вылетала ему навстречу и очень расстраивалась, если не успевала, была в ванной или болтала по телефону.

В незнакомых компаниях их считали молодожёнами – вечные объятия, нежные поцелуйчики, – фу, тошниловка! Посмотрим, что с вами будет через пару лет. Друзья же и родные давно махнули рукой на их «телячьи нежности», удивляясь и умиляясь. Надо же?! И так бывает. Похожие отношения были разве что у четы Нечипоренко. «Уж сколько минуло», а Вадим всё ещё припадал к Светкиным ногам. И не раз в год, на Восьмое марта, чтобы повиниться за всё про всё с букетиком мимозы в зубах, а чтобы просто застегнуть молнию на сапогах любимой, хотя в его отсутствие она и сама прекрасно справлялась с этой нехитрой задачей. И ни у первых, ни у вторых эти трогательные мелочи не были демонстрацией своего счастья. Это было естественным состоянием.

Едва он закрыл дверь, как Машка уже обняла его, задавая вопросы, мешая снять пальто и обувь.

– Устал? Трудное дежурство было? Тебе подать тапки? Чаю хочешь? Рюмку налить?

– Мань, дай раздеться и дух перевести! А чем так вкусно пахнет? Неужели ты решила приготовить что-нибудь эдакое вместо салата из букв, что я «должен прочитать, пожалуйста!»?

– Женька, сегодня же пятница! С видом на субботу.

– Ах да. Пойду, поздороваюсь с дядькой. «Чего обижать человека?!»

– Вредный Тузик! Только слишком его не забалтывай, а то на Алисе Витальевне праздничный стол! [136] Поздороваешься и в душ! Я пока пойду быстренько абзац закончу, а то сядешь с вами и всё. Пиши – не пиши, мысль уже того... унеслась по отводящим трубам мироздания. – Манька ушла в комнату и прикрыла за собой дверь.

На кухне Некопаев в фартуке колдовал над плитой, напевая себе под нос любимого Б Г:

– Так продолжалось триста лет – огонь, вода и всё такое... [137]

– Привет, дорогой! – Они пожали друг другу руки. – Только Средние века [138] и не кончались, как видишь.

– Слушайте, убейте меня, я не понимаю, как они идут на такое, а?! Привет, Жень, – раздался прямо над ухом Людкин голос.

– Господи, напугала! Откуда ты взялась так внезапно? Привет ещё раз, а то что-то давно не виделись. Часа три уже.

– Из туалета. Ты что, не успел по мне соскучиться?

– Успел, успел. Чего ты не понимаешь и за что тебя надо убить?

– Почему эти куры рожают дома?

– Как почему? – наигранно удивился Женька. – Потому что дома стены не

кишат ужасными инфекциями. Ещё почему? Потому что дома нет врачаубийцы, который рыщет в поисках жертвы, сверкая глазами и щёлкая клыками, с зажатым в кулаке шприцом, полным окситоцина... [139]

– Шприцом Жане, [140] – вставил Виталик, помешивая шурпу.

– Спасибо, коллега, за важное уточнение! Полным окситоцина шприцом Жане, мечтая вонзить его в незащитную плоть, дабы убить невинного младенчика внутриутробно и разорвать как тряпку главный женский орган.

– Вовсе не мозг! – Виталик подул в ложку и с удовольствием прихлюпнул. – Вкусно! Хочешь попробовать?

– Подожди! Я отвечаю Людмиле Николаевне... разорвать матку на части. – На мгновение Женька погрузился и сказал совсем иным тоном: – Только в прошлом месяце одна за другой две дебилки поступили с разрывами после родов на дому. У одной «духовная акушерка» ещё и послед шесть часов ждала. До полного и окончательного ущемления. Потом, как водится, смоталась. А муж бабу в родильный дом приволок. Да ещё и с криками, матами-перематами. Этот Вересов вчерашний – просто тишайший интеллигентнейший человек. Отчего-то именно папашки, мужья таких дамочек самые тронутые на теме семейных родов. Будто их кто в родзал не пускает. Хоть собаку уже приводит... – Он вернулся к первоначальному саркастично-театральному тону. – Дома, под кустом, в луже и в канаве, не рвётся связь с космосом, и я до сих пор не могу понять, отчего же эта связь должна прерваться в условиях, где тебе не дадут покалечить, а то и убить ребёнка и самой умереть. И вообще, это всё естественно и назад, как говорится, к природе, братья и сёстры! Наши бабки в поле рожали, динозавры в мезозое яйца несли без всякой помощи, и куколка превращается в бабочку без внутривенной инвазии! Да будет свет! Бог дал, бог взял! А ещё они любят поговорить о родах в Голландии, в Америке и Канаде, забывая об особенностях русского здравоохранения, русских дорогах и...

– ...русских дураках.

– Вот-вот, я о том же. Естественники грёбаные! Они ж не думают, кто там этих баб в поле под стогами считал? Сколько их померло. И мужья эти, идиоты. Интеллигентные, блядь. Чего ж машину на телегу не сменяют, не начнут картошку своими руками сажать, не отключат электричество и не станут сальные свечи ваять и слюдяные окошки в избушки лубяные вставлять? А помощь медицинскую им, сукам, не бог дал?!

– Людка, что ты от меня хочешь? – вдруг устало спросил Женька. – Я не в силах свои мозги вставить. Всё, что могу, так привести такого Вересова посмотреть на операцию по расчленению трупа его ребёнка и извлечения по кускам из тела его жены. Или идиота, что случился полгода назад. Надо было взять его с собой в операционную, чтобы он увидел, как жена истекает кровью и умирает – не у него, а у меня на глазах, под моими руками. Да только, боюсь, не самих себя в преступной глупости, а меня в намеренной жестокости они

после такого «спектакля» обвинят. И в суд подадут. За ущерб моральный и физический. Не хочу, всё! Не хочу! И вообще, зачем человеку вид на день субботний, чтобы о работе говорить, что ли?!

Раздался звонок.

– О! – сказал Женька. – Это Нечипоренки. Открывайте, встречайте, накрывайте, а я в душ побежал, пока не началось.

Он долго стоял то под горячей, то под прохладной водой. Маша занесла ему в душ чашку кофе и бокал коньяка. Он вышел освеженный, смывший с себя запах больницы, бодрый и готовый к общению с друзьями.

– Помните, в первой Машкиной книге было что-то вроде: «Дерьмовая у нас работа, но она того стоит, потому что смотришь на эту суку в тот самый момент и понимаешь, что она – Бог». О, Евгений Иванович, привет! Как я по вам соскучилась! – дурашливо завопила Светка, пока Женька жал руку Вадиму. – Ну ты-то помнишь, как там?

Он притворно покорно вздохнул и процитировал:

– Редкая эпизодическая бессонница воняет хлоргексидином, пиздятиной, дрыснёй, блевотиной, меконием, бактерицидной лампой, околоплодными водами, хреновым растворимым кофеём, промозглым курением. Звучит шарканьем, оханьем, воплями: «Ой, мамочки!», металлическим стуком и рыками: «Вы позвонили в детское, вашу мать?!», «Звоните наверх, разворачиваемся!» Редкая эпизодическая бессонница отбрасывает назад, где не было места нормальной жизни. Туда, где посреди беспросветной изматывающей жопы были редкие вспышки вселенских откровений. На рахмановке даже последняя тварь на мгновение становится божеством. Так это звучало в книге у Е. Иванова, – вздохнул Женька. – Опять с бабами о работе?

Светка сделала вид, что не услышала последнюю фразу.

– Вот! Ну то есть так, как ты, дорогой Евгений Иванович, я не воспроизведу, у меня нет этих самых, что твоя тётка правильно называет, способностей, и как Машка не напишу, но как же это точно, а? Скажите?!

Все «сказательно» кивнули. Тайна Е. Иванова распирала Светку. Ей хотелось сообщить, ну если не всему миру, то хотя бы коллегам, взахлёб читавшим книги, что на самом деле их написала её подруга. Та, что работала с ними бок о бок. Которую она может добродушно назвать «дурой» или даже послать на хрен, и та не обидится. Потому что они давно дружат. Действительно дружат, а не делают вид. При этом Светлана Анатольевна была не из тех, у кого «в жопе вода не держится», тщательно хранила от Жени то, что произошло в операционной в момент извлечения из Маши её дочери. Но это же совсем другое, да? И Светку распирала гордость за подругу. Она снова пустилась в воспоминания:

– Я помню, как Машка мрачнее тучи припёрлась ко мне с литровой бутылкой водки и принялась её лакать, потрясая какой-то газетёнкой. В ней известный в

узких кругах тамбовской интеллигенции критик Пупкин обвинял её в излишнем физиологизме, грубости и предрекал кануть в Лету, где самое место «блядям-однодневкам, насравшим на алтарь Литературы». И лишь светлый образ аскета-интеллектуала, филолога, вынужденного читать такое унылое говно по долгу службы, навсегда останется в сердцах целевой аудитории издания, покупаемого ради телепрограммы и рекламных объявлений.

– Ой, кто меня тогда только не костерил из-за этой книги. Ну не меня, а некоего Е. Иванова. Кто-то писал, что Е. Иванов – извращенец, получающий удовольствие при виде «рожающих самок». Другие, наоборот, Е. Иванов, мол, жёноненавистник и отрицает материнство. Да и вообще, язык его убог, слог коряв, тема широкой читательской аудитории неинтересна, да и описания недостоверны.

Тут все весело заржали.

– Зря смеётесь, глянцева журналисточка чуть выше средней руки, в смысле узнаваемости её фамилии, даже уколола меня своим штампованным, «овеянными мифами и легендами», пером в колонке «Разочарование месяца». Написала, мол, пробежала я этого вашего Иванова наискосок, а большего он и не заслуживает, и осуждаю. Я два раза рожала и знаю, что в родильных домах всё не так! Я очень переживала. Утро начинала со стакана. Взяла на фирме отпуск, потому что заводилась с полоборота из-за любой ерунды. Костерили в хвост и в гриву никому неизвестного начинающего автора так, что только гай шумел. И заметьте, совершенно бесплатно! Я чуть не свихнулась, решив, что никогда больше не прикоснусь к клавиатуре. Нечего такой бездари, как я, монитор почём зря коптить! Идите-идите, продавайте свои аппараты ИВЛ [141] в особо крупных масштабах, Мария Сергеевна. Демпингуйте тендеры муляжами непосредственно от производителя. А в словотворчество вам путь заказан! И каков же результат? В течение двух месяцев весь первоначальный, немалый, кстати, тираж был продан. И допечатан с коэффициентом два. И вы мне хотите сказать, что в этом лучшем из миров всё не через задницу?

– Маша, ты отлично пишешь, не выдумывай! Когда первая твоя книга только вышла, я как-то в вагоне метро видела её в руках сразу у двоих пассажиров. А это очень знаково, – сказала Люда.

– Да я не об этом. С самооценкой у меня всё нормально, а то вы меня первый год знаете. Хотя «маститые» образованные журналисты и литературоведы, было дело, на полстакана пошатнули мою веру в себя. Но врачи мою книгу расхватывали, как горячие пирожки, что уже само по себе служит признанием, как минимум достоверности. Я о том, что: а) сколько же в людях дерьма, которым они готовы совершенно бескорыстно делиться с ближним, б) этот поток «говнометания» оказал обратный эффект – если кто раньше и знать не знал об «ужасающе бездарном» Евгении Иванове, то теперь, заходя в книжный, невольно тянул руку к его «книжонке». Пару страниц пробежали глазами, и

«отвратительный пасквиль, полный площадных выражений, отрицающий женственность, неприглядно обнажающий святая святых» отправлялся на кассу. «Он когда-то работал врачом?! – вопили в Интернете. – Не может быть! Он слишком жесток даже для врача!!!» И так далее. Одни хаот так, что срочно душ принять хочется. Другие – нахваливают чрезмерно. Солёным огурцом срочно хочется сладкое закусить и превентивно оклизмиться, чтобы кое-где не слиплось. Сижу вся в тоске на тётки Аниной веранде, жру горькую в одну харю. Мама Лена вокруг меня носится с томиком, как положено, и декламирует старика Вольтера с целью успокоения, разумеется: «У Гордона были...» бла-бла-бла, как там, Жень?

– У Гордона были кое-какие критические сочинения, периодические брошюры, в которых люди, неспособные произвести что-либо своё, поносят чужие произведения, в которых всякие Визе хулят Рассинов, а Фэди – Фенелонов. Простодушный бегло прочитал их. «Они подобны тем мошкам, – сказал он, что откладывают яйца в заднем проходе самых резвых скакунов; однако кони не становятся от этого менее резвы» . [142]

– Ага. И вот на этих самых «мошках с яйцами в заднем проходе» тётя Аня, которая и так была не в настроении, потому что я бухаю, а ей ещё за руль, говорит: «Только яиц в жопе нам и не хватало. Члена будет вполне достаточно. Ты, Ленка, заткнись со своими учёными мужами. По-русски это называется: „Собаки лают, караван идёт!“ И чем громче и дольше лают, тем, значит, караван длиннее. А следовательно – богаче! А ты, – обращается ко мне, – поставь стакан в мойку, а выпивку – в бар, а то Женечке настучу, как ты тут „депрессию лечишь“. Он тебе эту бутылку в жопу и засунет, такая резвая станешь, куда там скакунам!» Ну я и успокоилась как-то сразу на всю оставшуюся жизнь. До того мне смешно стало после этих воистину вольтерьянских сентенций.

Вечер был прекрасен именно своей предсказуемостью. Друзья выпивали, гомонили. Говорили о какой-то ерунде, обсуждали – а как же! – больничную жизнь, сплетничали не со зла. Пикировались, пели под три аккорда и даже под занавес устроили танцы.

Женька проводил гостей, закрыл дверь и стал прибираться на столе.

– Я сварю кофе, а ты пока сходи в душ, – сказал он Маше.

– Да, пожалуй. Просто постоять под водой, а потом просто выпить горячий кофе, просто лежа в постели, просто смотря какое-нибудь глупое смешное кино. И просто спать, обняв тебя. Завтра... Вернее, уже сегодня суббота, и мы с тобой будем целый день дома. Станем обниматься, целоваться, разговаривать, пить, курить, заниматься любовью. В общем, знаешь... Мы с тобой уже восемь лет говорим одно и то же.

– И это прекрасно! В душ, я сказал!!! – Он шлёпнул жену ниже спины кухонным полотенцем.

* * *

В воскресенье они поехали за город, забрать Анечку. Как обычно, в пятницу днём Маша отвезла её к бабушке Леночке. Потому, что выходные за городом для ребёнка куда увлекательнее, чем выходные в городе. И потому, что Анечка хотела видиться с бабушками, а бабушки хотели видиться с ней. Жаль, у Анны не всегда получалось, зато Леночка была готова даже оторваться от переводов, чтобы погулять и поболтать с внучкой.

Все положенные чаи были выпиты, все положенные новости выслушаны, и семейство Ивановых засобиралось домой. Как обычно, тётка Анна настаивала, чтобы они остались ночевать. Они же, как обычно, прикрывались понедельником, работами, школами и утренними пробками на въезде в город.

Трасса была относительно пустой – основная масса отправлялась пораньше, «чтобы не попасть в пробку». Что естественным образом её и создавало.

Когда они подъезжали к одному из закрытых поворотов, предшествовавшему выезду на магистральное шоссе, Маша, до того спокойно потягивающая коньячок, который торчал в кармашке её комбинезона, и болтавшая о всякой ерунде, вдруг напряглась:

– Притормози и прими к обочине.

Женька обычно ездил быстро, но, во-первых, поворот был действительно крутой и закрытый. Из таких, перед которыми знак ограничения скорости до сорока, а после – деревья, увешанные мемориальными табличками. Во-вторых, потому что безоговорочно верил в дар своей жены. Он снизил скорость и чуть принял к крутой обочине, одновременно вписываясь в поворот и понимая, что сейчас что-то произойдёт...

Навстречу ему неслась раздолбанная «Газель», в характерной для пьяных в умат пейзаж манере – не снижая скорости, лихо входит в повороты по... встречной. Женька резко выкрутил руль, резко затормозил, понял, что столкновения удалось избежать, и сумасшедший газелист, ни на мгновение не снизив скорость, понёсся дальше, навстречу своему персональному аду. И ещё Евгений Иванович Иванов понял... нет, не понял... Предощутил солнечным сплетением ужас... Момент крена, уже уловленный рецепторами. Но импульс ещё не доставлен в мозг по нервным волокнам и не проанализирован соответствующими «программами». Тело, работая в обычном режиме, не способно ощущать столь краткие временные промежутки, за которые его же собственный «бортовой компьютер» механически проделывает колоссальную работу: получение – передача – расшифровка сигнала. Но видимо, в иные моменты кто-то переводит нас в «ручной режим управления», и всё становится иначе. Наше восприятие меняется. Звуки становятся осязаемее, обоняние смешивается со вкусом, на кончики пальцев приземляются горячие черные шары... чтобы округлить их притязания в магию ядра, летящего в преисподнюю... И каплями ртути, покрытых вуалью, разлетаются брызги

пространства, как споры, закатываясь под каблуки и лишая опоры [143] ... а время начинает растягиваться, растягиваться, растягиваться и, наконец, с треском разрывается, мелькнув перед в поле зрения обнажёнными грубыми искалеченными нитями утк?... [144]

* * *

И Женька очутился в... приёмном покое своего собственного родильного дома. Та же кушетка, те же шкафчики, та же тумбочка, с вечно заедающим верхним ящичком. Вон ургентный звонок на стене, похожий на выключатель, и, как сейчас помнится, не было ни одного интерна, хоть раз не «включившего свет», материализовав всю дежурную смену в мгновение ока в этой проходной комнате. И почему фасон «тревожной кнопки» не меняли даже во время серьёзных ремонтов?

Прямо – дверь в смотровую обсервационного отделения. Направо – в смотровую физиологического. Только почему-то на полке стеклянного шкафа, подписанной «Помощь при неотложных ситуациях», стояла бутылка пятизвёздочного коньяка и два пузатых бокала. А за столом вместо акушерки сидел... Зильберман.

– Пётр Александрович?!!

– Пётр, Пётр. Мы ж с тобой, интерн, помнится, как-то раз на обоюдное «ты» перешли и даже выпили на брудершафт. Садись. Что стоишь, как неродной?!

– А я что? Умер? – Женька почувствовал себя очень глупо.

– Ясен пень, умер. – Зильберман лукаво прищурился. – Тебе куда? Прямо – в Ад, направо – в Рай, соответственно. Тут Чистилище, а твой труп разговаривает с ответственным дежурным стрелочником. Обменная карта есть, Евгений Иванович? Церковь регулярно посещали? Содержание грехов в моче как? В норме? Давление совести не шалит? Дайте-ка, я пошупаю частоту ваших душевных сокращений. – Пётр встал, обошёл стол и с самым серьёзным видом взял Женьку за запястье. Рука была сухая и тёплая. – Воды времени не отошли? Регулярной родовой деятельности нет? Схваткообразные боли внизу кармы не беспокоят? Шевеления ауры когда последний раз ощущали?

– Пётр Александрович, вы что, серьёзно? – только и спросил оторопевший Женька.

– Иванов, или ты очень сильно отупел с нашей последней встречи, или у тебя чувство юмора обрезали ненароком. Я абсолютно серьёзно... над тобой издеваюсь. Надеюсь, не откажешься выпить со своим учителем за встречу? – Он достал из шкафа бутылку, поставил бокалы на стол и разлил коричневую жидкость так ровно, что палата мер и весов не придралась бы.

– Выпью. И всё же, где я, Пётр Александрович?

– Ну оглядись ещё раз повнимательнее. Где ты?

– В приёмном покое.

– Ну вот! Так что давай за сообразительность и со свиданьем. – Они

чокнулись и выпили. «Коньяк как коньяк. Обычный коньяк. Отличный, даже можно сказать», – подумал Женька.

– А ты амброзии ожидал? Или крови Христовой?

– Я понял! Я сильно ударился головой и потерял сознание. Авария! Вернее, я не справился с рулевым управлением, и мы... Машка и Анечка... Мне надо срочно прийти в себя и помочь им.

– Тихо, тихо! Интерн, где твоя сдержанность? Где твоя мудрость? Ты так и не выучился ждать? А ведь ты, интерн, уже заведешь отделением! Нет, чтобы спокойно выпить с покойным, прости господи, стариком в приёмном, как ни крути, покое! Ты так и не научился регулировать свои энергопотоки? Ну-ка! Что я учил тебя делать? Давай вместе. Отче наш ...

– ...Иже еси на небесах! Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должникам нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого, – быстро пробормотал Женька.

– Ну, за сказанное! – И они выпили ещё. – Так вот, интерн, это самый обыкновенный приёмный покой. И мы здесь делаем то же самое, что делают в любом приёмном покое, – осматриваем, иногда оказываем ургентную помощь, но в основном решаем, куда направить.

– То есть я всё-таки умер, и вы сейчас думаете, куда меня... э-э-э... госпитализировать, в Ад или в Рай, да? – Женька хихикнул.

– Твоя жена творит чудеса. Я ещё не встречал столь эффективных...э-э-э... – передразнил он Женьку, – родственников, как она. Ты сейчас на неё очень похож, что, впрочем, не удивительно. Эдак она, пожалуй, прорвётся сквозь наши «санитарно-эпидемиологические» кордоны, которые вы называете «временем», в безвременье, не имеющее названия. Ваше – ещё не пришло.

– Знаю лишь, что в этот раз время твоё придёт, и придёт время той, чьё время придёт для тебя, – прошептал Женька.

– Ты же и написал, Евгений Иванович. А что написал – сам не понял. – Он посмотрел на часы.

– Если я в вечности, то почему вы смотрите на часы? Я в трещине между мирами? Между параллельными?

– Перпендикулярными, блин! В тебе всё больше и больше Машки. Ангелы, они сильные, даже когда люди. Особенно, когда люди. Пора... Кстати, передашь ей от меня привет и вполне себе сюжетец: «Перпендикулярные миры, или Жизнь после вместо». Такие миры, где всё перпендикулярно. То есть – поперёк. Ибо – не к месту. А по-русски говоря – через жопу. – Пётр усмехнулся. – Там же и трещины обычно находятся. Трещины заднего прохода. Ты всё ещё так и не понял – ключи вообще не нужны. Ни крест-накрестные, ни в полумесяце; ни со звездой в сердечнике, ни с иероглифом в голове. Не в замках дело-то, а в косяках. Не понял? А всё потому, что не принял ты покой,

произнёс Слово, да не познал сполна.

– Какое слово?

– В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было вначале у Бога. Всё через Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. В Нём была жизнь, и жизнь была свет человеков; И свет во тьме светит, и тьма не объяла его ... [145] Ну, и так далее. Бедняга Иоанн, он чуть не свихнулся, пытаюсь объяснить, что именно никогда не начиналось и никогда не закончится. Но невыразимое должно оставаться невыразимым...

Женька очнулся от резкой боли в глазах и едкого запаха коньяка, что, казалось, залили прямо в нос.

– Если ты сейчас умрёшь, я тебя убью!!! – Машка набрала полный рот коньяка и приготовилась снова щедро обрызгать его лицо.

– Машенька, а водички у тебя, деточка, не нашлось? – Еле сдерживая желание завывать, до того пекло слизистые, елейным бархатным баритоном спросил супруг и несколько раз сильно зажмурил глаза.

Машка, от неожиданности проглотив содержимое «защечных мешочков», истерично рассмеялась. А Евгений Иванович с удивлением обнаружил, что лежит на земле.

– Ты как, целая? – спросил он её.

– Целая.

– Где Аня?

– Тут, рядом.

Женька резко поднялся. Дочь стояла невдалеке, рядом с приземлившимся джипом, и что-то строго выговаривала плюшевой икеевской крысе, тыкая указательным пальчиком в сторону мамы и папы.

– Анечка! – Женька помахал ей рукой.

Она улыбнулась в ответ и сказала копеечному, растиражированному трудолюбивыми китайцами слегка косорылому зверю: «Вот видишь? Мама Маша сказала папе Жене: „Щас, любимый... нехорошее слово... я тебя... нехорошее слово... спасу!“» – Девочка очень хорошо копировала Машкины интонации. – И спасла. Мама всегда говорит правду.

– Да всё с ней хорошо. Она просто испугалась. Тебя-то чего, детину здоровую, так вырубил? Подумаешь, головой шандарахнулся! – Машка отходила от стресса.

В чрезвычайных ситуациях она никогда не плакала, не задавала небу глупых вопросов и предпочитала сама не плошать, считая, что надежда неуместна там, где речь идёт всего лишь о сроках.

– А я не помню... «Полёт» только начался, я и вырубился. Только успел ужаснуться, что с вами что-то случится. – Женька пощупал огромную шишку на лбу.

– Хорошо, что у тебя крепкий татарский череп. Только ты не просто

вырубился. Я, грешным делом, подумала, что ты умер. Такая махина, а отключился, как институтка из Смольного. И такой треск раздался, когда мы «приземлились», что я подумала... Теперь уже не важно. Тебя целых пять минут не было! У тебя пульс отсутствовал – хочешь верь, хочешь нет! Я кулаком в грудину, конечно, засветила – уж не знаю, насколько это походило на «прямой удар в область сердца», – да только руку, похоже, вывихнула. А тут коньяк этот дурацкий из кармана и торчит. – Манька приложилась к бутылке.

– Да уж, Сергей Алексеевич Потапов, пожалуй, не одобрил бы такую СЛР. [146] Особенно перемещение тела пострадавшего. Грубейшая ошибка.

– Давай без клинических разборов обойдёмся, а?! Не могло у тебя быть никаких переломов. Не такой уж сильный удар. Даже подушки безопасности не раскрылись. Ты дышал ровно. Просто у тебя не было пульса. Нигде. Ну или мне отказала тактильная чувствительность...

– А кто меня вытащил? – Женька удивлённо осмотрелся вокруг.

Там, вверху, мимо проезжали чуть притормаживающие из любопытства машины, но обочина была пуста, и никаких сочувствующих помощников не наблюдалось.

– Мама сама тебя вытащила, – сообщила ему Анечка. – Какой-то дяденька остановился и спросил: «Что случилось? Может, вызвать „скорую“?» Мама ему нехорошие слова сказала, он пальцем у виска покрутил и уехал.

Женька обнял и поцеловал дочь.

– Как же ты меня вытащила? Я же центнер вешу против твоих пятидесяти.

– При помощи слов, наверное. – И Маша добавила, косясь на дочь: – Тех же самых, нехороших. Я не помню, Жень. Я вообще соображать начала, когда ты в себя пришёл. То есть буквально только что. Резюме: мы живы, здоровы, пара шишек у тебя, похоже, будет гематома голени у меня, и у всех разом – средне-тяжёлый испуг. Включая машину.

Женька покосился на слегка примятое чёрное чудовище и живо представил себе, как трёхтонный монстр, сделав в воздухе сальто, приземлился с лёгкостью кошки на все четыре колеса. «Вот почему не сработали подушки», – подумал он. – «На хрен им было срабатывать-то?!»

– Гаишников бы надо вызвать. Страховка и всё-такое, – прервала Маша его мысли.

– Может, ну их? А то мы тут от старости умрём, пока они доедут. Страховку так и так получим. Мы в своей стране, как-никак. И раз такое дело, – Женька всегда быстро принимал решения, – я не вижу повода!

– Мои родители – алкоголики, – сказала Анечка и по-старушечьи вздохнула.

Машка с Женькой зашлись в приступе хохота.

– Ну, без трактора нам всё равно отсюда не выбраться, – сказал Женька, отдышавшись. – Коньяк есть, сигарет хватит. Анечка, ты как насчёт попить, пописать или согреться?

Дочь их была на удивление терпеливым и где-то даже по-крестьянски мудрым ребёнком, чем напоминала некровную бабушку Анну, нежели собственных родителей. Что правда, она была куда спокойнее госпожи Романовой.

– Всё нормально, папа. У меня есть тёплая кофта, а пописать можно вон там, под кустиками. Ничего у меня не болит, не тошнит, и у меня нет ни сыпи, ни температуры, – очень серьёзно сказала она. – Правда, когда мы летели, я очень сильно испугалась и даже закрыла от страха глаза. Там были фиолетовые и разные линии, а какой-то старый дядя сказал мне, чтобы я не боялась, и дал мне подержать ручную крысу. А мама как заорёт: «Анна Евгеньевна!», и крыса с перепугу прыгнула дяде в карман халата. Он сказал мне, что надо открыть глаза и ответить маме такими словами: «Не знаю, наверное, опыт подсказывает мне, что всё хорошо», и подмигнул. Я так и ответила. А потом вырвала немножко на сиденье. Но я уже вытерла. В кармашке были салфетки.

Женька подошёл к дочери и поцеловал её в макушку.

– Анечка, что ты выдумываешь?! – возмутилась Машка.

– И ничего я не выдумываю! – надулась та в ответ. – Просто ты уже ничего не слышала, потому что вытаскивала папу из машины, била прямо в него кулаком, как в кино про Джеки Чана, а потом плевалась коньяком. Ещё кричала: «Сдохнешь, убью! Сдохнешь, убью!»

– Утонешь, домой не приходи! – засмеялся Женька. – Стоп! В карман какого халата?

– Обычного халата, папочка. Белого. Я пойду, погуляю тут, посмотрим с моим Подвальным, – она поцеловала плюшевого грызуна в нос, – чем тут можно поживиться.

– Ладно, только далеко не отходи, – машинально произнёс родительскую «мантру» Женька. И тут же оторопело, вдогонку: – Со своим – кем?

– Ну, я там, в закрытых глазах, – Анечка для большей наглядности махнула игрушкой куда-то в сторону, – спросила этого дядю, как зовут его крысу. Он и сказал, что фамилия крысы Подвальный и его не зовут, он сам приходит. – И девочка беззаботно отправилась изучать листики-былинки.

– Ну, конец, – сказала Маша. – Может, отвезём её к врачу всё-таки?

– С жалобами на законченно-осмысленные галлюцинации? Маша, она не могла всё это выдумать по той простой причине, что она всего этого не знала. Про подвал, про крысу... Про «опыт»...

– Может, вертелась под ногами, когда мы что-то говорили?

– Наша дочь никогда не вертится под ногами, и ты это прекрасно знаешь. А если и подслушивает чего, то избирательно. Этот талант у неё от тебя. И текущий круг избирательности известен. – Он сделал паузу. – А если начистоту, то можешь и меня заодно записывать на приём. Потому что я как раз собирался передать тебе привет от Петра Александровича. Он просил.

– Кто просил? – Машка оторопела.

– Ну, говорю же тебе... Мы с ним тут как раз бахнули по коньячку. Не пойму только, как это он успел и рюмочку пропустить, и с Анной Евгеньевной пообщаться?..

– Ну всё! – Манька подскочила. – Пока они там, не знаю где и чем сознание себе расширяли, пока им мультики показывали, я одна тут тупо чуть от ужаса не обделалась, и в моей голове пела пьяным голосом тётя Аня: «Если смерти, то мгновенной, если раны – небольшой».

Из глаз у неё побежали слёзы. Стресс проходил. Она всегда плакала так – тихо, без всхлипов.

– И ни крысы ко мне не приходили, ни коньяка стогосветного не наливали...

– Так у тебя и на этом всегда с собой есть! – Женька засмеялся и обнял жену. – Ну всё-всё, не маши крыльями, а то станет слишком ветрено, а нам ещё трактор поджидать. Кстати, надо ему позвонить – чтобы выдвигался.

– Звони тётке Анне. И они тут все материализуются, ты и «крибле-крабле-бумс» брякнуть не успеешь, – проговорила она, шмыгнув носом. И тут же добавила: – Вечером мне всё расскажешь, ладно?

– О, в тебе проснулся писатель? Так быстро?!

– Да. И называться писанина будет «Все люди, как люди, и только у Ивановых всё через жопу». Я тут о нём беспокоюсь, вытащила его, борова...

– Не борова, а сто килограммов весьма соблазнительного мужского тела. И кстати, вдруг бы у меня всё-таки был перелом позвоночника... – вставил Женька.

Машка кинулась на него с кулаками.

– Чуть... с ума... не сошла... хочу узнать... что там ему... привиделось... и какому... специалисту... его... показывать!.. – выкрикивала она, задыхаясь в пыли шуточной потасовки. – А он... ко мне... со своими романами... лезет!..

– С моими?! – с шутливым возмущением вопил Женька.

– Да-да! С твоими! Они под твоей фамилией выходят!

Они свалились на землю и начали целоваться.

– Идиот! – выдохнула Машка.

– Балбеска... – прошептал Женька.

– И это можно назвать родителями? – хмыкала в сторонке Анечка Подвальному. – Машину разбили, в больницу могли попасть, я уж не говорю о ребёнке, а теперь валяются в грязи и целуются! Ничего-ничего. Сейчас бабушка Аня приедет и покажет им где раки зимуют, даст дрозда и выпорет на обе корки! – Анечка Иванова очень гордилась тем, что знает множество слов и даже значения фразеологических выражений. – Это фразеологические выражения! Понял? – Она усадила свою игрушку на колени. – Они имеют значения! – Она забавно акцентировала последнее слово. Плюшевая крыса по прозвищу Подвальный могла же и не знать, что слова, и тем более выражения, имеют значения. – Бабушка Аня говорила, что все слова на свете и даже

фразеологические выражения до одного места вместе со своими значениями. До того самого места, каким папа на работе занимается. Бабушка Леночка на неё шикала, и бабушка Аня сказала: «Ладно. Есть одно слово – единственное и значительное, что ни до одного места». Почему-то, Подвальный, я больше верю бабушке Ане. Хотя бабушку Леночку я тоже... – Девочка на мгновение умолкла, чтобы посмотреть на внезапно зашелестевшую над головой листву, – люблю.

Эпилог Последовое

НЕТ СПОСОБА ГОВОРИТЬ ОБ ЭТОМ!

Но «ощутить себя душой призванной – это сродни року. Не в смысле мазохизма случайных нейронных связей обречённого априори жертвенной плотью человеческого мозга. А во Славу! И только во Славу!» [147]

«Быть призванной означает пройти через врата. Спуститься в мир и исполнить. Для этого необходимо избавиться от крыльев. Не отрезать, нет. Ведь нечего отрезать. Те, что пережили смерть, чтобы родиться, говорят о крыльях уже оттуда, то есть как если бы они были птицами. Но они не птицы. И крылья – это скорее музыка. Ритм. И трубный глас, что в этом мире – среди людей – звучит в лучшем случае, как призыв, а в худшем – как предвозвестник рока, в музыке сфер скорее напоминает джаз. Забавно. И не жаль. И не плохо. И не хорошо. Отказаться можно. Но как можно отказаться от правды? Что должно быть исполнено – будет исполнено. И не жаль. И не плохо. И не хорошо...»

Она ведала, что творит.

Невозможно передать словами ощущение мгновенной свинцовой тяжести. Тяжести, у которой дальше будет название – боль. Лишь «скрежет зубовой» и рвущийся из тебя крик оповещают мир о смерти. О смерти крыльев. О смерти, что там внизу ждут. Ждут трепетно и надрывно. В болезненном счастье бескрылых существ. И радуются, услышав крик новорождённого. Для них – это рождение жизни...

И Анечка вошла в жизнь.

В том месте планеты, где это произошло, молекулярные связи всего живого в оцепенении пережидали трескучие морозы среднеполосной зимы.

Но жаль, что Анечке, как и всем нам, не удаётся припомнить момент истинного рождения. Но это пока. Это пока...

Ибо это невозможно представить. Это – вне представлений.

Это невозможно объяснить. Это – вне объяснений.

Это нельзя рассказать, написать, снять, посчитать, измерить, взвесить, услышать, увидеть, обонять и ощутить вкус. Это вне молекул, вне атомов, вне квантов. Вне времени и вне пространства.

Это – то, чего нет.

И это – всё, что есть.

Это можно предвидеть.

И это примет нас.

Это никогда не закончится, как никогда и не начиналось.

Ибо это сотворило нас.

И это необходимо пережить.

Примечания

1

И. Соломатин . Свобода.

2

И. Соломатин . Афоризмы и философские скетчи.

3

И. Соломатин . Этюд № 11.

4

180 ударов в минуту. В норме сердцебиение плода составляет примерно 140, ясное, ритмичное.

5

Бикс – металлическая коробка для стерилизации.

6

Рахмановка – родильная кровать Рахманова (Рахманов Александр Николаевич – русский акушер (1861–1926), организатор родовспоможения).

7

Смерть плода во время родов.

8

Детская и материнская смертность – одни из самых чрезвычайных ситуаций в акушерстве и неонатологии, подлежат тщательному рассмотрению целым рядом комиссий от внутрибольничных до министерских.

9

Неонатолог – врач, специализирующийся на выхаживании и лечении новорождённых.

10

Второй период родов.

11

Так иногда шутливо именуют анестезиологов врачи.

12

Эпизиотомия – разрез промежности.

13

Акушерские щипцы – медицинский инструмент, состоящий из двух симметричных частей – ветвей, которые могут иметь отличия в строении левой и правой частей замка. Существуют разные модели, но принцип действия одинаков. Также «акушерскими щипцами» называется родоразрешающая операция, при которой плод извлекают из родовых путей роженицы с помощью этого инструмента.

14

Ценные указания.

15

Ещё более ценные указания.

16

Фраза из кинофильма «Служебный роман».

17

Фраза из песни В. Высоцкого «Диалог у телевизора».

18

Закон суров, но это закон (лат.).

19

Обсервация (лат . *observatio* – наблюдение). В роддоме отделение, в которое госпитализируются необследованные, температурающие и проч., нуждающиеся в изоляции от здоровых беременных рожениц и родильниц.

20

Умение одинаково ловко работать обеими руками, врождённое или выработанное в тренировке (от лат. *ambo* – оба и *dextera* – правая рука).

21

Частота дыхательных движений.

22

Цитата из произведения Михаила Жванецкого.

23

«Любви с первого взгляда, с последнего взгляда, с извечного взгляда». – Цитата из романа В. Набокова «Лолита».

24

Первое предложение «Поджигателя», которым начинается сборник рассказов Уильяма Фолкнера.

25

В. Ерофеев. Записки психопата. Москва, Захаров, 2004. Издано по рукописи, в авторской орфографии и пунктуации.

26

Nota bene! – Обратить внимание! (лат.)

27

Из фильма «Москва слезам не верит».

28

Апоневроз (от греч. *aponeurosis*) – широкая соединительная тканная пластинка, состоящая из коллагеновых и эластичных волокон. Этой пластинкой мышцы прикрепляются к костям или другим тканям тела.

29

Брюшина (*peritoneum*) – тонкая полупрозрачная оболочка с гладкой блестящей поверхностью, выстилающая изнутри стенки брюшной полости и

покрывающая расположенные в ней органы.

30

Кюретка – хирургический инструмент с рабочим органом в виде острой или тупой металлической петли. В акушерстве и гинекологии применяются кюретки с насечкой на внутренней поверхности, режущей кромкой и круговым бортиком. Также имеет стержень и рукоятку.

31

Имеется в виду нить шовного материала.

32

Крючок Фарабефа – хирургический инструмент для расширения раны с согнутыми под прямым углом закруглёнными рабочими концами.

33

Их положено взвешивать, но хирурги знают, сколько впитывает салфетка.

34

Отдел технического контроля.

35

Из кинофильма «Покровские ворота».

36

Комбинированный эндотрахеальный наркоз (ЭТН) – наркоз, при котором используется дыхательная аппаратура и комбинация анестезиологических препаратов. Этот наркоз позволяет пациенту длительное время находиться в состоянии глубокой анестезии.

37

Эпидуралка – эпидуральная анестезия – один из методов региональной анестезии, при котором растворы анестетиков вводятся в эпидуральное пространство. Пациентка в сознании. Дышит самостоятельно.

38

Ургентная помощь – неотложная немедицинская помощь.

39

Асфиксия – удушье, прекращение пульса и дыхания.

40

Гипоксия – кислородное голодание, кислородная недостаточность, понижение содержания кислорода в тканях.

41

Цервикальный зев – отверстие шейки матки.

42

Костные экзостозы – разрастание костной ткани неопухолевого характера на поверхности кости.

43

Ex consilium – решение принято совещательно (лат.).

44

Абсанс (от франц. absence , буквально – отсутствие) – внезапное и кратковременное помрачение сознания.

45

Аллюзия на кинофильм «Пророк».

46

Эппендорф – коническая микроцентрифужная пробирка с крышкой, на 1,5 мл, из полипропилена.

47

Высшая Аттестационная Комиссия.

48

Песня Виктора Цоя «Белый день».

49

Аллюзия на роман «Учитель симметрии» (Э. Тайрд-Боффин в вольном переводе А. Битова). На самом деле никакого Тайрд-Боффина не существует – это «одноразовый» псевдоним Битова специально для этого цикла новелл.

50

Стихотворение К. Симонова «Бывает иногда мужчина». Текст предыдущего абзаца – аллюзия на то же стихотворение.

51

Эпикриз (от греч. еріKрiсiс – решение, определение) – заключение врача.

52

Строка из песни БГ «География».

53

Из той же песни Бориса Гребенщикова.

54

Цитата из песни БГ «География».

55

Михаил Булгаков . «Записки юного врача». («Эх, Додерляйна бы сейчас почитать! – тоскливо думал я, намыливая руки. – Увы, сделать это сейчас было невозможно. Да и чем бы помог мне в этот момент Додерляйн?») Додерляйн – автор учебника по акушерству.

56

Из стихотворения И. Соломатина «Сожаление».

57

Бинт Вербова (Я.Ф. Вербов (1871–1930), русский акушер-гинеколог) – брюшной бандаж, предназначенный для ускорения родов в периоде изгнания при слабости потуг.

58

Центральная районная больница.

59

Сильнейшее напряжение передней брюшной стенки – один из

патогномоничных симптомов перитонита – воспаления брюшины.

60

Оперативный доступ – нижнесрединная лапаротомия.

61

Катетер, устанавливаемый в подключичной вене в случае необходимости массивной инфузионной терапии.

62

Зодчий, астроном и врач, строитель первых пирамид Древнего Египта. Греки сопоставляли его со своим богом врачевания Асклепием.

63

Гиппократ . «Прогностика».

64

Гиппократ . «О враче».

65

Первая Книга Моисеева, Бытие, стих 26.

66

«...Случайности не существует, – всё на этом свете либо испытание, либо наказание, либо награда, либо предвозвестие». – Вольтер . «Задиг или Судьба».

67

Гиппократ. «О враче».

68

Фильм с Аль Пачино «Запах женщины».

69

Аллюзия на Ницше «Так говорил Заратустра».

70

Первая Книга Моисеева. Бытие. Глава 2, Стих 1.

71

« Заливка » – профессиональный жаргон. Введение в плодный пузырь фармакологических веществ, вызывающих роддеятельность и убивающих плод.

72

Перефразированный стих 24 из главы третьей Первой Книги Моисеевой «Бытие».

73

Истинное приращение плаценты – ворсинки хориона прорастают сквозь мышечную стенку матки вплоть до брюшины. Плацента в таком случае не отделяется ни самостоятельно, ни с помощью акушерских приёмов. Эта патология чревата кровотечением.

74

Кровотечение, связанное с пониженным тонусом матки.

75

Лапаротомия (от греч. lap?ra – пах, чрево и tome – рассечение) – хирургическая

операция чревосечения – вскрытие брюшной полости.

76

Гиппократ . О природе человека.

77

Первая Книга Моисеева. Бытие. Глава восьмая, стих двадцать первый. «Зло от юности его» – имеется в виду неопытность человечества.

78

Аллюзия на фильм «Догма» режиссёра Кевина Смита 1999 года.

79

Именно к этому дню, согласно Библии, обсохла земля после потопа и Ной открыл кровлю Ковчега.

80

В данном контексте – «по максимально кратчайшему пути», в самом верном направлении.

81

Пятая Книга Моисеева. Второзаконие. Глава пятая, стих двенадцать.

82

Женька пересказывает Виталику эпизод из повести Вольтера «Кандид, или Оптимизм».

83

Илья Ильф и Евгений Петров «Золотой телёнок».

84

Аллюзия на то же произведение Вольтера.

85

Анализ мочи по Нечипоренко – это лабораторное исследование мочи, с помощью которого врач может оценить состояние, функции почек и мочевыводящих путей.

86

Буквально «история жизни». Та часть анамнеза, что не касается болезни, а лишь жизни пациента – родился, женился и так далее.

87

Фраза из кинофильма «Иван Васильевич меняет профессию» режиссера Гайдая.

88

Первая Книга Моисеева. Бытие.

89

Световое кольцо вокруг Солнца или Луны, группа оптических явлений в атмосфере; возникают вследствие преломления и отражения света ледяными кристаллами, образующими перистые облака и туманы.

90

Первая Книга Моисеева. Бытие. Глава первая. Стих тридцать первый.

91

Это было написано на вырванном из блокнота листке, который Женя Иванов положил в карман пижамы Маши Поляковой. (Автор стихотворения – И. Соломатин).

92

Диссеминированное внутрисосудистое свёртывание крови.

93

Отрывок из стихотворения Ильи Соломатина «Бунт».

94

Декапитация – обезглавливание (от de – приставка, означающая отделение, и caput, capitis – голова (лат.).

95

Federation International Obstetris&Gynaecology – Международная Федерация акушеров-гинекологов.

96

Акушерский инструмент по автору. Состоит из трёх частей – крючка, стержня и рукоятки. На конце крючка имеется утолщение в виде круглой пуговки. Рукоятка сделана в виде перекладки. Длина инструмента около 30 см.

97

Обратный заброс (лат.). Проще говоря – рвота.

98

Ассистент таким образом фиксирует головку плода, не давая ей сместиться.

99

Частота сердечных сокращений.

100

Артериальное давление.

101

Ручное обследование полости матки.

102

Из христианского варианта «Клятвы Гиппократ», сохранившейся в греческих средневековых рукописях.

103

Между шейкой матки и стенкой влагалища образуются щелевидные пространства – своды влагалища.

104

Срочно (лат.).

105

Разрывы на шейке матки обозначаются по циферблатному принципу.

106

Первая Книга Моисеева. Бытие. Глава четвёртая.

107

Кандид, главный герой философской повести Вольтера «Кандид, или Оптимизм», родом из Вестфалии.

108

Стихотворение И. Соломатина «Камни» (Написано во время осмотра древнегреческой усадьбы «Скели», Крым, Байдарская долина).

109

Вольтер . Философская повесть «Кандид, или Оптимизм».

110

Современная английская романистка.

111

Диагноз «клинически узкий таз» ставится только в родах.

112

Преэклампсия и эклампсия – одни из самых угрожающих состояний в акушерстве.

113

Главный герой романа Маргарет Митчелл «Унесённые ветром». Ему принадлежит фраза: «Да кому они нужны, эти мальчишки?!»

114

Гурджиев Георгий Иванович (1872–1949) – греко-армянский философ, мистик и «учитель танцев». Его работы были посвящены саморазвитию человека.

115

М. Волошин. Путиями Каина. Трагедия материальной культуры.

116

Омнопон – наркотический анальгетик.

117

Дефибриллятор – аппарат, предназначенный для ликвидации тяжёлого нарушения сердечной деятельности. Проще говоря – синхронизирует разрозненные «мышечные подрагивания» в тех случаях, когда сердце не может самостоятельно «отладить» свою работу и «останавливается».

118

Интубация (от лат. in – в, внутрь и tuba – труба) – введение в гортань через рот специальной трубки с целью устранения нарушения дыхания.

119

Неонатальная история – дневник наблюдения за новорождённым.

120

Фрагмент стихотворения И. Соломатина.

121

Шкала оценки состояния новорождённого, включающая сумму оцененных в баллах рефлексов, цвета кожных покровов, дыхания и так далее. Весьма условна.

122

Петехии – мелкие кровоизлияния на коже, слизистых и серозных оболочках величиной от булавочной головки до горошины.

123

Экхимозы – места повышенной кровоточивости.

124

Кювез – инкубатор для выхаживания недоношенных или с патологией новорождённых.

125

Философская повесть Вольтера.

126

Международная академия бизнеса.

127

Генерический препарат (генерик) производится тогда, когда кончится срок патентной защиты оригинального препарата. Как правило, он меньше стоит и бывает хуже качеством.

128

Пропедевтика (греч. προπαίδειο – предваряю) – сокращённое изложение какой-либо науки, вводный курс.

129

Паренхиматозные – «тканевые» органы – печень, почки, селезёнка, лёгкие.

130

В соответствии с документами ВОЗ – политкорректное именование наркоманов.

131

Первое предложение «Поджигателя», которым начинается сборник рассказов Уильяма Фолкнера.

132

«Грудная» хирургия. Занимается органами грудной полости.

133

Песня «Надежда» (слова Николая Добронравова, музыка Александры Пахмутовой).

134

Через естественные родовые пути (лат .).

135

Ядерно-магнитно-резонансный томограф. Очень дорогостоящее диагностическое оборудование.

136

«На мне праздничный стол!» – Фраза Алисы Витальевны, героини фильма «Покровские ворота». Оттуда же предыдущие слова «Чего обижать человека?!», с которыми Света покидает Костика на катке, увидев Велюрова.

137

Песня Бориса Гребенщикова «Моллой пришёл издалека».

138

Аллюзия на ту же песню.

139

Окситоцин – гормон, вызывающий сокращения матки и молочных желез.

140

«Крупнокалиберный» шприц. Предназначен для введения больших количеств жидких лекарственных препаратов, для переливания крови и промывания полостей тела.

141

Аппарат искусственной вентиляции лёгких.

142

Вольтер. Философская повесть «Простодушный».

143

Строки из стихотворения И. Соломатина «Что мы об этом знаем».

144

Ут?к – ткань состоит из двух систем нитей: основы (продольных нитей) и утк? (поперечных нитей), переходящих последовательно то над, то под одна другой.

145

От Иоанна Святое Благовествование, Глава первая, стих первый – пятый.

146

Сердечно-лёгочная реанимация.

147

И. Соломатин. «Афоризмы и философские скетчи».